

БИЗНЕС

АНКИЛ

<http://www.ankil.info/36.html>

Свидетельство о регистрации в Министерстве печати и информации РФ № 01 10656 от 14.05.1993 г.
Редакция: ООО «Анкил», 105005, Москва, Елизаветинский пер., 6, оф. 23. Тел./факс: (499) 265-37-18, 267-75-73.
E-mail: info@ankil.info

Учредитель: **Р. Т. Юлдашев**

Научное издание «Финансовый бизнес» входит в новую редакцию (29.12.2015 г.) Перечня ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Министерстве образования и науки РФ для публикации материалов диссертационных работ на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по экономике

Шеф-редактор – Юлдашев Рустем Турсунович – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой управления рисками и страхования МГИМО МИД РФ, академик РАЕН

Главный редактор – Фединский Юрий Иванович, старший научный сотрудник издательства ООО «Анкил», finansbiz@yandex.ru

Отв. секретарь: Я.К. Макарова,
Компьютерная верстка:

m.ankil@mail.ru
Т.Л. Забаева
Н.А. Соколова

Редакционный совет:

Балабанов Владимир Семенович – д.э.н., профессор, президент Российской Академии предпринимательства

Бандурин Владимир Васильевич – д.э.н., профессор Российской Академии предпринимательства

Генкин Артем Семенович – д.э.н., профессор, действительный член РАЕН по секции проблемы макроэкономики и социального рыночного хозяйства, исполнительный директор и совладелец Консалтинговой Группы «АСПЕКТ»

Дадалко Василий Александрович – д.э.н., профессор кафедры анализа рисков и экономической безопасности ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве РФ»

Катасонов Валентин Юрьевич – д.э.н., профессор кафедры международных финансов МГИМО МИД РФ, член-корреспондент Академии экономических наук и предпринимательства

Сильвестров Сергей Николаевич – д.э.н., профессор, академик РАЕН, проректор Финансового университета при Правительстве РФ, действительный государственный советник второго класса, заслуженный экономист РФ

Хоминич Ирина Петровна – д.э.н., профессор, заведующая кафедрой страхования и управления рисками РЭУ им. Г.В. Плеханова, почетный работник высшего профессионального образования РФ

Щербаков Владимир Васильевич – д.э.н., профессор, заведующий кафедрой коммерции и логистики СПбГУЭФ, г. Санкт-Петербург

Юрьева Татьяна Владимировна – д.э.н., профессор, зав. отделением управления проектами и программами РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

Яковлев Владимир Михайлович – д.э.н., профессор, зав. лабораторией стратегического управления развитием национальной экономикой РАНХ и ГС при Президенте РФ, Действительный член Российской академии предпринимательства и Международной академии экологической реконструкции

Коммерческий отдел:

Зам. ген. директора: Я. К. Макарова

Отдел подписки, отдел реализации книг: info@ankil.info

Подписные индексы журнала в агентствах:

"Пресса России" – 77741, "Роспечать" – 48992, Альтернативная подписка: "Союзпечать" 707-12-88, 707-12-89, 707-16-58 "Бизнес-пресс Курьер" (Нижний Новгород) (8312) 28-10-14; "Вся пресса" 787-34-48; "Дельта Пост" 928-87-62; "Интер-почта-2003" 928-21-77; "Курьер прес-сервис" 933-30-72; "МК-периодика" 281-57-15; "Корпоративная почта" 953-92-62; "Оризон-М" (Тольятти) (8482) 30-08-84, 937-49-59(58); "Эль-стат" 161-56-72; "Урал-пресс" в городах: (Екатеринбург) (343) 375-80-71; (Нижний Тагил) (3435) 41-14-48; "Южноуральская почта" (Челябинск) (351) 262-90-03; "Парма-пресс" (Пермь) (3422) 60-24-40; ООО "Коммерсант-курьер" в городах: (Казань) (8432) 91-09-99(48); (Уфа) (3472) 79-99-24; (Волгоград) (8442) 33-22-07; (Пермь) (3422) 40-89-68; (Набережные Челны) (8552) 59-82-93; (Самара) (8462) 65-41-64; (Саратов) (8452) 27-32-25; (Тольятти) (8482) 20-83-78.

© **ФИНАНСОВЫЙ БИЗНЕС**, 2017

Формат 60x84/8. Объем 10 печ. л. (усл. печ. л. 8).

Бумага офсетная. Тираж 1000 экз. Цена договорная.

Отпечатано в ОП и МТ МГИМО МИД РФ

119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

8-495-434-93-69

В НОМЕРЕ:**АНАЛИЗ-ПРОГНОЗ**

- 3 Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»

ИНВЕСТИЦИОННО-ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

- 11 Елена Тютюкина, Татьяна Седаш, Анатолий Данилов
Три «И» для обеспечения финансирования инфраструктурных проектов: инвесторы, инструменты, институты

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА

- 21 Ирина Караваева, Вячеслав Павлов, Сергей Казанцев, Евгений Бухвальд, Михаил Гельвановский, Людмила Ржаницына, Евгений Иванов, Андрей Коломиец, Ирина Колпакова, Нина Курнова
Федеральный бюджет Российской Федерации на 2018–2020 годы: возможен ли выход из рецессии?

НАЛОГИ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

- 34 Борис Ческидов
Специфика стимулирующего воздействия реформирования налоговой системы в российских условиях

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- 40 Олег Шахов
Общие и особенные интересы участников стратегического партнерства государства и бизнеса

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

- 44 Ирина Колпакова
Государственная ценовая политика как механизм предотвращения угроз социально-экономической безопасности России

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- 50 Валерий Салыгин, Игбал Гулиев, Руслан Мустафинов
Политико-экономические риски трансформации электроэнергетической отрасли Европейского союза
- 58 Николай Котляров, Андрей Островский
Китайские прямые инвестиции в России в современных условиях

- 64 **Перечень публикаций журнала за 2017 г.**

Общие требования к статьям:

1. Статья должна быть оригинальной, не опубликованной ранее и не представленной к печати в других изданиях.
2. В приложении к статье должны быть даны аннотация (до 200 знаков) и ключевые слова на русском и английском языках.
3. Статья обязательно должна содержать вступительную и заключительную части, в которых отражаются цель написания статьи и выводы автора, содержащие описание возможностей практического применения.
4. Весь библиографический аппарат должен быть оформлен в соответствии с требованиями, предъявляемыми к научным публикациям.
5. Одновременно предоставляются варианты английского написания фамилии автора, названия статьи и ключевых слов.
6. Если автор не имеет научных степеней по теме представленной статьи, необходимо предоставить рецензию и контактные данные рецензента. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.
7. Предполагается, что автор при написании статей пользуется несколькими источниками.

Технические требования:

1. Статья должна предоставляться в редакцию, набранная общедоступным шрифтом 12 пт с полуторным интервалом, в электронном (Word, OpenOffice) и бумажном виде.
2. На страницах должны быть проставлены номера и оставлены поля.
3. При наборе формул должны быть использованы формульные редакторы: MS Equation, MathType 4 или OpenOffice. При этом однострочные формулы могут быть набраны обычным текстом с надстрочными и подстрочными индексами.
4. Формулы, таблицы и сноски (не концевые) должны быть оформлены стандартными средствами редактора.
5. Графики, диаграммы и т.п. могут быть оформлены в Word, Excel или OpenOffice и вставлены в текст по смыслу. Допускается использование графического векторного файла в формате wmf/emf или cdr v.10. Такие объекты должны быть пронумерованы и иметь название.

Авторское право:

Автор соглашается с условиями публикации статьи в журнале с учетом следующего:

1. Издательство получает исключительное право на публикацию и распространение статьи под именем автора, включая переиздание, опубликование в электронном виде и иными доступными способами, а также перевод статьи или ее части на иностранные языки.
2. Автор имеет право однажды опубликовать статью в другом издании (предварительно указать) с обязательной ссылкой на первую публикацию. При публикации в Интернете автор обязуется указать сроки публикации и источник публикации с активной гиперссылкой на страницу журнала — <http://www.ankil.info/36.html>, и следить за ее актуальностью в случае изменения этого адреса.

Автор и третьи лица обязаны получить предварительное письменное согласие издательства на публикацию статьи в других изданиях или по другим адресам в Интернете, а также при распространении текстов опубликованных статей за плату. Автор, при обращении к нему третьих лиц, должен сообщить о таких условиях.

Ответственность за достоверность фактов, изложенных в материалах номера, несут их авторы.

Внимание авторов!

Руководство издательства «Анкил» сообщает авторам и читателям журнала следующее, что журнал «**Финансовый бизнес**» входит в новую редакцию (29.12.2015 г.) Перечня ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных **Высшей аттестационной комиссией (ВАК)** при Министерстве образования и науки РФ для публикации материалов диссертационных работ на соискание **ученой степени доктора наук и кандидата наук по экономической специальности**

Для продвижения журнала в современном научно-образовательном пространстве, а также для повышения эффективности своей работы и доступности научной информации широкому кругу читателей, авторов на территории России, стран СНГ и Балтии, начиная с 2016 года все текущие статьи номеров журнала будут размещаться в базе данных РИНЦ с полным текстом. Просим сообщить авторов статей свои личные SPIN-коды и Author ID, которые Вам присвоены РИНЦ или другими базами цитирования, по электронному адресу: finansbiz@yandex.ru.

Выполнение идентификации авторов статей позволяет значительно ускорить привязки публикаций к авторским профилям в РИНЦ.

ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ МЕТАДАННЫХ

Необходимо предоставить следующую информацию об авторе/авторах и статье на русском и английском языках:

- Ф.И.О.;
- **SPIN-код и Author ID, присвоенные РИНЦ или другими базами цитируемости;**
- e-mail или номер телефона для связи;
- страна, область, город проживания;
- ученая степень, ученое звание, место работы;
- название статьи;
- аннотация статьи;
- ключевые слова;
- список литературы (НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ без дублирования списка на английском языке).

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»

**Утверждена распоряжением
Правительства Российской Федерации
от 28 июля 2017 г. № 1632-р**

**The program «Digital Economy of the Russian Federation»
Approved by the order of the Government
of the Russian Federation of July 28, 2017 № 1632-r**

I. Общие положения

Реализация настоящей Программы осуществляется в соответствии с целями, задачами, направлениями, объемами и сроками реализации основных мер государственной политики Российской Федерации по созданию необходимых условий для развития цифровой экономики Российской Федерации, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности, что повышает конкурентоспособность страны, качество жизни граждан, обеспечивает экономический рост и национальный суверенитет.

В настоящей Программе понятия используются в значении, определенном в документах стратегического планирования, законодательных актах и иных нормативных правовых актах.

В целях реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» (далее – Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы), настоящая Программа направлена на создание условий для развития общества знаний в Российской Федерации, повышение благосостояния и качества жизни граждан нашей страны путем повышения доступности и качества товаров и услуг, произведенных в цифровой экономике с использованием современных цифровых технологий, повышения степени информированности и цифровой грамотности, улучшения доступности и качества государственных услуг для граждан, а также безопасности как внутри страны, так и за ее пределами.

Целями настоящей Программы являются:

- создание экосистемы цифровой экономики Российской Федерации, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности и в которой обеспечено эффективное взаимодействие, включая трансграничное, бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан;
- создание необходимых и достаточных условий институционального и инфраструктурного характера, устранение имеющихся препятствий и ограничений для создания и (или) развития высокотехнологических бизнесов и недопущение появления новых препятствий и ограничений как в традиционных отраслях экономики, так и в новых отраслях и высокотехнологичных рынках;
- повышение конкурентоспособности на глобальном рынке как отдельных отраслей экономики Российской Федерации, так и экономики в целом.

Цифровая экономика представлена тремя следующими уровнями, которые в своем тесном взаимодействии влияют на жизнь граждан и общества в целом:

- рынки и отрасли экономики (сферы деятельности), где осуществляется взаимодействие конкретных субъектов (поставщиков и потребителей товаров, работ и услуг);
- платформы и технологии, где формируются компетенции для развития рынков и отраслей экономики (сфер деятельности);
- среда, которая создает условия для развития платформ и технологий и эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики (сфер деятельности) и охватывает нормативное

регулирование, информационную инфраструктуру, кадры и информационную безопасность.

В связи с тем что эффективное развитие рынков и отраслей (сфер деятельности) в цифровой экономике возможно только при наличии развитых платформ, технологий, институциональной и инфраструктурной сред, настоящая Программа сфокусирована на двух нижних уровнях цифровой экономики — базовых направлениях, определяя цели и задачи развития:

- ключевых институтов, в рамках которых создаются условия для развития цифровой экономики (нормативное регулирование, кадры и образование, формирование исследовательских компетенций и технологических заделов);

- основных инфраструктурных элементов цифровой экономики (информационная инфраструктура, информационная безопасность).

При этом каждое из направлений развития цифровой среды и ключевых институтов учитывает поддержку развития как уже существующих условий для возникновения прорывных и перспективных сквозных цифровых платформ и технологий, так и создание условий для возникновения новых платформ и технологий. Основными сквозными цифровыми технологиями, которые входят в рамки настоящей Программы, являются:

- большие данные;
- нейротехнологии и искусственный интеллект;
- системы распределенного реестра;
- квантовые технологии;
- новые производственные технологии;
- промышленный интернет;
- компоненты робототехники и сенсорики;
- технологии беспроводной связи;
- технологии виртуальной и дополненной реальности.

Предусматривается изменение перечня таких технологий по мере появления и развития новых технологий.

Реализация отдельных направлений по отраслям экономики (сферам деятельности), в первую очередь в сфере здравоохранения, создания «умных городов» и государственного управления, включая контрольно-надзорную деятельность, будет осуществляться на основе дополнения настоящей Программы соответствующими разделами, а также разработки реализации соответствующих планов мероприятий (дорожный карт), сформированных в рамках системы управления реализацией настоящей Программы.

Реализация настоящей Программы требует тесного взаимодействия государства, бизнеса и науки, так как основным результатом ее реализации должно стать создание не менее 10 национальных

компаний-лидеров — высокотехнологичных предприятий, развивающих «сквозные» технологии и управляющих цифровыми платформами, которые работают на глобальном рынке и формируют вокруг себя систему стартапов, исследовательских коллективов и отраслевых предприятий, обеспечивающую развитие цифровой экономики.

Настоящая Программа учитывает и комплексно дополняет цели и задачи, реализуемые в рамках Национальной технологической инициативы и принятых документов стратегического планирования, в том числе отраслевых актов, в частности прогноза научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденного Председателем Правительства Российской Федерации Д. А. Медведевым, Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, приоритетного проекта «Совершенствование процессов организации медицинской помощи на основе внедрения информационных технологий», утвержденного протоколом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 25 октября 2016 г. № 9, и других документов, а также документов Евразийского экономического союза. Так, в 2015 г. ратифицирован Договор о Евразийском экономическом союзе, в рамках которого предусматривается создание интегрированной информационной системы Союза и трансграничного пространства доверия.

Принятые в Российской Федерации к 2017 г. документы стратегического планирования предусматривают меры, направленные на стимулирование развития цифровых технологий и их использование в различных секторах экономики. Например, в прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2017 г. и на плановый период 2018 и 2019 гг. предусмотрено распространение использования информационных технологий в социально-экономической сфере, государственном управлении и бизнесе и указаны основные сдерживающие факторы, включая дефицит кадров, недостаточный уровень подготовки специалистов, недостаточное количество исследований мирового уровня. Наиболее близким по содержанию документом стратегического планирования к настоящей Программе является Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, цели и задачи которой находятся в неразрывной взаимосвязи с настоящей Программой.

Настоящая Программа, ориентируясь на Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, исходит из того, что цифровая экономика представляет собой хозяйственную деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме, и способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Российской Федерации, созданию и применению российских информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы.

Настоящая Программа способствует согласованному развитию цифровой экономики на территории стран – участниц Евразийского экономического союза и в кооперации с партнерами на европейском и азиатско-тихоокеанском направлениях в форматах Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС.

II. Социально-экономические условия принятия настоящей Программы

С использованием цифровых технологий изменяются повседневная жизнь человека, производственные отношения, структура экономики и образование, а также возникают новые требования к коммуникациям, вычислительным мощностям, информационным системам и сервисам.

В настоящее время данные становятся новым активом, причем, главным образом, за счет их альтернативной ценности, то есть по мере применения данных в новых целях и их использования для реализации новых идей.

В России в настоящее время урегулировано большинство вопросов, возникающих в рамках использования информационно-телекоммуникационных технологий в различных сферах деятельности. Однако регуляторная и нормативная среда имеет ряд недостатков, в ряде случаев создавая существенные барьеры на пути формирования новых институтов цифровой экономики, развития информационно-телекоммуникационных технологий и связанных с ними видов экономической деятельности.

Все большее число граждан Российской Федерации признает необходимость обладания цифровыми компетенциями, однако уровень использования персональных компьютеров и информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее – сеть Интернет) в России все еще ниже, чем в Европе, и существует серьезный разрыв в цифровых навыках между отдельными группами населения.

Конфигурация глобальных рынков претерпевает значительные изменения под действием цифро-

визации. Многие традиционные индустрии теряют свою значимость в структуре мировой экономики на фоне быстрого роста новых секторов, генерирующихся кардинально новыми потребностями. Определяющее значение в происходящей трансформации приобретают исследования и разработки, что требует создания системы управления исследованиями и разработками в области цифровой экономики, обеспечивающей координацию усилий заинтересованных сторон – представителей федеральных органов исполнительной власти, компаний, высших учебных заведений и научных организаций.

В системе образования расширяется применение цифровых технологий. Образовательные организации имеют выход в сеть Интернет и представлены там на своих сайтах в соответствии с государственными требованиями. Нормативно, технологически и содержательно обеспечен курс информатики и информационно-коммуникационных технологий в программах общего образования, ведется подготовка кадров для цифровой экономики. Однако численность подготовки кадров и соответствие образовательных программ нуждам цифровой экономики недостаточны. Имеется серьезный дефицит кадров в образовательном процессе всех уровней образования. В процедурах итоговой аттестации недостаточно применяются цифровые инструменты учебной деятельности, процесс не включен целостно в цифровую информационную среду.

Также в России создана инфраструктура науки и инноваций, представленная различными институтами развития, технопарками, бизнес-инкубаторами, которую можно и нужно использовать в целях развития цифровой экономики.

В 2016 г. доля жителей, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, составляла 18,77%. При этом на 100 человек приходилось 159,95 мобильного телефона и из 100 человек 71,29 человека использовали мобильный доступ к сети Интернет. Средняя скорость в сети Интернет в России выросла на 29% (до 12,2 Мбит/с), в связи с чем по этому показателю России находится на одном уровне с Францией, Италией и Грецией.

К началу 2017 г. российский рынок коммерческих центров хранения и обработки данных вырос до 14,5 млрд руб., это на 11% больше, чем в 2016 г., что во многом было обусловлено нормативными требованиями о хранении персональных данных граждан России на территории России. Однако в отличие от большинства стран Россия не имеет стандартов оценки центров хранения и обработки данных, в связи с чем отсутствует объективная возможность для оценки уровня оказываемых услуг, в том числе по объему возможных для хранения дан-

Также стабильно растет рынок «облачных» услуг – примерно на 40% ежегодно.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», является основой для формирования государственной политики и развития общественных отношений в области обеспечения информационной безопасности, а также для выработки мер по совершенствованию системы обеспечения информационной безопасности. В Российской Федерации традиционно большое внимание уделяется вопросам обеспечения информационной безопасности объектов газоснабжения, энергоснабжения и ядерных объектов. Однако при этом две третьих российских компаний полагают, что количество преступлений в цифровой среде за 3 последних года возросло на 75%, что требует совершенствования системы информационной безопасности во всех секторах экономики.

В России успешно развиваются цифровые платформы, однако их виды и подходы к созданию существенно различаются.

Так, Россия достигла значительных успехов в развитии цифровой платформы предоставления государственных и муниципальных услуг, в том числе за счет установления требований об интероперабельности систем, использования информации из других систем, в том числе платежных. Успешно развиваются федеральная государственная информационная система «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» и платформы для проведения платежей, создаваемые кредитными организациями.

Серьезные проблемы в настоящее время наблюдаются при применении информационно-телекоммуникационных технологий на уровне органов местного самоуправления. Только 10% муниципальных образований отвечают установленным в законодательстве Российской Федерации требованиям по уровню цифровизации.

В подобных социально-экономических условиях развитие сфер деятельности необходимо осуществлять с применением информационно-телекоммуникационных технологий на качественно новом уровне, позволяющем использовать потенциал данных в цифровой форме как ключевой фактор производства, а отрасль информационных технологий должна создавать для этого необходимые платформы и сервисы.

III. Российская Федерация на глобальном цифровом рынке

По предложению Всемирного экономического форума для оценки готовности стран к цифровой экономике используется последняя версия международного индекса сетевой готовности, представленная в докладе «Глобальные информационные технологии» за 2016 г. Усовершенствованный индекс измеряет, насколько хорошо экономики стран используют цифровые технологии для повышения конкурентоспособности и благосостояния, а также оценивает факторы, влияющие на развитие цифровой экономики.

Согласно указанному исследованию Российская Федерация занимает 41-е место по готовности к цифровой экономике со значительным отрывом от десятки лидирующих стран, таких, как Сингапур, Финляндия, Швеция, Норвегия, Соединенные Штаты Америки, Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Люксембург и Япония. С точки зрения экономических и инновационных результатов использования цифровых технологий, Российская Федерация занимает 38-е место с большим отставанием от стран-лидеров, таких как Финляндия, Швейцария, Швеция, Израиль, Сингапур, Нидерланды, Соединенные Штаты Америки, Норвегия, Люксембург и Германия.

Такое значительное отставание в развитии цифровой экономики от мировых лидеров объясняется пробелами нормативной базы для цифровой экономики и недостаточно благоприятной средой для ведения бизнеса и инноваций и, как следствие, низким уровнем применения цифровых технологий бизнес-структурами.

Низкий уровень применения цифровых технологий бизнес-структурами в Российской Федерации по сравнению с государственными органами и населением также отмечено в докладе Всемирного банка о глобальном развитии 2016 г.

В докладе Всемирного экономического форума о глобальной конкурентоспособности 2016–2017 гг. подчеркивается особое значение инвестиций в инновации наряду с развитием инфраструктуры, навыков и эффективных рынков. В международном рейтинге Российская Федерация занимает 43-е место, значительно отстав от многих наиболее конкурентоспособных экономик мира, таких, как Швейцария, Сингапур, Соединенные Штаты Америки, Нидерланды, Германия, Швеция, Великобритания, Япония, Гонконг и Финляндия. Низкий уровень инноваций и неразвитость бизнеса, а также недостаточно развитые государственные и частные институты и финансовый рынок являются узкими местами для конкурентоспособности России на глобальном цифровом рынке.

Для анализа развития цифровой экономики в Российской Федерации в сравнении со странами Европейского союза и некоторыми странами, не входящими в Европейский союз, можно также использовать международный индекс I-DESI, опубликованный Европейской комиссией в 2016 г. Индекс I-DESI, разработанный на основе индекса DESI для стран – членов Европейского союза, оценивает эффективность как отдельных стран Европейского союза, так и Европейский союз в целом по сравнению с Австралией, Бразилией, Канадой, Китаем, Исландией, Израилем, Японией, Южной Кореей, Мексикой, Новой Зеландией, Норвегией, Россией, Швейцарией, Турцией и Соединенными Штатами Америки. Индекс I-DESI использует данные из различных признанных международных источников, таких, как Организация экономического сотрудничества и развития, Организация объединенных данных, Международный союз электросвязи и других.

Основными компонентами индекса I-DESI являются связь, человеческий капитал, использование сети Интернет, внедрение цифровых технологий в бизнесе и цифровые услуги для населения. Согласно исследованию Россия отстает в развитии цифровой экономики от Европейского союза, Австралии и Канады, но опережает Китай, Турцию, Бразилию и Мексику. По доступности фиксированной широкополосной связи Россия наряду с Соединенными Штатами Америки в 2016 г. опережала Европейский союз и остальные страны. В отношении человеческого капитала Россия имела лучшие позиции, чем в среднем по Европейскому союзу, в Турции, Мексике и Бразилии, но значительно отстала от Японии, Кореи, Швеции, Финляндии, Великобритании и лидирующих стран Европейского союза. В отношении частоты использования сети Интернет (в среднем ежедневно и регулярно), Россия продемонстрировала не очень высокие позиции в сравнении с Европейским союзом, Соединенными Штатами Америки, Новой Зеландией и Австралией, но опережала Китай, Бразилию и Мексику. В области внедрения цифровых технологий предприятиями Россия значительно отстала от Европейского союза и остальных стран, немного опередив Турцию, Китай и Мексику.

IV. Направления развития цифровой экономики в соответствии с настоящей Программой

В целях управления развитием цифровой экономики настоящая Программа определяет цели и задачи в рамках пять базовых направлений развития цифровой экономики в Российской Федерации на период до 2024 г.

К базовым направлениям относятся нормативное регулирование, кадры и образование, форми-

рование исследовательских компетенций и технических заделов, информационная инфраструктура и информационная безопасность.

Основной целью направления, касающегося нормативного регулирования, является формирование новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, а также для осуществления экономической деятельности, связанной с их использованием (цифровой экономики). По этому направлению предполагается:

- создание постоянно действующего механизма управления изменениями и компетенциями (знаниями) в области регулирования цифровой экономики;
- снятие ключевых правовых ограничений и создание отдельных правовых институтов, направленных на решение первоочередных задач формирования цифровой экономики;
- формирование комплексного законодательного регулирования отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики;
- принятие мер, направленных на стимулирование экономической деятельности, связанной с использованием современных технологий, сбором и использованием данных;
- формирование политики по развитию цифровой экономики на территории Евразийского экономического союза, гармонизацию подходов к нормативному правовому регулированию, способствующих развитию цифровой экономики на пространстве Евразийского экономического союза;
- создание методической основы для развития компетенций в области регулирования цифровой экономики.

Учитывая необходимость нормативно-правовой регламентации большинства мероприятий, которые планируется реализовать в целях достижения поставленных целей в рамках базовых и прикладных направлений развития цифровой экономики, при разработке и реализации концепций первоочередных, среднесрочных и комплексных мер по совершенствованию правового регулирования цифровой экономики в рамках направления по нормативному регулированию необходимо в полной мере учитывать предложения по нормативно-правовому регулированию иных базовых и прикладных направлений, что предполагает тесное взаимодействие создаваемых по каждому направлению центров компетенций с центром компетенций, обеспечивающим мониторинг и совершенствование правового регулирования цифровой экономики.

Основными целями направления, касающегося кадров и образования, являются:

- создание ключевых условий для подготовки кадров цифровой экономики;
- совершенствование системы образования, которая должна обеспечивать цифровую экономику компетентными кадрами;
- рынок труда, который должен опираться на требования цифровой экономики;
- создание системы мотивации по освоению необходимых компетенций и участию кадров в развитии цифровой экономики России.

Основной целью направления, касающегося формирования исследовательских компетенций и технологических заделов, является создание системы поддержки поисковых, прикладных исследований в области цифровой экономики (исследовательской инфраструктуры цифровых платформ), обеспечивающей технологическую независимость по каждому из направлений сквозных цифровых технологий, конкурентоспособных на глобальном уровне, и национальную безопасность. По этому направлению предполагается:

- формирование институциональной среды для развития исследований и разработок в области цифровой экономики;
- формирование технологических заделов в области цифровой экономики;
- формирование компетенций в области цифровой экономики.

Основными целями направления, касающегося информационной инфраструктуры, являются:

- развитие сетей связи, которые обеспечивают потребности экономики по сбору и передаче данных государства, бизнеса и граждан с учетом технических требований, предъявляемых цифровыми технологиями;
- развитие системы российских центров обработки данных, которая обеспечивает предоставление государству, бизнесу и гражданам доступных, устойчивых, безопасных и экономически эффективных услуг по хранению и обработке данных на условиях и позволяет в том числе экспортировать услуги по хранению и обработке данных;
- внедрение цифровых платформ работы с данными для обеспечения потребностей власти, бизнеса и граждан;
- создание эффективной системы сбора, обработки, хранения и предоставления потребителям пространственных данных, обеспечивающей потребности государства, бизнеса и граждан в актуальной и достоверной информации о пространственных объектах.

Развитию цифровой экономики России сегодня препятствуют новые вызовы и угрозы, прежде всего:

- проблема обеспечения прав человека в цифровом мире, в том числе при идентификации

(соотнесении человека с его цифровым образом), сохранности цифровых данных пользователя, а также проблема обеспечения доверия граждан к цифровой среде;

- угрозы личности, бизнесу и государству, связанные с тенденциями к построению сложных иерархических информационно-телекоммуникационных систем, широко использующих виртуализацию, удаленные (облачные) хранилища данных, а также разнородные технологии связи и оконечные устройства;
- наращивание возможностей внешнего информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру, в том числе на критическую информационную инфраструктуру;
- рост масштабов компьютерной преступности, в том числе международной;
- отставание от ведущих иностранных государств в развитии конкурентоспособных информационных технологий;
- зависимость социально-экономического развития от экспортной политики иностранных государств;
- недостаточная эффективность научных исследований, связанных с созданием перспективных информационных технологий, низкий уровень внедрения отечественных разработок, а также недостаточный уровень кадрового обеспечения в области информационной безопасности.

Целью направления, касающегося информационной безопасности, является достижение состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации в условиях цифровой экономики, что предполагает:

- обеспечение единства, устойчивости и безопасности информационно-телекоммуникационной инфраструктуры Российской Федерации на всех уровнях информационного пространства;
- обеспечение организационной и правовой защиты личности, бизнеса и государственных интересов при взаимодействии в условиях цифровой экономики;
- создание условий для лидирующих позиций России в области экспорта услуг и технологий информационной безопасности, а также учет национальных интересов в международных документах по вопросам информационной безопасности.

Разработка и реализация мероприятий настоящей Программы базируется на основополагающих принципах информационной безопасности, включающих:

- использование российских технологий обеспечения целостности, конфиденциальности, аутентификации и доступности передаваемой информации и процессов ее обработки;
- преимущественное использование отечественного программного обеспечения и оборудования;
- применение технологий защиты информации с использованием российских криптографических стандартов.

V. Управление развитием цифровой экономики

Управление развитием цифровой экономики невозможно без согласования интересов всех заинтересованных в развитии цифровой экономики сторон и объединения организационных, трудовых, финансовых ресурсов государства и бизнеса.

С учетом целей и задач развития цифровой экономики в Российской Федерации формируется система управления, которая:

- включает представителей всех заинтересованных сторон в развитии цифровой экономики (органов государственной власти, бизнеса, гражданского общества и научно-образовательного сообщества);
- обеспечивает прозрачность и подотчетность своей деятельности;
- реализовывает проектный подход в организации управления;
- включает 3 уровня управления – стратегический, оперативный и тактический.

На стратегическом уровне системы управления утверждаются направления развития цифровой экономики, стратегические цели и планы, а также отчеты об их достижении.

При этом рабочий орган стратегического уровня управления должен рассматривать и согласовывать форсайты и прогнозы развития цифровой экономики и цифровых технологий, основные направления развития цифровой экономики, результаты мониторинга и контроля программы развития цифровой экономики, изменения программы и системы управления.

На оперативном уровне управления обеспечивается выполнение функций управления реализацией настоящей Программой на консолидированном уровне, в том числе:

- формирование совместно с профессиональными сообществами форсайта и моделей будущего;
- рассмотрение и утверждение предложений по внесению изменений в настоящую Программу, возникающих в ходе ее реализации;
- анализ и внесение изменений в документы стратегического планирования с учетом целей, задач и мероприятий настоящей Программы;

- формирование методологии планирования, координации, мониторинга и отчетности при реализации настоящей Программы, методическая поддержка на консолидированном уровне выполнения настоящей Программы;

- координация деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов, органов местного самоуправления и взаимодействие с представителями бизнеса, гражданского общества и научно-образовательного сообщества по вопросам развития цифровой экономики и реализации настоящей Программы;

- обеспечение ресурсами выполнение настоящей Программы, координация финансирования мероприятий по развитию цифровой экономики за счет средств бюджетов всех уровней и внебюджетных источников;

- управление портфелями проектов и отдельными проектами по направлениям настоящей Программы;

- формирование основных направлений исследований и разработок по направлениям цифровой экономики;

- организация мониторинга развития цифровой экономики и реализации настоящей Программы, рассмотрение его результатов и контроль за ходом ее выполнения;

- разработка и рассмотрение предложений по непрерывному совершенствованию системы управления развитием цифровой экономики;

- установка стандартов и осуществление регулирования цифровой экономики;

- формирование требований к описаниям компетенций цифровой экономики и создание описания этих компетенций.

На тактическом уровне обеспечивается управление выполнением планов и реализацией проектов по каждому из следующих направлений:

- разработка и реализация планов цифровой трансформации органов власти, государственных учреждений, корпораций и фондов;

- исполнение проектов настоящей Программы с целью достижения результата, реализация и масштабирование пилотных проектов и лучших практик;

- организация исследований и экспертизы в области цифровой экономики;

- формирование нормативной базы компонентов образовательных программ, существенных для цифровой экономики, включая стандарты и государственные требования, а также примерные программы;

- разработка предложений по мерам законодательного регулирования развития цифровой экономики.

- обеспечение ресурсами проектов и инициатив в области цифровой экономики и их финансирование;
- участие представителей всех заинтересованных сторон (власти, бизнеса, гражданского общества и научно-образовательного сообщества) в управлении центров развития и передачи цифровых технологий, деятельности рабочих групп, экспертизе проектов и планов развития цифровой экономики.

Одной из важнейших задач системы управления является поддержка стартапов и субъектов малого и среднего предпринимательства в области разработки и внедрения цифровых технологий путем их информационной акселерации (популяризации, обучения новым бизнес-моделям, навигации в системе управления, координации с другими участниками и ряд других мер) и инвестиционной акселерации (финансовой поддержки, создания специальных правовых и налоговых условий, переориентации институтов развития, создания новых способов поддержки и др.).

Осуществление мониторинга реализации настоящей Программы потребует нормативного и методического обеспечения, включая:

- разработку системы показателей мониторинга с учетом целей, задач и показателей настоящей Программы, рекомендаций международных организаций и иностранного опыта, а также инструментов мониторинга, включая модернизированные и новые формы федерального статистического наблюдения за развитием цифровой инфраструктуры и цифровой трансформацией бизнеса, государственного и муниципального управления, образования, здравоохранения, использованием цифровых технологий населением и домохозяйствами, гармонизированные с аналогичными инструментами организации экономического сотрудничества и развития;
- внесение изменений в федеральный план статистических работ, подготовку методических рекомендаций о порядке применения новых инструментов мониторинга.

VI. Показатели настоящей Программы

Достижение запланированных характеристик цифровой экономики Российской Федерации обеспечивается за счет достижения следующих показателей к 2024 г.:

- в отношении экосистемы цифровой экономики:

- успешное функционирование не менее 10 компаний-лидеров (операторов экосистем), конкурентоспособных на глобальных рынках,
- успешное функционирование не менее 10 отраслевых (индустриальных) цифровых платформ для основных предметных областей экономики (в том числе для цифрового здравоохранения, цифрового образования и «умного города»),
- успешное функционирование не менее 500 малых и средних предприятий в сфере создания цифровых технологий и платформ и оказания цифровых услуг;
 - в отношении кадров и образования:
 - количество выпускников образовательных организаций высшего образования по направлениям подготовки, с аннотацией с информационно-телекоммуникационными технологиями, – 120 тыс. человек в год,
 - количество выпускников высшего и среднего профессионального образования, обладающих компетенциями в области информационных технологий на среднем мировом уровне, – 800 тыс. человек в год,
 - доля населения, обладающего цифровыми навыками, – 40%;
 - в отношении формирования исследовательских компетенций и технологических заделов:
 - количество реализованных проектов в области цифровой экономики (объемом не менее 100 млн руб.) – 30 ед.,
 - количество российских организаций, участвующих в реализации крупных проектов (объемом 3 млн долл.) в приоритетных направлениях международного научно-технического сотрудничества в области цифровой экономики, – 10;
 - в отношении информационной инфраструктуры:
 - доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет (100 Мбит/с), в общем числе домашних хозяйств – 97%,
 - во всех крупных городах (1 млн человек и более) устойчивое покрытие 5G и выше;
 - в отношении информационной безопасности:
 - доля субъектов, использующих стандарты безопасного информационного взаимодействия государственных и общественных институтов, – 75%,
 - доля внутреннего сетевого трафика российского сегмента сети Интернет, маршрутизируемая через иностранные серверы, – 5%.

Три «И» для обеспечения финансирования инфраструктурных проектов: инвесторы, инструменты, институты

Three «I» in providing financing of infrastructural projects: investors, instruments, institutions

Тютюкина Елена Борисовна,
доктор экономических наук,
профессор департамента

Tyutyukina Elena B.,
Doctor of Economic Sciences,
Professor at the Department
ebtyutyukina@fa.ru

Седаш Татьяна Николаевна,
кандидат экономических наук,
доцент департамента

Sedash Tayana N.,
Associate Professor at the Department
t_sedash@mail.ru

Данилов Анатолий Иванович,
доктор экономических наук,
профессор департамента

Danilov Anatoly I.,
Doctor of Economic Sciences,
Professor at the Department
aidanilov@fa.ru

Департамент корпоративных финансов
и корпоративного управления Финансового
университета при Правительстве
Российской Федерации

Department of Corporate Finance and
Corporate Management of the Financial
University under the Government of the
Russian Federation

В статье анализируется современное состояние основных составляющих инвестирования в инфраструктурные проекты в России: инвесторов (в том числе государство и муниципальные образования, негосударственные пенсионные фонды, Пенсионный фонд РФ, Фонд национального благосостояния РФ, страховые компании, инвестиционные фонды), финансовых инструментов (инфраструктурных, концессионных, государственных, субфедеральных и муниципальных облигаций, долгосрочных кредитов, эмиссии акций), инструментов снижения рисков инвестирования, институтов развития. Рассматриваются зарубежные тенденции их развития и возможности адаптации к российским условиям.

Ключевые слова: инфраструктурные проекты; институциональные инвесторы; финансовые инструменты инвестирования; институты развития.

The following article analyses modern conditions of the main components of investing in infrastructural projects in Russia: investors (government and municipal institution, non-governmental pension funds, the pension fund of the Russian Federation, the fund of national wealth of the Russian Federation, insurance companies, investment funds), financial instruments (infrastructural, concessional, governmental, sub-federal and municipal bonds, long-term loans, issue of shares), tools for minimizing investment risks, development institutions. Modern tendencies and the possibilities of adjusting them on the Russian market are considered.

Keywords: infrastructural projects; institutional investors; financial investment tools; institutions of development.

Доказано, что реализация инфраструктурных проектов создает значительные мультипликативные эффекты в экономике в результате запуска механизмов межотраслевого развития, а именно: рост инвестиций в инфраструктуру¹ на

10% приводит к увеличению темпов экономического роста в долгосрочной перспективе на 1 п.п.²; каждый доллар, вложенный в инфраструктуру, позволяет увеличить ВВП на 20 центов [1, р. 2]. В настоящее время в России:

- объем инфраструктурных инвестиций в 2015–2016 гг. оценивается в 3,7% ВВП [2], по

чая транспорт и телекоммуникации, газо-, электро-, тепло- и водоснабжение.

² По данным международной консалтинговой компании McKinsey&Company.

¹ Комплекс взаимосвязанных обслуживающих структур или объектов, составляющих и (или) обеспечивающих основу функционирования отраслей материального производства и обеспечения условий жизнедеятельности общества. К инфраструктуре относятся: капитальное оборудование, используемое для предоставления общественно доступных услуг, вклю-

оценкам Газпромбанка – на уровне 3,2–3,5% в 2011–2015 гг. и, по прогнозам, снизится до 2,6% в 2016 г. и 2,3% – в 2020 г. [3]. Однако согласно экспертным оценкам этот показатель должен быть не менее 4% для обеспечения необходимых темпов роста экономики³;

- рыночная стоимость инфраструктурных активов составляет чуть более 60% ВВП, что почти на 10 п. п. ниже минимального порогового значения 70%, при котором инфраструктура не ограничивает экономический рост⁴;

- к 2030 г. будет реализовано 325 инфраструктурных проектов, большая часть которых в 2015–2020 гг. [4].

Для реализации инфраструктурных проектов в экономике страны должна быть создана соответствующая система, основными элементами которой являются: долгосрочные финансовые ресурсы; инвесторы; институты развития; финансовые инструменты и инструменты снижения рисков инвестирования, а также механизмы их реализации; законодательно-нормативная база.

Рассмотрим состояние основных элементов инфраструктурного инвестирования в российской экономике и современные зарубежные тенденции.

1. Инвесторы инфраструктурных проектов.

В России основными инвесторами являются.

1. *Государство и муниципальные образования*, осуществляющие бюджетные инвестиции в инфраструктурные проекты через Инвестиционный фонд РФ⁵, федеральные и ведомственные целевые инвестиционные программы, инвестиционные программы субъектов РФ. В целом за счет средств бюджетов всех уровней осуществляется финансирование около 65% всех инвестиций в инфраструктурные проекты в России⁶, притом что бюджетные возможности

³ Под долей инвестиций в инфраструктурные проекты в ВВП рассматривается такой объем капитальных вложений в инфраструктурные проекты, который способен быть продуктивно усвоен экономикой при данном уровне развития институтов (называется «равновесной нормой инфраструктурных инвестиций»).

⁴ По данным McKinsey&Company.

⁵ Целью фонда является софинансирование инвестиционных проектов путем предоставления бюджетных ассигнований, однако он имеет весьма ограниченный характер. Так, в 2014 г. Минэкономразвития осуществляло контроль за 51 проектом, получившим бюджетные ассигнования из Инвестиционного фонда РФ на общую сумму 1107,1 млрд руб., в том числе 12 (82%) федерального значения, 39 (18%) – регионального. Из 51 проекта только по 14 обязательства всех инвесторов и ответственных исполнителей были выполнены в полном объеме, в том числе 5 проектов – в промышленности, 5 – в ЖКХ, по два проекта в энергетике, а также транспортной и логистической инфраструктуре.

⁶ По материалам доклада М. Дмитриева «Развитие инфра-

ограничены как по объему, так и по срокам инвестирования.

2. *Негосударственные пенсионные фонды (НПФ)*, на которые приходится 74% топ-инфраструктурных инвесторов (по данным на 2016 г.). Инвестиционная деятельность российских НПФ по сравнению со странами ОЭСР отличается минимальными рисками (в России среднее стандартное отклонение реальной инвестиционной доходности составляет 0,18%, в странах ОЭСР – 3,14%). Основными препятствиями для формирования инвестиционных портфелей с высокой долей инвестиций в инфраструктурные проекты являются:

- неопределенность относительно использования накопительной части пенсионных накоплений;

- ограничения на включение в портфель концессионных облигаций;

- неразвитость финансовых инструментов, что ограничивает возможности повышения эффективности инвестирования средств.

3. *Пенсионный фонд РФ*, осуществляющий инвестирование на возвратной основе в самокупаемые инфраструктурные проекты, получившие положительное заключение по результатам оценки целесообразности финансирования инвестиционных проектов за счет средств Фонда национального благосостояния и (или) пенсионных накоплений, находящихся в доверительном управлении государственной управляющей компании. Перечень таких проектов утверждается распоряжением Правительства РФ.

4. *Суверенный фонд* – Фонд национального благосостояния (ФНБ), осуществляющий инвестирование в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 05.11.2013 г. № 990 «О порядке размещения средств Фонда национального благосостояния в ценные бумаги российских эмитентов, связанные с реализацией самокупаемых инфраструктурных проектов». Так, при объеме ФНБ в 4,777 трлн руб. в 2015 г. и 4,6 трлн руб. по состоянию на 1 июля 2016 г. доля инвестиций в инфраструктуру составила 0,004%⁷.

5. *Страховые компании*, из которых только около 3% являются наиболее крупными и занимают 50% рынка.

В структуре активов страховых компаний в 2013–2014 гг. доля инвестиций в акции, облига-

структуры как ядро новой модели экономического роста» на конференции ФЦПФ 16.10.2015 г.

⁷ Президент России В. В. Путин на Петербургском международном экономическом форуме 2013 г. заявил, что в целом в проекты на территории нашей страны будет инвестировано до половины средств ФНБ.

ции, а также государственные, субфедеральные и муниципальные ценные бумаги составляет менее 30% (с абсолютным преобладанием государственных облигаций). По оценке RAEX, в структуре активов страховщиков около 15% занимают «фиктивные активы».

Объем инвестиционного портфеля страховщиков и темпы его прироста чутко реагируют на кризисные явления в экономике. Инвестиционная политика российских страховщиков в целом является консервативной, что соответствует мировым тенденциям.

6. *Инвестиционные фонды* (которых не более 20), в том числе АИФы (менее 40%) и ПИФы (70% которых являются закрытыми).

В рекомендациях международных организаций (в частности, ОЭСР) в качестве основных инвесторов в развитие инфраструктуры выделяют:

- пенсионные фонды, при этом в структуре портфелей крупных пенсионных фондов доля прямых инвестиций в инфраструктурные проекты составляет до 10%;
- страховые компании, типичной инвестиционной стратегией которых (85%) является выделение средств непубличным инфраструктурным фондам, управляемым внешними консультантами, через которые осуществляется прямое инвестирование в капиталы SPV и публичных инфраструктурных фондов;
- суверенные фонды, 56% которых инвестировали в среднем до 1% средств в инфраструктуру, а, например, три фонда (Temasek и GIC (Сингапур) и Перманентный фонд Аляски (США)) – 10–12% [5, p. 23; 6].

В качестве современных тенденций следует отметить:

- софинансирование крупных инфраструктурных проектов путем объединения: пенсионных фондов для создания совместных компаний для инвестирования в инфраструктуру (пенсионные фонды Америки и Европы, Национальная Ассоциация пенсионных фондов Великобритании); пенсионных фондов и долгосрочных инвесторов для приобретения крупных инфраструктурных активов (Канадский Пенсионный Фонд); пенсионных и суверенных фондов; национальных институтов развития и пенсионных фондов;
- инвестиции пенсионных фондов в инфраструктуру принимают международный характер;
- большие пенсионные и суверенные фонды склоняются к прямым инвестициям в

инфраструктурные проекты в основном в уже действующие проекты (brown field);

- финансирование инфраструктурных проектов различными видами фондов, которые формируют диверсифицированный портфель проектов и получают финансирование за счет эмиссии акций, облигаций, привлечения кредитных ресурсов.

В частности, фонды выпускают финансовые инструменты, а получаемые по ним средства распределяют в акционерный капитал / проектные облигации компаний, реализующих инфраструктурные проекты, государственные/суверенные/муниципальные облигации, эмитированные под инфраструктурный проект. Источником погашения обязательств фонда по финансовым инструментам является весь объем его доходов либо денежные потоки от всех перечисленных проектов, в случае если средства от размещения направлены на развитие отдельно указанных в проспекте эмиссии проектов.

Имеется опыт софинансирования инфраструктурных проектов TIF⁸-фондами (за счет выпуска инфраструктурных TIF-облигаций) и региональными или муниципальными бюджетами, особенно в первые годы реализации проекта, когда доходы по нему достаточно низкие.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы относительно инвесторов в инфраструктурные проекты в России:

- ограниченность перечня крупных долгосрочных институциональных инвесторов в результате неразвитости рынка фондирования;
- консервативная инвестиционная политика действующих крупных институциональных инвесторов;
- недостаточное использование возможностей суверенных фондов для финансирования инфраструктурных проектов.

2. Финансовые инструменты и инструменты снижения рисков инвестирования, используемые в России и за рубежом (табл. 1 и 2).

Инфраструктурные облигации как таковые в России не имеют самостоятельного юридического статуса, являются корпоративными облигациями, эмитированными компанией, реализующей инфраструктурный проект. Поскольку они обеспечены доходами от реализации проекта, то привлекательны для институциональных инвесторов только после завершения строительства объекта (на эксплуатационной стадии проекта).

⁸ Tax Increment Financing.

Таблица 1

Инструменты снижения рисков в инфраструктурном инвестировании за рубежом*

Инструменты снижения рисков инвестирования	Страны
Кредитные гарантии / гарантии рефинансирования	Франция, Италия, Бельгия, Португалия
Гарантия минимального дохода	Франция, Италия, Бельгия, Германия, Турция, Южная Корея**
Платежи в связи с прекращением проекта	Франция, Великобритания, Испания
Субсуверенные гарантии	Италия, Бельгия, Греция
Специальные налоговые режимы	США

* Реже используются следующие инструменты: соглашение о приобретении услуг (аналогичные российским договорам на поставку мощности в электроэнергетике.); полная гарантия, гарантия в случае дефолта, гарантия курса валюты, предоставление грантов.

** Предоставляется негосударственным пенсионным фондам при осуществлении ими прямых инвестиций в акции инфраструктурных компаний, котируемые и некотируемые на бирже.

На начало 2016 г. объем рынка инфраструктурных облигаций в России превысил 50 млрд руб., при этом весь он приходился всего на 10 эмитентов. Доступ иностранных инвесторов, в частности, в инфраструктурные проекты на транспорте, ограничен.

Особенностями выпуска и обращения данного инструмента за рубежом являются:

1) выпуск около половины всех евро-деноминированных инфраструктурных корпоративных облигаций юридическими лицами, принадлежащими государству;

Таблица 2

Инструменты снижения рисков в инфраструктурном инвестировании в России

Финансовые инструменты, инвесторы, институты	Инструменты снижения рисков инвестирования	
	применяемые	предложения по внедрению
Инфраструктурные облигации	Государственные гарантии	1. Для обеспечения целевого характера финансового инструмента необходимо определить в законодательстве объекты инфраструктуры. 2. Классифицировать вложения в инфраструктурные и концессионные облигации (не ниже двух ступеней от странового рейтинга) как инвестиции, удерживаемые до погашения, и проводить их переоценку согласно стандартам МСФО для нивелирования риска волатильности (что позволит существенно повысить привлекательность длинных инструментов для институциональных инвесторов). 3. В рамках использования средств пенсионных фондов, доходы проекта, финансируемого через облигации, должны направляться на целевые счета пенсионных инвесторов (в качестве приоритетных кредиторов), чтобы защитить доходность проекта и рейтинги активов. 4. Введение налоговых преференций для физических лиц (по НДФЛ) и юридических лиц (по налогу на прибыль), а именно:
	Налоговые инструменты не используются. Закон «Об особенностях инвестирования в инфраструктуру с использованием инфраструктурных облигаций» так и не был принят. Налогообложение для юридических лиц по налогу на прибыль по доходам от концессионных/инфраструктурных облигаций осуществляется согласно общему порядку, налоговые льготы отсутствуют. Налогообложение физических лиц по доходам от концессионных/инфраструктурных облигаций осуществляется в рамках общего законодательства о налогообложении доходов физических лиц по операциям с ценными бумагами (ст. ст. 214.6, 217, 219.1, 220.1, 224, 226.1 НК РФ)	
Концессионные облигации, эмитированные для реализации федерального проекта	Как правило, государственные гарантии	
	Налоговые инструменты не используются	
Концессионные облигации, эмитированные для реализации региональных проектов	Государственных гарантий не имеют	
	Налоговые инструменты не используются	

Продолжение табл. 2

Финансовые инструменты, инвесторы, институты	Инструменты снижения рисков инвестирования	
	применяемые	предложения по внедрению
		<ul style="list-style-type: none"> • снижение ставки налога на доходы владельцев облигаций; • освобождения от налога на купонный доход; • предоставление долгосрочных налоговых каникул. <p>5. Введение налоговых преференций для держателей инфраструктурных и концессионных облигаций в части упрощения процедуры возмещения НДС проектной компании и концессионеру.</p> <p>6. Создание специальных биржевых механизмов (специальные секции на биржах и во внебиржевых системах), а также специальных условий листинга и индексов для инфраструктурных и концессионных облигаций. Подобные механизмы успешно реализованы, например, в США, где существуют специальные биржевые секции по торговле инфраструктурными облигациями, созданы индексы инфраструктурных облигаций (S&P Global Infrastructure Index, Dow Jones Brookfield Global Infrastructure Index и др.).</p> <p>7. Развитие института аккредитованных советников в концессионных проектах (юридических, финансовых, технических), Так, например, во многих странах НПФ инвестируют только в проекты с их участием</p>
Государственные, включая субфедеральные облигации	Правительство РФ полностью не гарантирует субфедеральный долг. Оно может выступить в качестве кредитора последней инстанции, принимая решение по каждому региону отдельно и предусматривая определенные меры со стороны региональных властей	<p>1. Освобождение от налога на доходы (процентные, купонные) юридических лиц по муниципальным ценным бумагам, эмитированным с целью финансирования инфраструктурных проектов.</p> <p>2. Разграничение обязательств по инфраструктурным проектам и обязательствам бюджетов.</p> <p>3. Установление более жестких требований к уполномоченным банкам, участвующим в распространении и обслуживании субфедеральных/муниципальных облигаций</p>
	Налоговые инструменты в виде: налогообложения по ставке 15% доходов в виде процентов по государственным ценным бумагам государств – участников Союзного государства, ценным бумагам субъектов РФ и муниципальным ценным бумагам, полученных юридическими лицами (резидентами) (п. 4 ст. 284 НК РФ); полученные физическими лицами – не облагаются НДФЛ (пп. 25 п. 1 ст. 217 НК РФ)	
Муниципальные облигации	Государство не гарантирует муниципальный долг. Оно может выступить в качестве кредитора последней инстанции, принимая решение по каждому муниципальному образованию отдельно и предусматривая определенные меры со стороны муниципальных органов управления	

Окончание табл. 2

Финансовые инструменты, инвесторы, институты	Инструменты снижения рисков инвестирования	
	применяемые	предложения по внедрению
Эмиссия акций	Налоговые инструменты в виде: доходов в форме дивидендов, полученных российскими организациями, облагаются по ставке 0%, при условии что на день принятия решения о выплате дивидендов получающая дивиденды организация в течение не менее 365 календарных дней непрерывно владеет на праве собственности не менее чем 50%-м вкладом (долей) в уставном (складочном) капитале (фонде) выплачивающей дивиденды организации или депозитарными расписками, дающими право на получение дивидендов, в сумме, соответствующей не менее 50% общей суммы выплачиваемых организацией дивидендов (пп. 1 п. 3 ст. 284 НК РФ)	Освобождение от налога на доходы в виде дивидендов доходов, полученных физическими и юридическими лицами от прямых инвестиций в уставные капиталы проектной компании и концессионера (для устранения «двойного налогообложения»)
Коммерческие банки	Специфических инструментов не имеют	1. При принятии инфраструктурных облигаций в качестве залога для обеспечения по кредиту необходимо учитывать рейтингование инфраструктурных облигаций. 2. Использование инфраструктурных депозитных счетов, обеспеченных гарантией государства, для привлечения частных инвестиций. 3. Предоставление грантов на инфраструктурные проекты. 4. Создание Инфраструктурного кредитного агентства для предоставления гарантий по кредитам для реализации проектов и страхование кредитов ¹
Инвестиционные фонды	ПИФы не являются плательщиками по налогу на прибыль организаций	Создание специализированных фондов долгосрочного финансирования по примеру Европейских фондов долгосрочного финансирования (European Long-Term Investment Funds, ELTIF), которые на определенных условиях могут пользоваться государственными гарантиями по рискам разрыва рефинансирования, например предоставляемым через институты развития
Создание межгосударственного (в рамках Евразийского союза, БРИКС и др.) инвестиционного банка для предоставления гарантий		
Создание бюджетных фондов инфраструктурных инвестиций на федеральном, региональном и муниципальном уровнях в качестве: 1) буферных фондов для преобразования относительно коротких пассивов в более длинные активы для приобретения инфраструктурных облигаций; 2) гарантийного фонда выполнения обязательств государственных заказчиков финансовых обязательств		

2) использование сложно структурированных финансовых инструментов, в частности:

- конвертируемых облигаций (в дополнительный акционерный капитал эмитента в случае наступления события-триггера). В структуру инструмента могут включаться преимущественные права акционеров на выкуп дополнительно эмитированных акций компании и устанавливаются сравнительно низкие коэффициенты конвертации, таким образом, с одной

стороны, компенсируя инвесторам отсутствие ликвидного вторичного рынка инструментов, с другой — обеспечив защиту показателя дохода на акцию (EPS) компании от существенного размывания,

- мезонинных долговых инструментов⁹, доходность которых должна иметь внутреннюю

⁹ Со встроенными опционами (на покупку доли в уставном капитале, соинвестирование в акционерный капитал эмитента вместе с контролирующим акционером или третьими лицами, конвертацию), субординированный долг, фондирование в

норму доходности (IRR) выше средней по высокодоходным инструментам. Кроме того, для достижения целевого уровня доходности мезонинные инвесторы могут договориться о включении в инструмент условий о скидках и премиях при размещении/погашении. Инструменты могут предоставлять эмитенту право досрочного погашения (посредством встроенного опциона колл с правом выкупа). Транши мезонинных кредитов создаются с различными условиями риск/доходность и рассчитаны в первую очередь на инвестирование со стороны пенсионных фондов, страховых компаний и иных институциональных инвесторов [7, р. 30],

- субординированных облигаций, ранжирующих структуру капитала холдинговой компании: мезонинный долг эмитируется холдинговой компанией без гарантий и обеспечения. Параллельно операционная компания холдинга, владеющая основным источником формирования доходов группы, выпускает долговые инструменты, обеспеченность которых предоставляют все или часть участников группы. В результате такой «структурной субординации» в случае банкротства или ликвидации операционной компании, денежные средства или другие активы подлежат вынесению на баланс холдинговой компании, после того как все обязательства управляющей компании будут удовлетворены.

Концессионные облигации (облигации эмитента-концессионера) в России имеют юридический статус¹⁰, однако системные коррективы регуляторных документов, регламентирующих обращение бумаги по всему жизненному циклу (от выпуска до вторичного обращения) через рейтинги, биржу и портфели инвесторов, не внесены¹¹.

Государственные, включая субфедеральные, облигации в России являются облигациями общего покрытия (п. 1 ст. 102 БК РФ). Финансирование инфраструктурных проектов может быть одной из целей их эмиссии, а погашение выпуска частично или полностью предусматривается за счет поступлений от реализации проекта.

Следует отметить, что в России широкая практика использования государственных об-

лигаций для реализации инфраструктурных проектов фактически отсутствует в силу следующих причин: бюджетные ограничения предельного объема заимствований; отсутствие необходимой финансовой инфраструктуры для структурирования проектов; плохая конъюнктура на финансовых рынках; необходимость наличия международных кредитных рейтингов¹². Поэтому в настоящее время на рынке субфедеральных облигаций присутствуют только те регионы, у которых есть международные рейтинги. Кроме того, для мелких регионов-эмитентов кредитование в банках обходится дешевле выпуска облигаций. С начала 2014 г. к внутреннему рынку субфедеральных облигаций получил доступ широкий круг иностранных инвесторов-нерезидентов, благодаря включению этих бумаг в систему международных расчетов Euroclear. Однако очевидно, что ожидать спроса со стороны инвесторов-нерезидентов можно на ограниченное количество субфедеральных облигаций только наиболее качественных регионов-эмитентов.

В результате на рынке облигаций в России субфедеральные облигации занимают всего несколько процентов, а статистические данные по объемам эмиссии для финансирования инфраструктурных проектов отсутствуют.

За рубежом также выпускаются государственные, субсуверенные и муниципальные облигации¹³, основными держателями которых являются инвестиционные фонды, включая биржевые индексные фонды.

Муниципальные облигации в России являются облигациями общего покрытия, имеют следующие особенности и ограничения в использовании:

- выплата купонного дохода по муниципальным облигациям частично может быть в натуральной форме (посредством потребления услуг и иных полезных свойств проекта или социального объекта, профинансированных из средств муниципального облигационного займа);
- как правило, их невысокая ликвидность часто связана с низкой авторитетностью местных органов самоуправления;
- долгосрочные муниципальные облигации характеризуются большим инвестиционным риском, что требует большей нормы доходности по ним;

форме необеспеченных инструментов с фиксированной доходностью, привилегированные акции и т. д.

¹⁰ Понятие закреплено приказом ФСФР России от 30.07.2013 г. № 13-62/пз-н «О Порядке допуска ценных бумаг к организованному торгам».

¹¹ В частности, в стандарты эмиссии ценных бумаг, правила листинга, режим включения концессионных облигаций в Ломбардный список Банка России.

¹² В настоящее время международные кредитные рейтинги имеют только 60% субъектов РФ, из которых 10 регионам присвоены рейтинги ВВВ, 35 – ВВ, 6 – В.

¹³ Например, штаты Бразилии, провинции Канады, немецкие земли, итальянские регионы.

Институты развития инфраструктурного инвестирования за рубежом

Институт развития		Источники средств	Функции
наименование	статус		
Корейский кредитный гарантийный фонд (KODIT)	Государственный гарантийный институт	Взносы каждого корейского банка в размере 0,3% годовой прибыли; стоимость гарантий (0,5–2,5% объема обязательств)	Предоставление гарантий на 60–80% общего объема обязательств на исполнение «гибкого кредита»; промежуточное финансирование; инфраструктурные облигации; рефинансирование; оборотный заем
Инфраструктурное финансирующее подразделение Казначейства Великобритании	Государственное, но независимое и выступающее от собственного лица	Средства Казначейства	Кредитование (до 100%) по фиксированной или плавающей ставке; перепродажа долга частному инвестору на рыночных условиях; участие в софинансировании
Infrastructure UK (Великобритания)	Государственный орган в области ГЧП и частных финансовых инвестиций	Средства государственного бюджета	Разработка национальной стратегии в области инфраструктуры; выявление и привлечение в инфраструктурные проекты новых источников финансирования; оказание поддержки Казначейству Великобритании и его подразделениям по вопросам инфраструктурных проектов
Индонезийский инфраструктурный гарантийный фонд	Независимый государственный институт	Средства государственного бюджета, финансовая поддержка Всемирного банка; единовременная (1% от стоимости проекта) и текущая комиссия за выдачу гарантии (0,5–1% лимита по гарантии)	Выполнение финансовых обязательств государственных заказчиков по договорам ГЧП; предоставление государственных гарантий по договорам ГЧП, обеспеченных: собственным капиталом Фонда, финансированием Всемирного банка; предоставление гарантий с поручительством (согарантий) Всемирного банка, Министерства финансов Индонезии
Европейский инвестиционный банк	Создан членами ЕС	Долевые взносы 28 стран – членов ЕС	Предоставление кредита для повышения кредитного качества проектных облигаций в течение всего жизненного цикла проекта (до 20% стоимости к погашению проектных облигаций) [8]

• неразвитость инфраструктуры рынка муниципальных облигаций.

За рубежом, в частности в США, муниципальные облигации используются:

1) для развития отдельных видов бизнеса, важных для штата (муниципалитета)¹⁴. С целью их поддержки:

• с 1 апреля 2016 г. они включаются в состав покрытия, используемого банками и другими финансовыми корпорациями для исполнения регуляторных требований, в том числе установленных Базельским комитетом для формирования буфера ликвидности и контрциклического буфера. Более того, инструменты призна-

ны «надлежащим хеджем» для целей Базель III, что позволяет исключить их самих из-под действия требований о надлежащем покрытии,

• облигации освобождены от налогообложения федеральными налогами, что способствовало росту этого рынка, сохраняя при этом низкие затраты по займам для муниципальных образований и проектов. Такие облигации пользуются высоким спросом со стороны домашних хозяйств, коммерческих банков и страховых компаний. Следует отметить, что государство постоянно предлагает новые виды муниципальных облигаций, выпускаемых для финансирования инфраструктурных проектов¹⁵,

¹⁴ Выпускаются под обеспечение доходами от проектов либо за счет выручки от продажи готового объекта.

¹⁵ Так, например, в 2015 г. в рамках Строительной инвестиционной инициативы плана Обамы был предложен инноваци-

- плата за пользование готовым объектом устанавливается на уровне, гарантирующем получение дохода, покрывающего потребности по обслуживанию долга;

- муниципалитет может выступать гарантом по доходным облигациям. В этом случае они имеют двойное обеспечение — доходы от финансируемого проекта и пониженную ставку налогов,

- используется механизм *step-up* — ежегодное повышение доходности по облигациям (встроенный колл-опцион эмитента предоставляет хедж процентного риска по облигации в случае роста волатильности процентных спредов). Часто при выпуске таких инструментов в них включается условие о предоставлении налоговых льгот и налоговых кредитов;

2) для обеспечения финансирования долгосрочных проектов выпускаются облигации с общим обязательством эмитента, платежи по которым не предполагают выплату периодических купонов, но их стоимость на дату погашения зависит от цены базисного актива. Инструмент, таким образом, структурируется в форме *tracking securities*, что делает не только первичный, но и вторичный рынок этих инструментов высоколиквидным.

За рубежом муниципалитеты используют TIF-инструмент финансирования инвестиционных проектов, заключающийся в покрытии первоначальных инвестиций (которые могут быть получены за счет выпуска муниципальных облигаций) ростом налогов в результате увеличения стоимости недвижимости, земли, инфраструктуры, деловой активности, жилищного строительства, развития торговли и т. п.

Для финансирования строительства и эксплуатации объектов инфраструктуры за рубежом используются квазисуверенные облигации, выпускаемые государственными (или с государственным участием) институтами развития (табл. 3), кредитный риск которых значительно отличается от риска по государственным ценным бумагам за счет государственных гарантий возвратности заемных ресурсов.

Долгосрочные кредиты в инфраструктурные проекты в России предоставляют крупнейшие банки с государственным участием (Газпромбанк, Сбербанк и ВТБ). Иностранные банки на российском рынке финансирования инфраструктуры фактически не присутствуют.

Доля банковских кредитов в общем объеме финансирования инфраструктурных проектов составляет всего около 7–8% при существующей тенденции сокращения. Однако в целом банки сохраняют высокий интерес к кредитованию крупных инфраструктурных проектов, так как большинство из них востребованы российской экономикой и способны генерировать стабильный денежный поток, при условии, однако, что процентная ставка по банковским кредитам не должна быть выше доходности проекта.

Эмиссия акций (долевое финансирование) как финансовый инструмент используется в России для финансирования проектных компаний и концессионеров, однако статистические данные по объемам эмиссии отсутствуют.

В целом доля акций инфраструктурных компаний на мировых фондовых рынках составляет около 5–6%¹⁶. Как правило, инфраструктурные компании выплачивают более высокие дивиденды. Основными инвесторами, приобретающими долевые инструменты, выпущенные для финансирования инфраструктурных проектов, являются различные виды фондов (открытые, закрытые или организованные в виде трастов). Через эти фонды частные (розничные) инвесторы вкладывают средства непосредственно в инфраструктурные активы путем покупки паев фонда. В разных странах существуют специальные налоговые режимы для таких фондов, в частности обязанность выплаты 90% своего налогооблагаемого дохода в виде дивидендов.

Таким образом, анализируя современное состояние используемых в России инструментов инвестирования в инфраструктурные проекты и зарубежные тенденции, можно сделать следующие *выводы*:

- при финансировании инфраструктурных проектов в России основную долю составляют бюджетные ассигнования, за рубежом — долговые инструменты;

- в России, в отличие от зарубежных стран, ограничены перечень используемых финансовых инструментов, а также объем привлечения ресурсов в инфраструктурные проекты, что обуславливает целесообразность развития финансовых инструментов инвестирования, в том числе сложно структурированных;

- высокие риски невозврата инвестиций по каждому из финансовых инструментов, что обу-

онный класс муниципальных облигаций – Qualified Public Infrastructure Bonds (QPIBs) под проекты, реализуемые в рамках ГЧП в сфере транспорта, строительства аэропортов, портов, водо- и канализационной инфраструктуры. Отсутствие налога на процентные доходы по облигациям было использовано в качестве инструмента снижения риска инвестирования.

¹⁶ Существует ряд биржевых индексов акций компаний инфраструктуры: S&P Global Infrastructure Index, S&P Emerging Markets Infrastructure Index, Macquarie Global Infrastructure Index (MGII), Dow Jones Brookfield Infrastructure Index и др. Обычно они включают акции компаний энергетики, транспорта, коммунального хозяйства. См.: [9].

словливает необходимость развития инструментов снижения рисков инвестирования (см. табл. 2).

3. Институты развития.

В России можно выделить:

- один крупный институт развития, осуществляющий инвестиции в инфраструктурные проекты, — Внешэкономбанк, на который возложены полномочия координатора по проектам, финансируемым за счет привлечения средств Инвестиционного фонда РФ, а также функции инвестиционного консультанта;

- Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ)¹⁷, участвующий в создании различных инвестиционных фондов¹⁸ и холдинговых структур¹⁹, в том числе совместно с ведущими международными фондами, для реализации инфраструктурных проектов в области транспортной, туристической и социальной инфраструктуры, электроэнергетики. РФПИ инвестирует как собственные средства, так и средства ФНБ;

- автономную некоммерческую организацию «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов», осуществляющую координацию инфраструктурного развития регионов, однако в функциях этой структуры не выделена необходимость ускоренного развития производственной инфраструктуры для активизации экономики регионов, что негативно сказывается на управляемости данным процессом;

- Агентство по ипотечному жилищному кредитованию (АИЖК), осуществляющее поддержку жилищного строительства.

Созданы также: сеть корпораций развития в регионах; федеральная база инвестиционных площадок, в которой сосредоточены данные по большому количеству инвестиционных площадок в субъектах России. Начинают формироваться инвестиционные площадки в муниципальных образованиях, пока их объемы незначительны.

За рубежом в финансировании и поддержке инфраструктурных проектов:

- также функционирует небольшое число институтов развития с государственным участием (примеры приведены в табл. 3);

- принимают участие международные банки развития²⁰ путем предоставления субординированного или мезонинного долгового финансирования либо выступая в качестве основного инвестора, приобретающего облигации.

В Европе в качестве финансовых институтов развития широко распространены муниципальные финансовые агентства, которые эмитируют облигации для финансирования муниципальных инвестиций и обеспечивают своим участникам более дешевыми ресурсами через систему гарантий, объединяющую гарантии отдельных ее членов (муниципалитетов).

Таким образом, вышеперечисленное позволяет сделать вывод о необходимости проведения в России институциональных преобразований, направленных на развитие финансовых инструментов и институтов развития в целях повышения инвестиционной привлекательности инфраструктурных проектов для инвесторов и расширения их состава.

²⁰ Всемирный банк (World Bank), Европейский инвестиционный банк (European Investment Bank), Исламский банк развития (Islamic Development Bank), Азиатский банк развития (Asian Development Bank), Европейский банк реконструкции и развития (European Bank for Reconstruction and Development) и др.

¹⁷ Суверенный инвестиционный фонд РФ, основанный в 2011 г. с целью осуществления вложений в акционерный капитал компаний преимущественно на территории России совместно с ведущими иностранными финансовыми и стратегическими инвесторами, а также крупными российскими компаниями.

¹⁸ В частности, Российско-китайского инвестиционного фонда (совместно с China Investment Corporation (CIC)), Российско-китайского фонда инвестиционного сотрудничества (совместно с China Development Bank, CDB).

¹⁹ В частности, «Объединенный транспортный концессионный холдинг» с УК «Лидер» (управляющей активами крупнейшего негосударственного пенсионного фонда России «ГАЗФОНД»); Консорциум РФПИ, Mubadala Development Company и ведущих ближневосточных и азиатских соинвесторов, а также фондов Baring Vostok.

Литература:

1. Bridging Global Infrastructure Gaps / J. Woetzel etc. ; McKinsey Global Institute, June 2016.
2. Что делать? Версия Минэкономразвития // Вестник. 2016. № 4092, 9 июня. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/09/644720-chto-delat>.
3. Ганелин, М. Инфраструктура России. Инвестиции сократить нельзя увеличить / М. Ганелин [и др.]. URL: http://www.gazprombank.ru/upload/iblock/482/GPB_Infrastructure_update_250615.pdf.
4. Голова, И. Дороги строят с размахом / И. Голова. URL: <https://rg.ru/2014/06/10/proekti.html>.
5. Private financing and government support to promote long-term investments in infrastructure / OECD report, 2014.
6. Sovereign Wealth Funds. June 2015 // TheCityUK. URL: www.TheCityUK.com.
7. Infrastructure Financing Instruments and Incentives / OECD, 2015.
8. An outline guide to Project Bonds Credit Enhancement and the Project Bond Initiative. 21 December 2012. URL: <http://www.eib.org/infocentre/publications/all/an-outline-guide-to-project-bonds-credit-enhancement-and-the-pbi.htm>.
9. Inderst, G. Infrastructure as an Asset Class / G. Inderst // EIB Papers. 2010. № 15 (1). P. 70–105.

Федеральный бюджет Российской Федерации на 2018–2020 годы: возможен ли выход из рецессии?*

**State budget of the Russian
Federation for 2018–2020:
is it possible to exit
the recession?**

Караева Ирина Владимировна,
(руководитель экспертной группы), доктор экономических
наук, профессор, главный научный сотрудник,
руководитель сектора экономической безопасности

Karavaeva Irina V.,
(Head of the Expert Group), Doctor of Economic Sciences,
Professor, Chief Research Officer, Head of the Sector
of Economical Security

Павлов Вячеслав Иванович,
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник

Pavlov Vyacheslav I.,
Doctor of Economic Sciences, Chief Research Officer

Казанцев Сергей Владимирович,
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник

Kazantsev Sergey V.,
Doctor of Economic Sciences, Chief Research Officer

Бухвальд Евгений Моисеевич,
доктор экономических наук, профессор, главный научный
сотрудник, руководитель центра региональных исследований

Buhvald Evgeny M.,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Leader Research Officer,
Head of the Center of Regional Researches

Гельвановский Михаил Иванович,
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник

Gelvanovsky Mikhail I.,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Leader Research Officer

Ржаницына Людмила Сергеевна,
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник

Rjanitsina Ludmila S.,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Research Officer

Иванов Евгений Александрович,
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник

Ivanov Evgeny A.,
Candidate of Economic Sciences, Leader Research Officer

Коломиец Андрей Григорьевич,
доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник

Kolomiets Andrey G.,
Doctor of Economic Sciences, Leader Research Officer

Колпакова Ирина Алексеевна,
кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Kolpakova Irina A.,
Candidate of Economic Sciences, Senior Research Officer

Курнова Нина Владимировна,
экономист сектора экономической безопасности

Kurnova Nina V.,
Economist of the Sector of Economical Security

Институт экономики РАН
Institute of Economics of RAS

В статье анализируются основные параметры проекта федерального бюджета на 2018–2020 гг., дана оценка направленности государственной бюджетной политики и определена достоверность прогнозов формирования доходной базы федерального бюджета. Представлена оценка соответствия структуры расходов федерального бюджета задачам экономического развития. Определены финансовые механизмы обеспечения инвестиционного роста и возможности смягчения демографического кризиса. Проанализирована достоверность финансового обеспечения реализации социальных программ. Рассмотрены государственные программы регионального развития и межбюджетные отношения. Оценены проектировки в области инфляции.

Ключевые слова: федеральный бюджет; доходы; расходы; дефицит; нефтегазовые и ненефтегазовые доходы; государственные программы развития экономики; социальные программы; межбюджетные отношения.

* Статья подготовлена в рамках Программы ФНИ государственных академий наук на 2013–2020 гг. в соответствии с темой государственного задания № 168.2 «Обеспечение

социально-экономической безопасности и формирование макроэкономических механизмов нивелирования угроз и вызовов экономике и обществу России в ходе становления и развития системы стратегического планирования».

The authors of the article analyze the main parameters of the draft of the State budget for 2018 to 2020. The authors assess the orientation of the state budgetary policy, determine the accuracy of the forecasts of budget revenues of the State budget. The article presents the assessment of conformity of structure of Federal budget expenditure of economic tasks of the development of Russia. In addition, this article identifies the financial mechanisms to ensure investment growth and opportunities to mitigate the demographic crisis. The authors assess the reliability of financial security of realization of social programs and examine the state program of regional development and intergovernmental fiscal relations. The authors of the article analyze the estimation of the projections in the area of inflation.

Keywords: *state budget; revenues; federal expenditures; federal budget deficit; oil and gas and non-oil revenues; state programs for economic development; social programs; intergovernmental fiscal relations.*

Общая оценка направленности государственной бюджетной политики на 2018–2020 гг.

Федеральный бюджет и прогноз социально-экономического развития на 2018–2020 гг. разработаны на крайне ответственный для российской экономики период выхода из рецессии, минимизации инфляции и выхода на ускоренные темпы роста отечественной «цифровой экономики».

Как видим из табл. 2, *доходы бюджета* за 2018–2020 гг. растут на 10,6%. Немного, но это дает некоторые шансы на финансирование в приемлемом размере реального сектора экономики и социальной сферы.

Положительным в анализе доходов можно было бы считать уменьшение доли нефтегазовых доходов. Однако это требует значительных сдвигов в структуре промышленного производства, его существенной диверсификации, увеличения производства и, что очень важно, импорта продукции машиностроения, повышения

его конкурентоспособности. Эти процессы, как показывает прогноз социально-экономического развития, в нем действительно предусмотрены, но не настолько существенно, чтобы так изменить долю нефтегазовых доходов. В этом и заложена некоторая зыбкость намеченных ориентиров, опасность снижения надежности в процессе исполнения бюджета.

Теперь — *о расходах*. Они снижаются в первые два года трехлетки. В целом за три года они все же вырастут, но совершенно незначительно — 2,6%. *Данная существенная разница между ростом доходов и расходов бюджета в пользу первых и является главной концепцией государственной бюджетной политики — деньги, появившиеся в доходах, направлять не на развитие, а на снижение дефицита.*

Сама логика разработки бюджета нацелена на минимизацию бюджетных расходов. Так, доходы бюджета рассчитаны из цены на нефть чуть выше 40 долл/барр (максимум 41–42), хотя ясно, что мировая цена на нефть будет выше.

Таблица 1

Основные параметры федерального бюджета на 2018–2020 гг., млрд руб.

Показатель	2016 г., отчет	2017 г., оценка	2018 г.	2019 г.	2020 г.
			проект		
Доходы – всего, млрд руб.	13 460	14 720	15 258	15 555	16 285
в % к предыдущему году		109,4	103,7	101,9	104,7
в % к ВВП	15,6	16,0	15,7	15,1	14,8
в том числе нефтегазовые, млрд руб.		5795,2	5479,6	5247,5	5440,4
в % к ВВП		6,3	5,6	5,1	4,9
Расходы – всего, млрд руб.	16 416	16 728	16 529	16 374	17 166
в % к предыдущему году		101,9	98,8	99,1	104,8
в % к ВВП	19,1	18,1	17,0	15,9	15,6
в том числе на научные исследования, млн руб.	*	*	362,2	351,1	346,6
Дефицит (–) Профицит (+)					
млрд руб.	–2956,4	–2008,1	–1271,4	–819,1	–869,9
в % к ВВП	–3,4	–2,2	–1,3	–0,8	–0,8

* В экспертируемых материалах данные отсутствуют.

Но тут вступает в силу бюджетное правило, по которому все доходы, полученные от более высокой цены на нефть, направляются не на экономическое развитие, а в резервные фонды и там аккумулируются.

Наиболее явно видна разница в динамике доходов и расходов на примере их соотношения с ВВП. Это соотношение по доходам снижается весьма незначительно – с 15,6% в 2016 г. до 14,8% в 2020 г., т. е. всего на 0,8 п. п., а по расходам весьма значительно – с 19,1% в 2016 г. до 15,6% в 2020 г., т. е. на 3,5 п. п. Что со всей очевидностью показывает осуществление политики минимизации бюджетных расходов. В бюджете предусмотрено также снижение дефицита уже к 2019 г. до 0,8% к ВВП, т. е. до практического сбалансирования бюджета.

Наша оценка федерального бюджета на 2018–2020 гг. будет неполной и не будет отражать действительное положение дел, если не сказать, что указанная в табл. 1 динамика доходов и расходов и их рост в целом за предстоящее трехлетие указаны в номинальном измерении. Поэтому то, что мы видим, – это ложный рост. На самом деле в представленной динамике должна присутствовать 4%-я инфляция. Поэтому в реальном выражении доходы бюджета за 2018–

2020 гг. вырастут не на 10,6%, как было сказано выше, а пусть ненамного, но снизятся. Особенно же сильно данное обстоятельство отразится на расходах. Они за 2018–2020 гг. не возрастут на 2,6%, а упадут, и очень существенно для нашей экономики – на 9–10%. Вот где действительная характеристика данного бюджета. Такой бюджет с падающими расходами не может стать фактором экономического роста.

Доходы федерального бюджета на 2018 г. и на плановый период 2019–2020 гг.: достоверность прогнозов

Анализируя данные по динамике доходов федерального бюджета на 2018–2020 гг., приведенные в табл. 2, следует отметить факт последовательного сокращения доли доходов в ВВП с 16,0% в 2017 г. до 14,8% в 2020 г. При этом налоговые поступления бюджета, как связанные с внутренним производством, так и связанные с импортом продукции и услуг, в течение трехлетнего периода возрастают (за исключением ввозных пошлин в 2019–2020 гг.). Причиной сокращения общей доли доходов в структуре федерального бюджета является снижение объемов внешних поступлений от реализации продукции нефтегазового сектора экономики на 1,4 п. п. к ВВП.

Таблица 2

Динамика доходов федерального бюджета в 2018–2020 гг., млрд руб.

Показатель	2017 г. (оценка)	2018 г.		2019 г.		2020 г.	
		прогноз	отклонение	прогноз	отклонение	прогноз	отклонение
1	2	3	4 = 3 – 2	5	6 = 5 – 3	7	8 = 7 – 5
Доходы – всего, млрд руб.	14 720,3	15 257,8	537,5	15 554,6	296,8	16 285,4	730,8
в % к ВВП	16,0	15,7	–0,3	15,1	–0,6	14,8	–0,3
в том числе:							
Нефтегазовые доходы, млрд руб.	5795,2	5479,6	–315,6	5247,5	–232,1	5440,4	192,9
в % к ВВП	6,3	5,6	–0,7	5,1	–0,5	4,9	–0,2
Ненефтегазовые доходы, млрд руб.	8925,1	9778,2	857,1	10 307,1	528,9	10 845,0	537,9
в % к ВВП	9,7	10,0	0,3	10,0		9,8	–0,2
Связанные с внутренним производством	4677,8	5098,8	421,0	5413,2	314,4	5818,2	405,0
НДС	3050,8	3330,9	280,1	3558,7	227,8	3880,1	321,4
Акцизы	902,0	961,8	59,8	1029,3	67,5	1053,4	24,1
Налог на прибыль	725,0	806,1	81,1	825,2	19,1	884,7	59,5
Связанные с импортом	2671,3	2959,6	287,1	3071,1	112,7	3143,4	72,3
НДС	2038,7	2294,0	255,3	2402,3	108,3	2473,8	71,5
Акцизы	77,4	92,2	14,8	97,8	5,6	102,1	4,3
Ввозные пошлины	555,2	572,2	17,0	571,0	–1,2	567,5	–3,5
Прочее	1576,0	1721,0	145,0	1822,8	101,8	1883,4	60,6

Однако эти прогнозные данные вызывают сомнение.

Остаются вопросы, относящиеся, например, к существенно заниженному фонду оплаты труда в прогнозируемом периоде. Так, в пояснительно записке к бюджету (табл. 2.1 «Основные макроэкономические показатели на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов») существенно занижен фонд заработной платы [1]. Действительно в 2020 г. он принят в размере 24 942 млрд руб., в то время как согласно данным Росстата оплата труда, включая скрытую, в 2016 г. составила 34 981 млрд руб., а оплата труда наемных работников в 2016 г. — 40 224 млрд руб. [2, с. 123, 185]. Следовательно, с учетом этого ВВП в период 2018–2020 гг. должен быть увеличен минимум на 15 трлн руб., на 5 трлн руб. государственные внебюджетные фонды, и почти на 2 трлн руб. консолидированный бюджет субъектов РФ за счет НДС. По данным Росстата, к «невидимым» работникам относятся 16,2 млн человек, или почти 23% всех занятых в экономике [3].

Вряд ли следует считать обоснованным принятый уровень цены на нефть, которая с почти 50 долл/барр в 2017 г. сокращена до 43,8 долл/барр в 2020 г., в то время как цена 1 барреля, обеспечивающая безубыточность членам ОПЕК, колеблется от 49,1 долл/барр в Кувейте до 64,3 долл/барр в Алжире и 139 долл/барр в Норвегии [4]. В итоге вызывает сомнение существенное сокращение доли нефтегазовых доходов с 39,4% в 2017 г. до 33,4% в 2020 г., учитывая

строительство дополнительных газопроводов в Западную Европу, Турцию и Китай, а также добычу нефти и газа в Восточной Арктике.

Необходимо высказать замечание и по Приложению 6 «Расходы федерального бюджета на научные исследования и разработки гражданского назначения (аналитические группировки)», в котором не предусмотрены расходы на Стратегию научно-технологического развития РФ на период до 2030 г. и Стратегию экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. [5].

Учитывая все возрастающую сложность прогнозирования доходов федерального бюджета РФ и консолидирующих бюджетов субъектов РФ, а также возрастающую нагрузку на бизнес налогового администрирования, пришло время принятия принципиально новых моделей налогообложения и бюджетирования, способных обеспечить государству необходимый объем денежных средств для выполнения поставленных задач и обеспечивающих прозрачность налоговых платежей государству и муниципальным органам хозяйствующими субъектами.

Оценка соответствия структуры расходов федерального бюджета Российской Федерации на 2018–2020 гг. задачам экономического развития

Отношение проекта бюджета к решению задачи придания российской экономике долж-

Таблица 3

Расходы федерального бюджета в 2018–2020 гг. по разделам классификации расходов бюджета, млрд руб.

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Всего, в том числе	16 881,6	16 519,2	16 373,7	17 185,3
Общегосударственные вопросы	1290,0	1305,8	1243,5	1238,9
Национальная оборона	2872,3	2771,8	2798,5	2808,0
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	1977,2	2108,1	2131,0	2140,7
Национальная экономика	2565,0	2404,1	2377,0	2438,7
ЖКХ	132,9	125,8	98,5	91,0
Охрана окружающей среды	96,3	88,8	92,8	98,2
Образование	630,0	663,2	653,4	668,8
Культура, кинематография	105,2	93,7	89,2	84,5
Здравоохранение	452,5	460,3	428,5	499,4
Социальная политика	5071,3	4706,1	4741,8	4873,3
Физкультура и спорт	101,9	59,2	37,3	38,9
СМИ	80,2	82,7	67,8	67,9
Обслуживание государственного и муниципального долга	720,0	824,3	819,1	869,8
Межбюджетные трансферты общего характера	786,7	835,3	795,4	808,2

ного динамизма и к нуждам населения в значительной мере определяется распределением бюджетных ассигнований по разделам классификации расходов бюджета. Эти данные приведены в табл. 3.

Даже беглый взгляд на эту таблицу показывает, что по большинству статей расходы бюджета снижаются. *Анализ расходов по разделам классификации подтверждает оценку федерального бюджета на 2018–2020 гг. как бюджета ухудшения всех параметров, кроме дефицита бюджета.*

Представляется необходимым предусмотреть рост расходов бюджета в реальном измерении как минимум на 4% в год, а значит, в номинальном не ниже чем на 8% в год. Это значит, что расходы бюджета должны составить в 2018 г. – 17 729 млрд руб., в 2019 г. – 19 147 млрд руб. и в 2020 г. – 20 679 млрд руб. Это даст возможность направить дополнительно на развитие экономики в 2018 г. – 1200 млрд руб., в 2019 г. – 2773 млрд руб. и в 2020 г. – 3513 млрд руб., т. е. постепенный перевод экономики на новую модель функционирования, без резких переломов. При этом дефицит бюджета составит в 2018 г. – 2471 млрд руб., или 2,5% к ВВП, в 2019 г. – 3592 млрд руб., или

3,5% к ВВП, и в 2020 г. – 4394 млрд руб., или 4% к ВВП.

Как известно, в стране есть немало денег, практически не работающих на развитие отечественной экономики. Вместо того чтобы вкладывать эти средства в ценные бумаги США и инвестировать чужую экономику, логичнее направлять их в отечественную экономику и частично на реструктуризацию дефицита бюджета.

Анализ расходов федерального бюджета в 2018–2020 гг. в разрезе государственных программ (приложение № 5 к проекту федерального закона «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» [6]) показывает, что в проекте федерального бюджета РФ на 2018–2020 гг. предусмотрена реализация 35 государственных программ, но только восемь из которых предназначены исключительно для развития промышленного производства, включая ОПК. Из общих расходов на государственные программы на эти восемь программ приходится всего порядка 7%, в то время как на одну госпрограмму «Управление государственными финансами и регулирование финансового рынка» предусмотрено в два раза больше (порядка 14% от всех расходов), чем на восемь госпрограмм в реальном секторе экономики.

Таблица 4

Расходы на реализацию государственных программ в проекте федерального бюджета на 2018–2020 гг., млн руб.

Наименование госпрограмм	2018 г.		2019 г.		2020 г.	
	млн руб.	доля от всего, %	млн руб.	доля от всего, %	млн руб.	доля от всего, %
Расходы на реализацию государственных программ, всего	9 108 528,7	100	8 720 822,1	100	8 841 977,6	100
1. Развитие науки и инновационная экономика	181 699,0	2,0	182 147,2	2,09	184 921,6	2,09
2. Развитие авиационной промышленности на 2013–2025 гг.	59 105,8	0,65	40 340,9	0,46	40 574,1	0,46
3. Развитие промышленности и ее конкурентоспособность	218 358,5	2,4	217 908,8	2,5	203 206,8	2,3
4. Развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений на 2013–2020 гг.	9801,6	0,11	9807,9	0,11	9807,9	0,11
5. Развитие электронного и радиопромышленного комплекса	9909,3	0,11	9908,1	0,11	9908,1	0,11
6. Развитие атомного и энергопромышленного комплекса	66 541,1	0,73	66 185,8	0,76	66 938	0,76
7. Энергоэффективность и развитие энергетики	11 348,0	0,12	10 406,9	0,12	9155,0	0,12
8. Развитие ОПК	7612,7	0,08	7343,7	0,08	6890,7	0,08
9. Управление государственными финансами и регулирование финансового рынка	1 268 666,2	13,9	1 211 326,3	13,9	1 268 952,2	14,3

Финансируя такими незначительными средствами модернизацию российской промышленности, трудно ожидать от нее необходимых положительных результатов и вывода ее на мировой уровень, хотя все эти госпрограммы, а также ряд других государственных и федерально-целевых программ способствуют повышению экономической безопасности и научно-технологическому развитию РФ.

Отдельным блоком современных задач являются повышение уровня жизни народа, рост реальных доходов населения, снижение уровня бедности, сильного имущественного расслоения общества и повышение комфортности жизни людей.

Приведенные в федеральном бюджете цифры показывают совершенно катастрофическое и непонятное для здравого смысла падение темпов роста реальных доходов населения практически до 1,1 и 1,2% в 2019–2020 гг. при прогнозируемой ежегодной инфляции 4%. Данную ситуацию можно объяснить только тем, что стремление к уменьшению дефицита бюджета будет достигаться за счет сдерживания роста реальных доходов населения, особенно наемных работников и пенсионеров.

Кроме того, такое практически обнуление роста реальных доходов населения создает неправильные пропорции в экономике и исключает доходы населения из числа факторов, создающих внутренний спрос. А это значит, что доходы населения перестают быть фактором экономического роста.

Финансовые механизмы обеспечения инвестиционного роста в бюджетной концепции 2018–2020 гг.

Согласно проекту федерального бюджета на 2018 и последующие годы отношение величины годового прироста инвестиций (в текущих ценах) к величине годового прироста ВВП (в текущих ценах) составит: в 2018 г. – 29,1%, в 2019 г. – 31,1%, в 2020 г. – 27,8% [1, с. 22]. Предполагается, что в 2020 г. объем инвестиций в текущих ценах вырастет, по сравнению с 2018 г., на 21,5%, при росте ВВП в текущих ценах на 13,1% (с 2010 по 2012 г., по данным Росстата, инвестиции увеличились на 37,5%, ВВП – на 34,4%).

Теоретически такой опережающий рост инвестиций за счет прибыли организаций возможен. Например, если прибыль каким-то образом аккумулируется или перераспределяется в пользу крупнейших энергетических и сырьевых корпораций, которые реализуют масштабные инвестиционные программы, например, чтобы

поддержать снижающийся объем добычи при стабильных или слабо растущих ценах (этот вариант динамики цен является базовым при расчете бюджетных проектировок на 2018 и последующие годы). Однако оставляя в стороне рациональность такого маневра, совершить его без использования фискальных и бюджетных мер невозможно.

Можно рассмотреть предложение об увеличении расходов бюджета за счет его дефицитности. Может быть, этого увеличения и недостаточно, но надо исходить из того, что резкий переход страны на новую модель развития весьма труден. Следует отметить, что в Прогнозе социально-экономического развития РФ на 2018 год и на плановый период 2019–2020 гг. намечены весьма высокие темпы роста инвестиций в основной капитал: 4,7% в 2018 г., 5,6% в 2019 г. и 5,7% в 2020 г. Это в 2–2,5 раза выше, чем прирост ВВП, и это правильная пропорция. Но она явно не обеспечена. В прогнозе социально-экономического развития также отсутствует убедительное обоснование реальности достижения намеченных темпов прироста инвестиций в основной капитал.

Финансовое обеспечение реализации социальных программ поддержки населения

В Прогнозе социально-экономического развития РФ на 2018 год и на плановый период 2019–2020 гг. наблюдается сдержанная динамика по показателям, характеризующим уровень жизни населения, о чем свидетельствуют данные, приведенные в табл. 5.

Особо следует обратить внимание на сокращение в федеральном бюджете расходов на здравоохранение, причем, к удивлению, из конечной суммы исчезла статья «Расходы на охрану здоровья матери и ребенка».

Государственная программа «Развитие здравоохранения»

Динамика расходов федерального бюджета в 2017–2020 гг. на реализацию государственной программы «Развитие здравоохранения» представлены в табл. 6.

Проект бюджета 2018–2020 предусматривает, что расходы на реализацию государственной программы «Развитие здравоохранения» в 2018–2019 гг. будут снижаться, но не так сильно, как предусматривал Закон № 415-ФЗ. Несмотря на то что по сравнению с последним параметры этих расходов увеличены (в 2018 г. на 6,6%, в 2019 г. на 7,4%), все же они остаются до 2020 г. на низком уровне по сравнению с до-

Таблица 5

Проект расходов федерального бюджета на 2018 г. на социально-культурные мероприятия, млн руб.

Статьи расходов	2017 г.	2018 г.	+/-
Здравоохранение	314 989,1	300 000,0	-14 989,1
Образование	452 703,8	480 607,6	+27 903,8
Социальная политика	1 295 789,2	1 375 619,9	+ 79 830,7
Доступная среда	50 234,7	49 554,5	-680,2
ЖКХ	114 990,3	96 806,0	-18 184,3
Поддержка занятости	49 754,6	45 434,7	-4319,9
Культура и туризм	98 835,3	90 379,2	-8456,6
Физкультура и спорт	100 482,0	57 239,9	-43 242,1
Итого	2 477 779	2 495 641,8	-17 856,7
Расходы на госпрограммы	933 1617,7	9 108 528,7	
Доля в госпрограммах, %	26,5	27,3	
Все расходы, млн руб.	16 728,4	16 529,2	-199,2
Доля в расходах, %	14,8	15,1	
Все доходы, млн руб.	14 720,3	16 529,2	+1808,9
Доля в доходах	16,8	15,1	

Таблица 6

Динамика расходов на реализацию государственной программы «Развитие здравоохранения» в проекте бюджета

Наименование	2017 г.	2018 г.			2019 г.			2020 г.	
		Закон № 415-ФЗ	законо-проект	Δ к закону, %	Закон № 415-ФЗ	законо-проект	Δ к закону, %	законо-проект	Δ к законо-проекту на 2019 г., %
1	2	3	4	5 = 4/3 · 100	6	7	8 = 7/6 · 100	9	10 = 9/7 · 100
Всего, млн руб.	314 989,1	281 519,8	300 090,0	106,6	247 390,1	265 711,4	107,4	338 403,5	127,4
Δ к уровню 2017 г., %	100	89,4	95,26	-	78,5	84,4	-	107,4	-
Δ к уровню предыдущего года, %	-	-	-	-	-	80,5	-	127,4	-

стигнутым в 2017 г. Так, в 2018 г. ассигнования на данную программу будут составлять лишь 78,5% от уровня 2017 г., в 2019 г., соответственно, 84,4%. Вывести их на уровень, превышающий уровень 2017 г. на 7,4%, планируется только в 2020 г.

Как негативный момент – существенное сокращение статьи «Совершенствование системы оказания медицинской помощи больным прочими заболеваниями» на 41 894,4 млн руб. в 2018 г. и на 36 381,5 млн руб. в 2019 г. Представляется также недостаточным увеличение расходов на совершенствование высокотехнологичной помощи, которое предполагается осуществлять на уровне 5533,2 млн руб. в 2018 г., 5721,8 млн руб. в 2019 г. И лишь в 2020 г.

планируется увеличить эти расходы на 77 100,0 млн руб.

Государственная программа «Развитие образования» на 2013–2020 годы»

Динамика расходов федерального бюджета в 2017–2020 годах на реализацию государственной программы «Развитие образования» на 2013–2020 годы» представлена в табл. 7.

Данные табл. 7 показывают, что справедливая критика прошлогоднего Закона № 415-ФЗ несколько была учтена и в новом бюджете расходы на программу «Развитие образования» на 2013–2020 годы» увеличены. Вместе с тем надо отметить отсутствие финансирования Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы, а также слабое финансирование

Таблица 7

Динамика расходов федерального бюджета в 2017–2020 гг. на реализацию государственной программы «Развитие образования» на 2013–2020 годы»

Наименование	2017 г.*	2018 г.			2019 г.			2020 г.	
		Закон № 415-ФЗ	законопроект	Δ к закону, %	Закон № 415-ФЗ	законопроект	Δ к закону, %	законопроект	Δ к законопроекту на 2019 г., %
1	2	3	4	5 = 4/3 · 100	6	7	8 = 7/6 · 100	9	10 = 9/7 · 100
Всего, млн руб.	458 252,1	456 703,8	480 607,6	105,2	458 960,1	484 454,0	105,6	495 761,1	102,3
Δ к уровню 2017 г., %	-	-	104,9	-	-	105,7	-	108,2	-
Δ к уровню предыдущего года, %	-	-	-	-	-	100,8	-	102,3	-

Таблица 8

Динамика расходов федерального бюджета в 2017–2020 годах на реализацию государственной программы «Социальная поддержка граждан»

Наименование	2017 г.	2018 г.			2019 г.			2020 г.	
		Закон № 415-ФЗ	законопроект	Δ к закону, %	Закон № 415-ФЗ	законопроект	Δ к закону, %	законопроект	Δ к законопроекту на 2019 г., %
1	2	3	4	5 = 4/3 · 100	6	7	8 = 7/6 · 100	9	10 = 9/7 · 100
Всего, млн руб.	1 295 789,2	1 375 619,9	1 328 626,4	96,6	1 347 387,9	1 313 065,1	97,5	1 316 714,0	100,3
Δ к уровню 2017 г., %	-	-	102,5	-	-	101,3	-	101,6	-
Δ к уровню предыдущего года, %	-	-	-	-	-	98,8	-	100,3	-

подпрограммы «Развитие и распространение русского языка как основы гражданской самоидентичности и языка международного диалога».

Государственная программа «Социальная поддержка граждан»

Динамика расходов федерального бюджета в 2017–2020 годах на реализацию государственной программы «Социальная поддержка граждан» представлена в табл. 8.

Несмотря на то что следующий плановый период объявлен периодом, когда выполнение социальных обязательств государства перед гражданами станет основным приоритетом, как свидетельствуют данные табл. 8, произошло некоторое снижение ассигнований на выполнение этой программы по сравнению с предыдущими бюджетными проектировками (Закон № 415-ФЗ). Так, параметры законопроекта в

2018 г. ниже параметров Закона на 3,4%, в 2019 г. — на 2,5%. К тому же с 2019 г. происходит снижение абсолютной суммы расходов на данную программу от уровня 2018 г. Таким образом, в 2020 г. запланированные расходы на данную программу будут выше, чем в 2017 г., на 1,6%, но ниже, чем уровень 2018 г., на 0,9%. В целом можно оценить параметры бюджета по данной программе как стагнирующие, что странно для социального государства, прогнозирующего рост экономики на весь плановый период.

Государственная программа «Доступная среда на 2011–2020 годы»

Динамика расходов федерального бюджета в 2017–2020 годах на реализацию государственной программы «Доступная среда на 2011–2020 годы» представлена в табл. 9.

Таблица 9

Динамика расходов федерального бюджета в 2017–2020 годах на реализацию государственной программы «Доступная среда на 2011–2020 годы»

Наименование	2017 г.	2018 г.			2019 г.			2020 г.	
		Закон № 415-ФЗ	законопроект	Δ к закону, %	Закон № 415-ФЗ	законопроект	Δ к закону, %	законопроект	Δ к законопроекту на 2019 г., %
1	2	3	4	5 = 4/3 · 100	6	7	8 = 7/6 · 100	9	10 = 9/7 · 100
Всего, млн руб.	50 234,7	45 880,5	49 554,5	108,0	45 657,5	49 433,3	108,3	49 870,7	100,9
Δ к уровню 2017 г., %	-	-	98,6	-	-	98,4	-	99,3	-
Δ к уровню предыдущего года, %	-	-	-	-	-	99,8	-	100,9	-

Таблица 10

Динамика расходов федерального бюджета в 2017–2020 гг. на реализацию государственной программы «Содействие занятости населения»

Наименование	2017 г.*	2018 г.			2019 г.			2020 г.	
		Закон № 415-ФЗ	законопроект	Δ к закону, %	Закон № 415-ФЗ	законопроект	Δ к закону, %	законопроект	Δ к законопроекту на 2019 г., %
1	2	3	4	5 = 4/3 · 100	6	7	8 = 7/6 · 100	9	10 = 9/7 · 100
Всего, млн руб.	49 754,6	46 429,7	45 434,7	97,9	46 910,0	46 012,8	98,1	46 681,1	101,5
Δ к уровню 2017 г., %	-	-	91,3	-	-	92,5	-	93,8	-
Δ к уровню предыдущего года, %	-	-	-	-	-	101,3	-	101,5	-

Данные табл. 9 показывают, что предусмотренное в законопроекте увеличение расходов на формирование доступной среды, по сравнению с Законом № 415-ФЗ, маскирует некоторое снижение расходов по этой программе по сравнению с уровнем 2017 г. Это снижение было бы более существенным, если бы были оставлены без изменения наметки действующего Закона.

Наиболее существенное увеличение средств в 2018 и 2019 г. произошло по подпрограмме «Совершенствование государственной системы медико-социальной экспертизы», в частности на обеспечение деятельности учреждений медико-социальной экспертизы (повышение заработной платы персонала).

Государственная программа «Содействие занятости населения»

Динамика расходов федерального бюджета в 2017–2020 годах на реализацию государственной

программы «Содействие занятости населения» представлена в табл. 10.

Судя по представленным в таблице данным, в целом расходы на программу «Содействие занятости населения» несколько сокращены по сравнению с параметрами, предусмотренными в Законе № 415-ФЗ. Вместе с тем, если их сравнивать с уровнем 2017 г., сокращение уже представляется более существенным. Так, в 2018 г. они будут ниже уровня 2017 г. почти на 9%, в 2019 г. – на 7,5%, в 2020 г. – на 6,2%.

Наиболее серьезное снижение предполагается по мероприятию «Социальные выплаты безработным гражданам и оптимизация критериев назначения и размеров пособия по безработице».

Очевидно, что по содержанию федеральный бюджет на 2018–2020 гг. построен на минимизации расходов в социальной сфере. Он ориентирован на поддержку существующей ситуации, но

не ее развитие. В нем отсутствует решение ряда наиболее острых сегодня проблем и сохраняющихся в ближайшей перспективе: обеспечение детей младшего возраста яслями в условиях нарастающей демографической ямы; увеличение бедности пожилых, у которых снижается реальная пенсия; сохранение сложившегося неравенства в уровне жизни в связи с отказом от прогрессивного налога на личное богатство.

Государственные программы регионального развития и межбюджетные отношения в проекте федерального бюджета на 2018–2020 гг.

Основная претензия, которую можно высказать в адрес этого блока бюджетных проективных, состоит в том, что здесь совершенно не просматривается реализация принятия Федерального закона от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», а также ряда других уже принятых документов, касающихся государственной политики регионального развития и регулирования пространственной структуры российской экономики¹.

Надо обратить внимание, что по предлагаемым проекциям из пяти блоков государственных программ только по блоку «Сбалансированное региональное развитие» (5 программ) намечено сокращение общего объема финансирования.

Много вопросов вызывает Государственная программа «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами» [5, с. 2]. Что здесь конкретно относится именно к развитию федеративных отношений, сказать крайне сложно. Из документа неясно, что конкретно имеется в виду под «Совершенствованием системы распределения и перераспределения финансовых ресурсов между уровнями бюджетной системы Российской Федерации». Между тем надо обратить внимание, что в таком документе, как Указ Президента РФ от 16.01.2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации» на период до 2025 года», наибольшее внимание уделено именно этому аспекту бюджетного процесса.

В бюджете констатируется, что по отношению к объему ВВП соответствующего года доля расходов по разделу «*Межбюджетные трансферты общего характера бюджетам бюджетной системы Российской Федерации*» составит в 2017 и 2018 гг. — 0,9%, в 2019 г. — 0,8% и в 2020 г. — 0,7%. Это заметное сокращение, но никакой целостной системы мер по повышению эффективности этого блока бюджетных расходов и созданию действенных стимулов для субфедеральных бюджетов документ не содержит, если, конечно, не считать символических премиальных выплат муниципалитетам.

В соответствии с разделом VI. «Межбюджетные отношения с Субъектами РФ» на предстоящий период предусматривается, что в общем объеме межбюджетных трансфертов доля дотации увеличивается с 44,15% в 2017 г. до 50,03% в 2020 г., а доля субсидий сокращается с 27,75 до 23,63%. В документе присутствует множественность видов межбюджетных трансфертов, а целевая установка на их распределение, только приложениями к закону о бюджете, пока в полной мере не реализуется.

В 2018 г. предусмотрено 68 субсидий, из которых в рамках бюджета распределено лишь 52, или 76,4% их общей суммы. Опять-таки следует отметить *неясность соотношения программы субсидий с финансированием государственных программ*: субсидии в рамках программ и (или) за их рамками.

Межбюджетные трансферты в рамках федерального бюджета используются также как эффективный механизм перераспределения доходов между бюджетными уровнями. Во время относительно нестабильной экономической ситуации доходы бюджетов всех уровней сокращаются, а расходные обязательства возрастают в силу дополнительных трат на предотвращение опасных для общества процессов социально-политического плана. В этих условиях естественно ожидать уменьшения общего объема перераспределения доходов между бюджетами разного уровня, что и заложено в федеральном бюджете (табл. 11).

В итоге урезание общего размера межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Федерации в 2018–2020 гг. будет на 6 п. п. больше, чем сокращение всех расходов федерального бюджета. Это означает, что Минфин России уже в который раз возлагает бремя сокращения расходов и, соответствен-

¹ Это Постановление Правительства РФ от 20.08.2015 г. № 870 «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации», а также Указ Президента РФ от 16.01.2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». В частности, в этом документе ставится задача «обеспечения взаимосвязи стратегического и бюджетного планирования».

Таблица 11

Динамика объемов межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ в 2018–2020 гг. %

Трансферт	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2018–2020 гг.
Всего	96,8	95,6	100,9	93,1
Дотации	106,7	97,2	101,8	105,6
Субсидии	92,9	92,8	99,2	85,5
Субвенции	88,1	102,5	101,2	91,2
Иные межбюджетные трансферты	80,2	77,3	99,4	61,6

но, тяжесть преодоления сложной экономической ситуации больше на бюджеты нижестоящих уровней, чем на федеральный бюджет.

По аналогии с кризисом 2008–2009 гг. Минфин России решил помогать регионам с помощью дотаций: особенно быстро они увеличатся в 2018 г. (см. табл. 11). В первую очередь дотации получают, как правило, депрессивные субъекты РФ, регионы с низким уровнем жизни. А вот заложенное в бюджет уменьшение субвенций настораживает. Субвенции обычно используют для финансового обеспечения «делегированных» полномочий. Неясно, чего же ожидать при их уменьшении: сокращения числа и «тяжести» таких полномочий или, как это было раньше, перекладывания полномочий из центра на субъекты Федерации без соответствующего финансового обеспечения?

Оценка проектировок в области инфляции в федеральном бюджете

Бюджет сверстан на основе «Прогноза социально-экономического развития России на 2018 год и период 2019–2020 гг.», в котором целевой уровень инфляции установлен в размере 4%. Достижение и сохранение этого уровня вызывает большие сомнения. Во-первых, внешние факторы, от которых по-прежнему сильно зависит ценовая сфера РФ, крайне неустойчивы, о чем свидетельствуют и имеющиеся в Прогнозе оценки ослабления курса рубля в ближайшие три года. Во-вторых, прогнозируемое ускорение экономического роста за счет некоторого повышения инвестиционного и потребительского спроса может привести к всплеску инфляции выше целевого уровня, поскольку фундаментальные условия для снижения инфляции в России не были созданы.

Определение реального показателя инфляции для бюджета важно, поскольку на его основе формируется индексация пенсий, заработной платы бюджетников, регулируемых цен и тарифов. От того, насколько корректно этот показатель используется, зависит уровень ре-

альных располагаемых доходов населения, а также доходов промышленных потребителей услуг компаний инфраструктурного сектора. Здесь остается ряд нерешенных проблем.

Во-первых, по-прежнему в практике прогнозирования инфляции не учитывается инфляция для групп населения, различающихся по уровню дохода. В РФ, как в стране с весьма высоким уровнем дифференциации доходов, нельзя считать методологически корректным использование в расчетах средних показателей инфляции без их детализации по группам потребителей. По некоторым оценкам, для 65% населения, у которых траты на продовольствие, электроэнергию, ЖКХ и транспорт составляют до 2/3 от общих расходов, инфляция в 2017 г. составит 12%. Однако в бюджете проблема социальной инфляции никак не отражена и не учтена, что позволяет экономить расходы на реальную индексацию пенсий и субсидий. В результате пенсии и субсидии индексируются в новом бюджете даже не на 4, а на 3,7%, а весьма немаленькие зарплаты чиновников и депутатов – на все 4%.

Во-вторых, целевой уровень инфляции в бюджете взят как ориентир для продолжающейся индексации цен и тарифов на продукцию и услуги компаний инфраструктурного сектора, а именно цен на газ, тарифов на электроэнергию, тарифов на услуги ЖКХ, трубопроводного и железнодорожного транспорта. Однако необходимо учитывать, что в течение последнего десятилетия компании инфраструктурного сектора получали сверхдоходы за счет более быстрого, чем уровень инфляции, повышения цен и тарифов. Ими накоплены многочисленные непрофильные активы. Более того, все эти крупные компании обзавелись отделениями в офшорах и вкладывают большие средства в проекты, не связанные с российской экономикой. К тому же теперь им позволено не возвращать офшорные капиталы в Россию и при этом продолжать получать госзаказы.

Вместе с тем расходы бюджета можно было бы существенно сэкономить за счет притяжения государственной политики замораживания действующих тарифов и снятия вопроса их индексации.

Пусть, наконец, покажут умение так распорядиться накопленными благодаря длительному «лояльному» регулированию их цен и тарифов капиталами, чтобы и развиваться, и при этом не снижать доходы потребителей, которые в отличие от них весьма сильно пострадали от инфляции.

Что касается отношения Минэкономразвития и Минфина России к ситуации с ценами в России, необходимо отметить, что *давно назрела потребность в разработке и принятии государственной политики цен и развернутой программе ее реализации как важного инструмента, способствующего ускорению экономического развития.*

Заключение. Ориентиры корректировки бюджетной концепции 2018–2020 гг.

Необходимо отметить, что и федеральный бюджет на 2018–2020 гг., и Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации производят впечатление тщательно проработанных, согласованных документов.

В целом анализ величин и, главное, динамики показателей федерального бюджета дает основание полагать следующее:

- критерием позитивной направленности федерального бюджета разработчики считают его бездефицитность;

- достижение бездефицитности федерального бюджета предполагается достичь за счет сокращения его расходов.

Первое следует из того, что сотрудники Минфина России продолжают политику предыдущих лет, ориентированную на сокращение инфляции и обеспечение некоего приемлемого вышестоящими руководителями предела бюджетного дефицита. Второе — из того, что Минфину России намного легче перераспределять и минимизировать расходную часть федерального бюджета, чем его доходную часть, которая зависит главным образом от уровня эффективности результатов деятельности хозяйствующих субъектов, общего состояния экономики страны, геополитической и геоэкономической обстановки.

В итоге федеральный бюджет, при всей профессиональности подготовки, предусматривает последовательное сокращение финансирования общественно значимых сфер жизни общества (табл. 12).

Отметим, что на долю расходов шести первых направлений расходования средств федерального бюджета в табл. 12 (от «Обслуживание государственного и муниципального долга» до «Охрана окружающей среды») приходится 30,2% общего объема предусмотренных в бюджете рас-

Таблица 12

Ранжирование темпов изменения объемов расходов федерального бюджета (по разделам классификации расходов бюджетов) 2018–2020 гг. в порядке их убывания, %

№ п/п	Классификация расходов бюджета	Без учета индекса	С учетом индекса	Доля в суммарных за 2018–2020 гг. расходах, %
		роста потребительских цен	роста потребительских цен	
	Все расходы, том числе	99,1	88,1	100,0
1	Обслуживание государственного и муниципального долга	120,8	107,4	5,1
2	Здравоохранение	110,4	98,1	2,8
3	Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	108,3	96,2	12,9
4	Образование	106,2	94,4	4,0
5	Межбюджетные трансферты общего характера бюджетам бюджетной системы РФ	102,7	91,3	4,9
6	Охрана окружающей среды	102,0	90,7	0,6
7	Национальная оборона	97,8	86,9	16,9
8	Социальная политика	96,1	85,4	28,9
9	Общегосударственные вопросы	96,0	85,4	7,6
10	Национальная экономика	95,1	84,5	14,5
11	Средства массовой информации	84,7	75,3	0,4
12	Культура, кинематография	80,3	71,4	0,5
13	Жилищно-коммунальное хозяйство	68,4	60,8	0,6
14	Физическая культура и спорт	38,2	34,0	0,3

Источник: данные табл. 14 рассчитаны по информации, представленной в разделе IV. «Расходы федерального бюджета на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» Пояснительной записки, и по индексу потребительских цен, приведенному в материалах Минэкономразвития России «Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов».

ходов в 2018–2020 гг. То есть основная масса расходов (69,8%), согласно законопроекту, уменьшается, том числе расходы по таким социально значимым статьям, как «Социальная политика», «Национальная экономика», «Охрана окружающей среды». Исключением из общего уменьшения объемов финансирования из федерального бюджета (с учетом индекса потребительских цен) является увеличение объема средств, выделяемых на развитие отечественной науки и технологий (в том числе на подпрограмму «Фундаментальные научные исследования» на 111,5% с учетом индекса потребительских цен), что давно назрело, и это можно только приветствовать. При этом заложенный в федеральный бюджет рост затрат на обслуживание государственного и муниципального долга может указывать на возрастание трудностей в экономике.

Из теории и практики известно, что выход из состояния рецессивного развития происходит путем инновационного обновления систем используемых технологий и реструктуризации хозяйства. А поскольку бюджетное финансирование национального хозяйства выступает важнейшим инструментом государственного влияния на экономику, то ориентированный на урезание расходов федеральный бюджет формирует магистральный путь ухода государства из хозяйственной жизни.

Поэтому в заключение следует сказать о принципах бюджетной политики, которые не нашли отражения в принятом федеральном бюджете 2018–2020 гг., но остаются остро необходимыми для ускорения темпов прироста российской экономики до необходимых нам харизматичных 7%, которых стабильно достигает наш восточный партнер и конкурент – Китай.

Перечислим коротко в концентрированном виде эти необходимые изменения бюджетной политики:

- необходимо резкое увеличение бюджетных расходов даже за счет роста дефицита бюд-

жета с 4% к ВРП к 2020 г. до 6–7%, с условием, что это обеспечит необходимые темпы экономического роста;

- необходимо признать приоритетным и первоочередным отход российской экономики от стагнационных темпов роста в 1–2%. Предлагаемые темпы прироста ВВП к 2020 г. должны составлять 5–6%, с целью к 2023–2025 гг. достичь темпов прироста в 7–8%.

- все другие экономические задачи, в том числе и в области уровня жизни, могут быть решены только в результате ускорения темпов роста ВВП. Что касается таких важных финансовых задач, как преодоления дефицита бюджета, снижение инфляции, сохранение приемлемого объема госдолга и т. д., то это все же вторичные задачи, которые могут быть успешно решены только на фоне высоких темпов развития российской экономики;

- важной задачей является диверсификация производства, решение которой полностью зависит от ускорения темпов роста экономики;

- базовым приоритетным направлением бюджетной политики должен стать рост уровня жизни населения, отражаемый в реальных денежных доходах граждан, и формирование адресной (индивидуализированной) системы социальной поддержки населения.

- суммы увеличения бюджетных расходов должны быть в примерно равных объемах направлены на рост бюджетных инвестиций и реальных денежных доходов населения.

Реализация данных принципов бюджетной политики увеличит внутренний спрос и сформирует реальные условия для эффективного развития российской экономики. Необходимо, чтобы эти кратко перечисленные приоритеты стали стержнем бюджетной политики Российского государства.

Но федеральный бюджет 2018–2020 гг. этих задач не решает.

Литература:

1. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/f938e46a4000bf25f99c70c69823278591395d7d/.
2. Россия в цифрах. 2017. Краткий статистический сборник М. : Росстат, 2017.
3. Самозанятые не выходят из тени // Ведомости. 2017. 7 июля.
4. Сделка ОПЕК не по карману // Ведомости. 2017. 1 августа.
5. Как не вылететь в трубу // Российская газета. 2017. 21 сентября.
6. Проект Федерального закона «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов». URL: <http://base.garant.ru/56727430/>.
7. Караваева, И. В. Стимулирование совокупного спроса как инструмент преодоления угроз социально-экономической безопасности России / И. В. Караваева, Е. А. Иванов // Страховое дело. 2017. № 5. С. 5–14.
8. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г. С. 1–18. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf>.

Специфика стимулирующего воздействия реформирования налоговой системы в российских условиях

Ческидов Борис Михайлович,
доктор экономических наук,
действительный член
Академии военных наук

Cheskidov Boris M.,
Doctor of Economic Sciences,
Member Academy
of Military Sciences

The specificity of the stimulating impact
of reforming the tax system
in the Russian context

*Дела благие страха не внушают,
Продуманные тщательно к тому же.
А то, чему примеров в прошлом нет,
Вот этого нам следует бояться.
Взимался ли такой налог доселе?
Не думаю.*

В. Шекспир. Генрих VIII

В статье раскрывается содержание дискуссии о трансформации отечественной налоговой системы.

Ключевые слова: налоги; налогообложение; налоговая система; обязательные платежи; субъекты экономики; бюджет.

The article reveals the content of the discussion about the transformation of the domestic tax system.

Keywords: taxes; taxation; tax system; obligatory payments to the agents in the economy; the budget.

Совокупность социальных, политических и экономических особенностей текущего этапа развития России повышают актуальность дискуссии относительно дальнейших направлений трансформации отечественной налоговой системы и шире тех целей, которые должна преследовать вся совокупность обязательных платежей субъектов экономики.

Хотя формально никто из участников этой дискуссии не подвергает сомнению необходимость придания налоговой системе в том числе и стимулирующей функции, на практике приоритет ей отдает большинство профессиональных экономистов и представителей исполнительной власти, в то время как большинство

парламентских политиков и значительная часть населения полагают, что основной целью налоговой системы должно стать усиление эгалитаристской функции государства.

Причем под социальным равенством в данном случае понимается не столько даже улучшение положения неимущих классов (в массовом сознании существует базовое представление о том, что на их обеспечение средств по тем или иным причинам все равно не хватит), сколько создание дискомфорта для классов имущих. На периферии существует и так называемый мобилизационный проект, декларирующий доведение фискальной и квазифискальной нагрузки до максимально возможного пре-

дела и сверх него во имя достижения невнятной смеси разного рода доктрин, как правило, сводящихся к реинкарнации идеологии ирредентизма с некоторой мистико-философской окраской.

Хотя разоблачение такого рода непрагматических подходов является важной задачей экономического просвещения масс, *профессиональная дискуссия может вестись исключительно вокруг вопроса о таком реформировании налоговой системы, которое обеспечит устойчивое развитие российской экономики.*

На сегодняшний день предпринимаются последовательные усилия по совершенствованию этой системы, достижения в области собираемости налогов очевидны и может показаться, что речь при определении дальнейших действий идет уже о соотношении отдельных видов налоговых (и квазиналоговых, роль которых для бюджетов, особенно местных, по факту непрерывно возрастает) платежей. В ходе обсуждения распространенной формой аргументации является ссылка на существующий зарубежный опыт наиболее экономически развитых стран, основательно подкрепленная скрупулезным изучением соответствующих практик.

И тем не менее представляется весьма важным поднять вопрос не о том, насколько справедлива существующая налоговая система или насколько правильно проводится настройка ее параметров, а о том, *до какой степени вообще ее конфигурация, заимствованная у экономик, прошедших длительный путь капиталистического развития, адекватна нынешнему этапу развития экономики России.*

Таким образом, речь идет не о том, должна ли налоговая система стимулировать экономику и нуждается ли она в реформировании, а о том, насколько она в своих наиболее развитых, современных формах даже при безупречной реализации способна сопрягаться с возможностями и потребностями экономических субъектов. То есть под вопрос ставится не необходимость обеспечения потребностей бюджета или стимулирования деловой активности, а приложимость к ним используемых стимулов.

Распространенной точкой зрения является взгляд на современное состояние российских общественных институтов как неудовлетворительное, тормозящее экономический рост. Многочисленные, тщательно проведенные исследования подтверждают эту точку зрения и уверенно доказывают необходимость их глубокого реформирования. Но масштаб проблемы и глубина экономических реформ, как явствует

из тех же исследований, предполагают работу колоссального масштаба, которая потребует или быстрых перемен революционного характера, или продолжительной упорной эволюционной трансформации.

С другой стороны, практика показывает, что реформирование налоговой системы самой по себе осуществляется намного проще и поставленные цели хотя и не без затруднений, но достигаются (в то время как реформирование институтов, по сути, еще не вышло из стадии рассуждений). Уже из самих этих очевидных фактов видно логическое противоречие — *в то время как налоговая система достаточно быстро достигает (хотя бы организационно и технологически) передовых современных образцов, институты остаются на куда более низком уровне развития.*

Необходимость достижения баланса в данном вопросе не может отрицаться, но на практике движение к этой цели сегодня идет не самым логичным путем: испытывающий постоянное сопротивление процесс трансформации институтов подтягивается к и без того уверенно продвигающемуся вперед реформированию налоговой системы. Скорость трансформации этих процессов настолько различна, что на практике разрыв нарастает.

Образно говоря, путешественник, которому предстоит преодолеть заснеженную равнину, вместо того, чтобы сменить колесо на санный полоз, принимает решение разработать способ растопить снег и высушить почву, чтобы лишь потом двинуться вперед, а до той поры продолжает не без успеха совершенствовать колесную повозку, которая, впрочем, все равно продолжает вязнуть в снегу.

Опасность такого состояния вещей дополнительно усугубляется возможностью заимствования не только самих по себе современных фискальных практик, но и широкого спектра технологических новинок, обеспечивающих их реализацию. Мы можем наблюдать, как развитие современной вычислительной техники и средств связи смогло существенно повысить эффективность контроля за осуществлением хозяйственной деятельности и собираемость налогов. Никто при этом не обращает внимания на тот пугающий факт, что как принципы программных решений, так и сами технологии и большинство комплектующих для обеспечивающего указанные процессы оборудования прямо (как правило, в виде импортных закупок) или косвенно (всегда, в виде технологий) заимствованы за рубежом. В воображении невольно

возникает довольно распространенный образ современной фантастики: одетые в домотканую одежду невольники обрабатывают землю примитивными орудиями труда, в то время как за их трудом с помощью одетых на рабов электронных ошейников наблюдают вооруженные современным оружием надсмотрщики-феодалы, правда, и ошейники, и оружие доставлены из других миров и потому смотрятся анахронизмами.

Это лирическое отступление представляется для нужд освещения обсуждаемого вопроса действительно необходимым, поскольку с помощью такого рода гиперболы можно продемонстрировать, насколько серьезна стоящая перед нами угроза. Ведь отмеченный разрыв дискредитирует высокопрофессиональную деятельность тех, чьи полномочия ограничены не постановкой целей, а лишь выбором инструментов — и их нельзя осуждать за то, что инструменты выбираются самые передовые из существующих. При этом нарастание разрыва способно дискредитировать саму идею реформирования на долгие годы вперед.

Не призывая смириться со справедливо отмеченными исследователями недостатками институтов, следует все же признать процесс их трансформации сложным и длительным и осуществлять реформирование налоговой системы с учетом этого факта.

На сегодняшний день следует принять во внимание ряд негативных факторов. В первую очередь речь идет о *многоукладности российской экономики*. Наиболее четко эту проблему выразил в свое время человек, менее всего склонный воспринимать капиталистическую экономику позитивно, — В. И. Ленин. «В таких странах, как Россия, рабочий класс страдает не столько от капитализма, сколько от недостатка развития капитализма».

В первую очередь она заметна *в экономике домохозяйств*, которая для большей части из них должна быть отнесена скорее к периоду позднего Средневековья, когда город экономически еще не порвал с деревней. Хотя роль подсобных хозяйств постепенно сокращается, на основной части территории страны работник, независимо от того, исполняет ли он те или иные виды государственной службы, занят частным бизнесом или является наемным работником, критически зависит от подсобного хозяйства.

Кроме того, *как экономическая категория продолжает присутствовать так называемая малая семья*, т. е. такая организация, при кото-

рой различные поколения ближайших родственников объединены в экономической деятельности не приносимым индивидуумами в общий бюджет доходом, а достаточно четко определенным различием выполняемых трудовых функций (мужчина помимо заработка выполняет тяжелые работы в подсобном хозяйстве, женщина отвечает за его повседневное функционирование и домашнее хозяйство, старики присматривают за детьми и выполняют постоянный надзор за тем же подсобным хозяйством).

В отдельных регионах существует даже *такое экономическое явление, как «большая семья»*, в которой широкий круг родни образует кланы, обеспечивающие их членам продвижение по ступеням экономической иерархии на основе разветвленных схем взаимной поддержки. Примеры можно множить, но приведенный представляется достаточным с точки зрения его очевидности для любого объективного наблюдателя и свидетельствует о том, что *отсталость институтов имеет своей причиной далеко не только пренебрежение их развитием*. И если в наиболее передовых с экономической точки зрения мегаполисах их быстрая трансформация возможна, то на территории большей части страны она вызовет не только социальный и психологический, но и экономический кризис.

Впрочем, и в экономически передовых регионах есть свои препятствия. Так, действительно назревшее реформирование пенсионной системы натолкнется в крупных городах на устойчивое нежелание работодателей нанимать на наиболее квалифицированные должности работников старше 40 лет, а в регионах — лишит «малые семьи» как экономические единицы остро ожидаемого ими в результате смены поколений восполнения трудовых ресурсов в традиционных и незаменимых сферах деятельности.

В этих условиях неудивительна *крайняя неэластичность налоговой базы*, поскольку немалая часть производства фактически вообще исключена из сферы рыночных (особенно — трудовых) отношений, а другая (не всегда корректно оценивая как «серая», хотя таковой она является по форме, но не по существу) основана на такого рода устойчивых связях, которые исключают конкуренцию в чистом виде, а значит, особенно уязвима для *дестимулирующего воздействия фиска*.

Сама по себе данная ситуация отнюдь не уникальна, она существовала на протяжении большей части истории человечества, извест-

ной как Средневековье, однако она очень мало коррелируется с уровнем развития налоговой системы современного глобального финансового капитализма и порожденного им атомарного общества как сложного баланса сил свободного и при этом контролируемого с точки зрения общего соблюдения правил рынка.

При этом надо отметить, что череда жесточайших кризисов, фактически разрушивших экономическую систему феодализма и ознаменовавшая конец Средневековья в виде разорения мелких производителей, череды внутриэлитных конфликтов и восстаний масс, если и не имела свои истоки в отмечаемом современниками совершенствовании фиска того времени, то уж точно проявлялась в нем наиболее зримо и была наиболее заметным раздражителем.

Эта система нашла свое выражение в знаменитой «вилке Мортон», получившей свое название по имени кардинала Д. Мортон, в качестве лорда-канцлера английского короля Генриха VII придумавшего такую налоговую систему, при которой и богач, тяготеющий к тратам на роскошь, и экономный стяжатель в равной степени считаются обладающими избытком средств, которые должны быть изъяты в королевскую казну.

Дестимулирующее действие такой системы очевидно, и если король-скопидом Генрих VII, к тому же весьма осторожный во внутренней политике, после мало династически обоснованного захвата трона по результатам Войны Роз еще как-то решал эту проблему методом, как сказали бы сегодня, «ручного управления» (к которому относилась и конфискация имущества у изгнанных из страны евреев), то его сын, упомянутый в эпитафии Генрих VIII, настолько основательно разорил казну, что вынужден был для ее пополнения пойти на церковную реформу и сопутствующую ей секуляризацию церковных имуществ, а его правление ознаменовалось невиданным падением жизненного уровня населения, нашедшего свое выражение в так называемых огораживаниях.

Последующие английские короли, за исключением заплатившего за свои претензии головой Карла I, были в вопросах фиска достаточно осторожны, что и позволило Англии спустя несколько веков прийти к той налоговой системе, принципы которой мы сегодня, наряду с прочими образцами, пытаемся заимствовать.

У нас, разумеется, нет ни нескольких веков, ни желания решать проблему лишних рук путем жесточайших законов о бродяжничестве, кну-

тов и виселиц, как это делал Генрих VIII. *Мы равно заинтересованы и в социальной стабильности, и в устойчивом развитии, и в продвижении к передовым мировым практикам, и в сохранении единства страны.* Последнее исключает дробление налоговой системы по региональному признаку в зависимости от местного уровня развития, да такое и не достигнет цели, поскольку в рамках одной области, на расстоянии нескольких десятков километров могут существовать очень различные экономические уклады. Прочие из перечисленных выше условий выдвигают к налоговой системе следующие требования:

- обеспечивать устойчивый и предсказуемый доход бюджету;
- стимулировать потребление;
- не вызывать социального отторжения, особенно при корректировке в результате изменений экономической конъюнктуры;
- не требовать для своего внедрения радикального слома политической системы и общественных институтов;
- обладать одновременно стабильностью по своей сути и гибкостью в тактических изменениях;
- основываться на полном контроле отдельных видов денежных потоков, а не на попытке с помощью технических средств установить тотальный контроль за экономической, а затем и личной жизнью по всей стране.

Такие требования кажутся взаимно противоречивыми только на первый взгляд. На самом деле *подобного рода налоговая и даже квазифискальная системы возможны в том случае, если экономический субъект в каждом конкретном случае получает возможность выбора в пользу уплаты или неуплаты налога как результата совершения или несовершения конкретного действия.* Проще говоря, *уплата налога вовсе не должна быть неизбежной, но любое действие, к которому потенциальный плательщик стремится, должно сопровождаться таковой.*

Исходя из этого, нежелательными выступают налоги на обладание чем-либо и желательными — на приобретение чего бы то ни было. Обладание в нашем, во многом еще архаичном сознании тесно связано с традицией, поскольку недавние (менее ста лет) предки подавляющей части населения страны владели своей собственностью на основе обычая, а общественным имуществом (покосами, правом лова рыбы и заготовки леса) — только на основе такового. И именно монетизация помещичьего хозяйства с наступлением на обычное право с помощью

записанных актов, которые крестьяне по причине тотальной неграмотности и не могли прочесть, вызвало устойчивое социальное напряжение, а в дальнейшем и широкое неприятие столыпинских реформ с их разрушением базирующейся на обычае общины.

С другой стороны, мы уже в достаточной степени являемся обществом потребления (его развитие, вероятно, стало единственным материальным положительным достижением прошедших реформ для большинства населения), чтобы приобретение чего бы то ни было рассматривалось как удовольствие. Необходимо принять во внимание и *неустойчивость доходов россиян, которая вкупе со слабым развитием отдельных рынков и низкой трудовой мобильностью населения весьма затрудняет в условиях ухудшения конъюнктуры реализацию имущества, которое было приобретено в период благополучия и выплата налогов по которому в неблагоприятные времена оказывается затруднена*. Учесть разовый налоговый платеж при приобретении товара нашему потребителю, безусловно, легче и психологически, и с точки зрения планирования.

Исходя из этого вредным представляется, к примеру, налог на транспортные средства и недвижимость и полезным — налог на их приобретение, а также на топливо. Рассмотрим простой пример — человек приобретает автомобиль. В тот момент он вполне способен учесть свою возможность уплатить налог при его покупке. В дальнейшем, если его экономическое положение ухудшается, он просто меньше пользуется транспортным средством, не платя ни за топливо, ни налога как владелец. Улучшение материального положения в дальнейшем автоматически ведет к возобновлению платежей.

Такой подход верен и для бизнеса. В России человеку трудно создать бизнес по целому комплексу причин и каждый такой *бизнес*, с учетом упомянутой выше архаики социальных связей, часто является запутанным комплексом обязательств перед работниками, во многом основанных на личных (семейных и дружеских), а не сугубо экономических рациональных связях.

Потеря бизнеса, разрушая подобные системы, тяжело ложится и на социальную стабильность, и на систему социального обеспечения, а восстановление бизнеса — и малого, и крупного — в российских условиях скорее исключение, его крах часто выступает источником социальной деградации целых небольших социумов. Поэтому *бизнес должен иметь возможность сколь угодно глубоко сворачивания своей дея-*

тельности вплоть до перехода в состояние почти полного (и даже полного) анабиоза. Исходя из этого, такой передовой налог, как НДС и разного рода обязательные социальные платежи, имеют негативный эффект, а налог с продаж — скорее позитивный.

Преимущество налога с продаж проявляется в российских условиях и в его гибкости — он может легко и максимально широко изменяться как для отдельных товаров, отраслей и регионов, так и для их групп. При этом администрирование такого налога очевидно и не представляет труда за одним заметным, но имеющим благотворное влияние исключением — самых низких ценовых категорий товаров и услуг и самых экономически депрессивных территорий. При распространении в эти сферы администрирование налога с продаж будет встречать все больше затруднений, и преодолевать их или нет — можно будет решать с учетом конкретной социально-экономической и политической ситуации.

Также не является столь уж очевидным с точки зрения экономической эффективности подоходный налог. Он может быть компенсирован отчасти налогом с продаж и отчасти — более широким распространением платного характера тех услуг органов государственного управления, от которых, в соответствии с декларируемым выше принципом, потребитель может по своему выбору отказаться. Сборы за регистрацию актов гражданского состояния, к примеру, представляются сомнительными, поскольку государство вынуждает граждан их совершать. А вот сборы за регистрацию всех видов сделок вполне обоснованы и могут быть намного шире распространены путем введения разного рода марок, гербовых листов и т. п., особенно в сфере бизнеса, где их более широкое внедрение будет к тому же способствовать сокращению коррупции. Такая практика может найти применение на всем экономическом пространстве — от малого бизнеса до крупных сырьевых компаний.

Данную тенденцию при желании можно распространить и на квазифискальные платежи. Оставаясь в русле вызывающей широкий интерес автомобильной тематики, достаточно сказать, что куда разумнее, чем вызывать общее раздражение бесконечными поборами с автоладельцев, было бы предоставлять им за дополнительную плату дополнительные права — к примеру, не на возможность парковки, а на преимущественную парковку, не только на улицах, но и во дворах (в то время как на практике даже ранее существовавшая такая возмож-

ность сокращается с игнорированием факта уже внесенных платежей). То же касается и бизнеса, который в ряде мест Москвы в результате утраты возможностей парковки, как известно, сократился на треть. Даже обязательное страхование должно и может быть основано на подобных принципах — факт страхования должен иметь своим следствием ограничение объема возможных претензий пострадавшего, отказ от такового должен быть возможен, но лишает нанесшего ущерб возможности правовой защиты части своего имущества от возможных претензий.

В рамках одной статьи, несомненно, невозможно дать иное, кроме самого общего, описание существующей проблемы и возможных путей ее решения. Однако именно сегодня, на переломном этапе, определяющем пути трансформации российской экономики, *представляется особенно важным одновременно и сохранить реформаторский потенциал, накопленный экономическими органами управления, и избежать столь частого в истории России противоречия устремления к передовым образцам и инертности*

массивного, объемного и разнородного экономического механизма.

Данное предложение является стремлением придать дискуссии относительно перспектив развития отечественной налоговой и шире — финансовой системы направление поисков способов приспособления организма к среде, а не попыток приспособить среду к организму. Приспособление же организма к среде, как известно, вовсе не проявление ретроградства, а лишь наиболее естественный способ как выживания, так и дальнейшего развития, эволюции. Попытка же внедрения экономического инструментария, до уровня которого экономика очевидным образом не созрела, чревата самыми тяжелыми последствиями. Тут уместно завершить слова, начало которых приведено в эпиграфе:

*Шестая часть? Тут прямо в дрожь бросает!
Ведь если мы с деревьев обдерем
Кору да крону, часть ствола и ветви,
То даже если корни мы оставим,
То воздух выпьет соки из калек.*

Читайте в журналах издательства “Анкил”:

УПРАВЛЕНИЕ РИСКОМ

Олег Пичков, Александр Уланов

Риски и несовершенства развития цифровой экономики на современном этапе
Максим Калиночкин

Развитие страхования киберрисков

Ара Тумасян

Современная практика урегулирования убытков

Татьяна Орехова, Александр Миллерман

Комплексное страхование ресурсного обеспечения и сроков реализации инвестиционных проектов

ТЕОРИИ

Нина Вишневецкая, Алексей Связов

Страхование как метод управления рисками для обеспечения экономической безопасности фирмы

АВТОСТРАХОВАНИЕ

Ринат Касимов

Роль андеррайтинга в обеспечении финансовой устойчивости страховых компаний

МЕДИЦИНСКОЕ СТРАХОВАНИЕ

*Николай Николаев, Вероника Колбина,
Марина Колбина, Алла Судакова,
Владимир Шадевский*

Экспертиза качества медицинской помощи: проблемные точки правоприменения в клинической практике

ИСТОРИЯ

Николай Романовский

1917 год. Урок россиеведения

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Алхозур Цакаев, Жанна Алиева

Рынок ипотечного кредитования современной России: проблемы и решения

ФИНАНСЫ И СТРАХОВАНИЕ

Олег Ефимов, Регина Хузиахметова

Страховой бизнес от РСБУ к МСФО — проблемы и особенности перехода

Общие и особенные интересы участников стратегического партнерства государства и бизнеса

Шахов Олег Федорович,
кандидат экономических наук,
заместитель генерального директора
ООО «ГК «Евроконсул»»

Shahov Oleg F.,
Candidate of Economic Sciences, Deputy
Director of «Evrokonsul»

oshahov@mail.ru

General and special interests of participants strategic partnership the state and business

В статье даны характеристики, позволяющие идентифицировать стратегический характер партнерства государства и бизнеса, установлено разнообразие форм такого партнерства, к которым отнесены: партнерство в сфере производства общественных благ и услуг; партнерство, связанное с пространственным развитием экономики; партнерство в стратегическом планировании социально-экономического развития страны, ее регионов. Применительно к каждой из названных форм определен состав общих и особенных интересов партнеров. Полученный результат востребован в разработке эффективного механизма согласования особенных интересов государства и бизнеса, реализуемых в деятельности стратегического партнерства.

Ключевые слова: стратегическое партнерство государства и бизнеса; формы, отношения собственности и управления; общие и особенные интересы партнеров.

In article the characteristics, allowing to identify the strategic nature of partnership between the state and business, installed a variety of forms of such partnerships, which include: partnership in the production of public goods and services; the partnership associated with spatial development; partnership in strategic planning of socio-economic development of the country and its regions. For each of these forms constituted the general and special interests of partners. The result is a demand in the development of effective coordination mechanism of the special interests of government and business, implemented in strategic partnership activities.

Keywords: strategic partnership between the state and business forms; property relations and management; general and special interests of the partners.

Государство и частный бизнес всё активнее вступают в сотрудничество в разных сферах экономической и управленческой деятельности. Однако его эффективность пока далека от желаемой. В существенной мере такое положение обусловлено запаздыванием в формировании необходимого теоретического основания стратегического партнерства названных субъектов. Соответственно, это делает актуальным проведение исследований, направленных на решение ключевых вопросов теории, в числе которых — идентификация интересов, реализуемых участниками стратегического партнерства государства и бизнеса.

Предварим характеристику интересов названных субъектов положениями, имеющими

отношение к самому феномену «стратегическое партнерство государства и бизнеса».

1. Партнерство государства и бизнеса может быть идентифицировано как стратегическое в том случае, если оно:

- осуществляется в сферах экономической деятельности, выделяемых в соответствии со стратегическими приоритетами, установленными государством;
- сориентировано на достижение стратегических целей развития страны, ее регионов;
- основывается на согласовании и реализации долгосрочных общих и особенных интересов партнеров;

- обеспечивает развитие и эффективное использование собственности, принадлежащей партнерам.

2. Стратегическое партнерство государства и бизнеса отличается разнообразием форм, в числе которых:

- государственно-частное партнерство (ГЧП), реализуемое в широком спектре видов экономической деятельности, связанной с производством общественных и частных благ;

- партнерство, связанное с использованием перспективных инструментов пространственной организации экономики (особых экономических зон, индустриальных и технологических парков, кластеров, территорий опережающего развития);

- партнерство в стратегическом планировании социально-экономического развития страны, ее регионов (разработка стратегий социально-экономического развития России, субъектов РФ, государственной экономической политики во всем разнообразии ее видов (промышленная, кластерная, научно-технологическая и др.)).

3. Долговременное и взаимовыгодное сотрудничество партнеров в экономической и управленческой сферах деятельности, основанное на совместном использовании принадлежащих им ресурсов, обеспечивается реализацией не только общих, но и согласованных особых интересов [1].

Сначала обратимся к точкам зрения других исследователей.

Заметим при этом, что научные публикации фиксируют достаточно ограниченный перечень попыток постановки и решения такой задачи.

Р. И. Зименков и Е. Б. Завьялова, рассматривая ГЧП, фиксируют в числе интересов, реализуемых в проектах ГЧП, привлечение в государственный сектор дополнительного капитала, создание новых рабочих мест, переложение на предпринимательский сектор значительной части рисков, расширение пространства для свободного движения капитала [2].

Оценивая приведенную позицию, обратим внимание на ряд моментов.

Первое: указанные авторы делают заметный «крен» в сторону интересов только одного партнера — государства. Поэтому неясно, каким образом при реализации проектов ГЧП осуществляется мотивация другого партнера. Заметим, что методологической предпосылкой такого «крена» выступает императив, согласно которому в отношениях бизнеса и государства

ключевая, доминирующая роль принадлежит государству.

На наш взгляд, государство действительно в современной российской практике во многих проектах ГЧП выступает их инициатором, однако это не означает его приоритетной роли в деятельности партнерства. Долговременное сотрудничество партнеров может эффективно осуществляться только при их равноправии.

Второе: в числе названных указанными авторами интересов обозначен только один (расширение пространства для движения капитала), который может быть определен как общий для обоих партнеров.

Третье: вряд ли корректным является утверждение о реализации в проектах ГЧП интереса государства, связанного с переложением значительной части рисков на другого партнера. Такой интерес противоречит характеру отношений сторон как равноправных участников партнерства. Укажем в этой связи на то, что в Стратегии национальной безопасности России в качестве приоритетов названо равноправное стратегическое партнерство.

Таким образом, речь следует вести не о переложении рисков с одного участника на другого, а о распределении рисков, отражающем согласованные сторонами взаимные обязательства.

Д. А. Греков и И. Е. Рисин реализует подход, предусматривающий разграничение экономических и социальных интересов каждого партнера.

В составе интересов государства они фиксируют:

- *экономические*: снижение нагрузки на субфедеральный бюджет; повышение конкурентоспособности экономики и социальной сферы региона на основе их инновационного обновления; приращение публичной собственности и повышение эффективности ее использования; снижение территориальной социально-экономической асимметрии; наращивание доходов регионального бюджета; рост занятости и доходов населения; повышение инвестиционной привлекательности территории;

- *социальные*: повышение доступности общественных благ для населения; достижение устойчивого обеспечения населения общественными благами; рост качества предоставляемых общественных благ; улучшение состояния окружающей среды; становление и развитие социальной ответственности бизнеса; укрепление социальной стабильности.

В составе интересов бизнеса они выделяют:

- *экономические*: воспроизводство прибыли в долгосрочном периоде; рост капитализации бизнеса; снижение финансовых рисков за счет возложения части из них на государство и муниципалитеты; расширение сферы деятельности за счет доступа к секторам, традиционно закрепленным за государством и муниципалитетами; получение различных форм государственной поддержки; использование результатов научных исследований и опытно-конструкторских разработок, полученных с помощью бюджетных средств;

- *социальные*: приобретение и упрочение имиджа государственного партнера в решении острых социальных проблем [3].

К достоинствам приведенной позиции следует, на наш взгляд, отнести высокий уровень разнообразия обозначенных интересов сторон ГЧП. В то же время отметим, что предложенный ими аспект исследования, связанный с разграничением интересов каждого партнера на социальные и экономические, вряд ли продуктивен, учитывая тесноту их связи и взаимообусловленность.

Действительно необходимым и важным в практической деятельности партнерства является выделение общих и особых интересов государства и бизнеса, реализуемых в проектах партнерства. Согласование последних – необходимое условие эффективной деятельности партнерства.

В связи с этим некорректна позиция А. Дегтярева, Р. Маликова, К. Гришина, которые в качестве «институциональной платформы» взаимодействия государства и бизнеса определяют только совпадение экономических интересов властных и предпринимательских структур [4].

Ориентация партнерства власти и бизнеса только на их общие интересы будет существенно ограничивать как его потенциал, так и спектр ожидаемых от деятельности партнерства результатов. Именно реализация общих и особых интересов участников партнерства обеспечивает взаимовыгодный характер отношений между государством и бизнесом.

А. С. Колосов выделяет в составе интересов государства: расширение сферы производства общественных товаров и услуг, повышение их качества, сокращение бюджетных расходов, увеличение налоговых поступлений, повышение инвестиционной и инновационной активности; в составе интересов частного бизнеса: долговременное размещение инвестиций под государственные гарантии, получение прямой государственной поддержки, расширение рынка [5].

Эта версия, хотя и фрагментарно, но фиксирует возможные «пары» интересов, подлежащих согласованию, например:

- сокращение бюджетных расходов при условии размещения частных инвестиций под государственные гарантии;

- получение бизнесом прямой государственной поддержки при ожидаемом государством увеличении налоговых поступлений в будущем.

Состав общих и особых интересов государства и бизнеса в проектах ГЧП может быть определен следующим образом (таблица). Ряд приведенных в таблице общих и особых интересов, значимых для государства и бизнеса, оказываются участниками не только проектов ГЧП, но и других форм стратегического партнерства.

Для партнерства государства и бизнеса в стратегическом планировании социально-экономического развития страны, ее регионов в числе *общих интересов* могут быть выделены: обеспечение стабильного развития экономики в долгосрочном периоде; расширение сферы коммерческого использования государственной собственности с более высоким уровнем отдачи экономических ресурсов; повышение инвестиционной привлекательности территории; в составе *особых интересов* государства будет присутствовать весь перечень интересов, представленный в таблице, в составе *особых интересов* бизнеса: расширение сферы экономической деятельности за счет доступа к секторам, традиционно закрепленным за государством; использование различных форм государственной поддержки; приобретение и упрочение имиджа государственного партнера и др.

Широкий перечень интересов, приведенный в таблице, будет реализовываться и в деятельности стратегического партнерства государства и бизнеса, связанной с освоением перспективных инструментов пространственной организации экономики. В составе интересов государства особое значение будут иметь: снижение территориальной социально-экономической асимметрии; увеличение доходов бюджетов разных уровней; рост занятости и доходов населения; в составе интересов бизнеса: расширенное воспроизводство частной собственности; использование различных форм государственной поддержки.

Полагаем, что идентификация общих и особых интересов государства и бизнеса необходима в разработке эффективного механизма их согласования и реализации.

Общие и особенные интересы участников государственно-частного партнерства

Общие интересы участников	
<ul style="list-style-type: none"> – Расширение сферы коммерческого использования государственной собственности с более высоким уровнем отдачи экономических ресурсов; – повышение инвестиционной привлекательности экономики посредством развития ее производственной и социальной инфраструктуры; – повышение инвестиционной и инновационной активности хозяйствующих субъектов; – обеспечение стабильного развития экономики в долгосрочном периоде; – рост капитализации бизнеса 	
Особенные интересы участников	
<p>Государство:</p> <ul style="list-style-type: none"> – рост масштабов производства общественных товаров и услуг, повышение их качества и доступности; – приращение государственной собственности и повышение эффективности ее использования; – увеличение доходов бюджетов разных уровней; – снижение нагрузки на федеральный и региональный бюджеты; – снижение территориальной социально-экономической асимметрии; – рост занятости и доходов населения; – укрепление социальной стабильности; – развитие социальной ответственности бизнеса 	<p>Бизнес:</p> <ul style="list-style-type: none"> – расширение сферы экономической деятельности за счет доступа к секторам, традиционно закрепленным за государством; – снижение рисков за счет их распределения между участниками партнерства; – расширенное воспроизводство частной собственности в долгосрочном периоде; – использование различных форм государственной поддержки; – получение доступа к результатам научных исследований и опытно-конструкторских разработок, полученных с помощью бюджетных средств; – приобретение и упрочение имиджа государственного партнера; – улучшение имиджа бизнеса как социально ответственного

Литература:

1. Панкратов, А. А. Государственно-частное партнерство как инструмент экономической политики / А. А. Панкратов, Р. Т. Юлдашев // Финансовый бизнес. 2013. № 1.
2. Зименков, Р. И. Сотрудничество американского государства и бизнеса в решении социальных проблем / Р. И. Зименков, Е. Б. Завьялова // США, Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 2.
3. Общественно-частное партнерство – стратегический ресурс развития экономической основы местного самоуправления / Д. А. Греков, И. Е. Рисин. Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2013.
4. Дегтярев, А. Сопряженность интересов бизнеса и власти как условие развития предпринимательского сообщества / А. Дегтярев, Р. Маликов, К. Гришин // Общество и экономика. 2014. № 2–3.
5. Колосов, А. С. Государственно-частное партнерство: содержание, организация, управление развитием : автореф. дис. ... канд. экон. наук / А. С. Колосов. Курск, 2011.

Государственная ценовая политика как механизм предотвращения угроз социально- экономической безопасности России*

Колпакова Ирина Алексеевна,
кандидат экономических наук, доцент,
старший научный сотрудник сектора
экономической безопасности
Института экономики РАН

Kolpakova Irina A.,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Senior Research Officer
Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences

State price policy as the mechanism of prevention of the threats of social and economic security of Russia

В статье рассматриваются негативные последствия для социально-экономической безопасности России «шоковых» преобразований в ценовой сфере. Обосновывается необходимость изменения практики регулирования цен на продукцию естественных монополий. Предлагаются приоритеты и параметры государственной политики цен на газ и тарифов на электроэнергию в целях ускорения экономического роста и диверсификации российской экономики, а также повышения уровня жизни населения.

Ключевые слова: социально-экономическая безопасность; государственная политика цен; цены на энергоресурсы; ценовые соотношения; реструктуризация экономики; компании топливно-энергетического комплекса.

The article considers the negative consequences for the social and economic security of Russia of «shock» transformations in the price sphere. The necessity of changing the practice of regulating the prices of natural monopolies products is substantiated. The priorities and parameters of the state policy of gas prices and tariffs for electricity are proposed in order to accelerate economic growth and diversify the Russian economy, as well as improve the living standards of the population.

Keywords: social and economic security; state price policy; prices for energy resources; price ratios; economic restructuring; companies of the fuel and energy complex.

Исследования российских ученых-экономистов, не согласных с позицией либерального российского экономического истеблишмента о невозможности и ненужности выстраивания целостной ценовой политики на макроуровне, стремились продемонстрировать большое значение государственной ценовой политики как фактора обеспечения социально-экономиче-

ской безопасности. В наибольшей степени эта функция свойственна государственной политике цен на продукцию и услуги компаний топливно-энергетического комплекса [1–6]. Важность и актуальность продолжения исследований в данном направлении возникает в связи с усилиями, которые предпринимаются в последние годы по перестройке структуры рос-

* Статья подготовлена в рамках Программы ФНИ государственных академий наук на 2013–2020 гг. в соответствии с темой государственного задания № 168.2 «Обеспечение социально-экономической безопасности и формирование макроэкономических механизмов нивелирования угроз и вызовов экономике и обществу России в ходе становления и развития системы стратегического планирования».

сийской экономики. Новые риски и угрозы из-за обострившейся геополитической обстановкой диктуют особое внимание к выработке экономических механизмов повышения устойчивости экономического роста в России, одним из которых может стать ценовая политика государства, направленная на выравнивание соотношений цен в экономике, нарушенных в результате шоковых либеральных реформ 1990-х гг.

Социально-экономическая безопасность представляет собой экономическую безопасность, рассмотренную как сложное многокомпонентное явление, в котором одинаково большое значение имеет как чисто экономическая, так и социальная составляющие, которые не только взаимосвязаны, но и *взаимобусловлены* [5, с. 103]. Эффективную реализацию именно этих неразрывно связанных составляющих национальной безопасности страны может обеспечить реализация правильно разработанной и реализованной ценовой политики государства на основные энергоресурсы.

В опубликованной в мае 2017 г. Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г. (далее — Стратегия) понятие «социально-экономическая безопасность» не применяется. К тому же социальные аспекты экономической безопасности, хоть и упоминаются, но места им уделяется недостаточно. Однако рассмотрение и изложение целей и задач этой Стратегии предполагает, что без реализации социальной составляющей, экономическая безопасность не может быть обеспечена. Так, в частности, в п. 3 отмечается, что «настоящая Стратегия направлена на обеспечение противодействия вызовам и угрозам экономической безопасности, предотвращение кризисных явлений в ресурсно-сырьевой, производственной, научно-технологической и финансовой сферах, а также на недопущение снижения качества жизни населения» [7, 8].

Как же можно использовать для противодействия вызовам и угрозам социально-экономической безопасности государственную ценовую политику, и прежде всего политику цен на энергоресурсы?

Среди 25 выделенных в Стратегии основных вызовов и угроз экономической безопасности России названы следующие:

- изменение структуры мирового спроса на энергоресурсы и структуры их потребления, развитие энергосберегающих технологий и снижение материалоемкости, развитие «зеленых технологий»;

- исчерпание экспортно-сырьевой модели экономического развития, резкое снижение роли традиционных факторов обеспечения экономического роста, связанное с научно-технологическими изменениями;

- недостаточный объем инвестиций в реальный сектор экономики, обусловленный неблагоприятным инвестиционным климатом, высокими издержками бизнеса, избыточными административными барьерами, неэффективной защитой права собственности;

- ограниченность масштабов российского несырьевого экспорта, связанная с его низкой конкурентоспособностью, недостаточно развитой рыночной инфраструктурой и слабой вовлеченностью в мировые «цепочки» создания добавленной стоимости;

- низкие темпы экономического роста, обусловленные внутренними причинами, в том числе ограниченностью доступа к долгосрочным финансовым ресурсам, недостаточным развитием транспортной и энергетической инфраструктуры;

- усиление дифференциации населения по уровню доходов [7, с. 4–5].

Возможности противостоять отмеченным вызовам и угрозам предоставляет правильно сформулированная эффективная государственная ценовая политика, в том числе в отношении цен на энергоресурсы, призванная скорректировать деформации в ценовой сфере России.

Реформы ценообразования в период 1992–1995 гг., вылившиеся в «либерализацию цен», выражались в освобождении цен на большинство товаров и сохранении государственного регулирования цен на продукцию естественных монополий энергетического сектора и ограниченного числа социальных товаров. Шоковые преобразования в ценообразовании привели к гиперинфляции 1992 г. Рост цен был неравномерным. Как показано на рис. 1, темпы роста цен на энергоресурсы (цены на нефть выросли в 118 раз, а на дизельное топливо — в 90 раз) более чем в 10 раз были выше, чем в сельском хозяйстве, машиностроении и легкой промышленности (7,9 раз), и значительно превышали темпы роста ВВП (17,2 раза).

Разумеется, более резкий рост цен на энергоресурсы был вызван их более низким уровнем, так как цены на энергоносители в Советском Союзе искусственно занижались. Однако после относительного выравнивания к концу 1990-х гг. рост цен на энергоносители не остановился. В 2007 г. было принято решение о реализации принципа равной доходности вну-

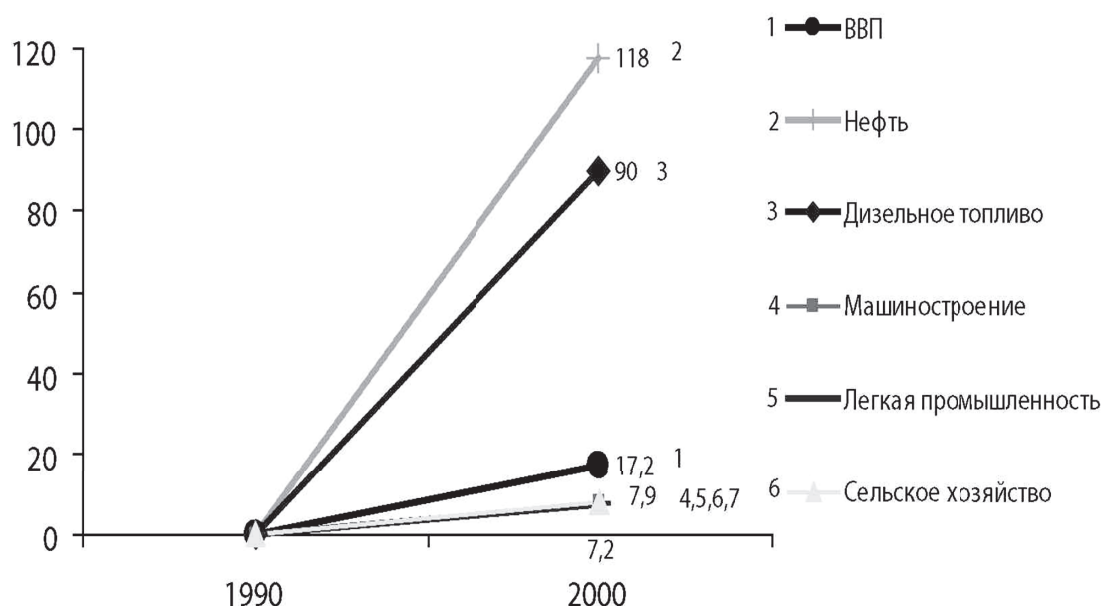

Рис. 1. Рост цен в России в период 1990–2000 гг. (в разах)

Источник: рассчитано по данным Росстата.

тренных и экспортных цен на газ. Кроме того, в 2005–2008 гг. были приняты и реализованы решения по реформированию РАО «ЕЭС России» и развитию рынка электроэнергии. Результатом этих решений был быстрый рост цен на газ и тарифов на электроэнергию для промышленных потребителей и населения. И это несмотря на уверение тогдашнего главы РАО «ЕЭС России» А. Чубайса, который разве что не ругался головой, что это приведет к снижению тарифов на электроэнергию для всех категорий потребителей.

В итоге за 2003–2013 гг. тарифы на электроэнергию для промышленности выросли почти в 3 раза, на газ — в 4,5 раза, а для населения — почти в 4 раза [9, с. 8]. То есть их рост (санкционированный государством!) намного превышал темпы инфляции. Сейчас упорно идут к идее — подобной реформе РАО «ЕЭС России» — демополизации ОАО «Газпром». Что из этого получится в условиях сохранения сильных монополистических тенденций, существования скрытых картельных сговоров в различных областях и сферах российской экономики — представить несложно. Достаточно оценить результаты реформы РАО ЕЭС. Так, на месте одной большой монополии возникли несколько региональных, настоящей рыночной конкуренции за потребителя не получилось. Мощности постоянно стремительно изнашиваются, а цены на электричество растут с такой скоростью, что кажется, будто мы живем не в богатой энергоресурсами стране, а страдающей от их отсутствия

Японии. При этом Россия входит в пятерку лидеров по производству электроэнергии, но тем не менее не может обеспечить российского потребителя дешевой электроэнергией. Для сравнения: стоимость экспортируемой из России в Китай электроэнергии значительно ниже, чем для российского потребителя [10].

Вероятно, отрасли требуется еще одна полноценная реформа, в центре которой будет стоять не просто идея повышения эффективности, а снижение издержек потребителя. Но против этой идеи, которая давно созрела, сразу возникает «возмущенный хор» отраслевых «лоббистов». Дескать, если сдерживать цены и тарифы, страдают инвестиционные проекты. Этому можно противопоставить один «неубиваемый» аргумент. За все годы периода роста цен и тарифов электроэнергетических монополий, превышающих темпы инфляции, эффективность этого сектора не повысилась: не была возведена ни одна электростанция с нулевого цикла (разве что была достроена и введена в строй с большой помпой одна Богучанская ГЭС, строительство которой было начато еще при СССР), издержки энергетических компаний выросли сверх всякой меры, непрофильные активы накоплены в огромном количестве, заработная плата и бонусы персонала зашкаливают, а основной капитал оказывается изношенным на 60% и выше.

Подобный неэффективный и неравномерный рост цен и тарифов в российской экономике привел к тому, что цены на газ и тарифы на электроэнергию для промышленных потреби-

телей и для населения в России, несмотря на ее конкурентное преимущество в виде обладания богатой ресурсной базой, уже к 2013 г. стали выше, чем в США, но пока остаются ниже, чем в ЕС [9, с. 3]. Нерациональное вмешательство в процесс ценообразования в виде индексации этих цен и тарифов выше уровня инфляции привело к радикальному изменению соотношений цен, которое крайне пагубно сказалось на развитии экономики страны.

Прежде всего, повысив долю энергетических издержек в себестоимости промышленной продукции, оно привело к существенному снижению конкурентоспособности продукции российской промышленности инвестиционного сектора как внутри страны, так и за рубежом и, соответственно, к падению спроса, сокращению сбыта и свертыванию объемов ее производства.

Затем это обусловило падение уровня жизни значительного слоя российского населения за счет воздействия, в том числе на рост тарифов на услуги ЖКХ, что также привело к падению спроса и снижению стимулов для развития отраслей экономики, связанных с конечным потреблением.

И наконец, диспаритет цен на продукцию высокой степени обработки и энергоносителей, возникший вследствие более быстрого роста цен на энергоносители, имел своим следствием негативные изменения структуры промышленного производства, увеличение доли продукции ТЭК в ВВП. В 2015 г. доля ТЭК в экономике страны составляла 27%, более 70% в экспорте, 53% в бюджете [11, с. 62]. Дальнейшее повышение энерготарифов и цен на газ стало угрожать экономическому росту в России. Повышение энерготарифов всего на 1% сокращает промышленное производство на 0,1–0,2% [10].

Неэффективность или полное отсутствие государственного регулирования цен предопределило разрушение инвестиционного комплекса России, что негативно отразилось на структуре ее экспорта. Так, если в 1990 г. статья «Оборудование и транспорт» занимала в экспорте страны – 21,9%, то в 2013 г. – только 3,6%. Тогда как группа «Топливо, электроэнергия и минеральные продукты» в 1990 г. составляла 40,5%, а в 2014 г. уже 75,3%. Страна «подсела» на нефтегазовую иглу и до сих пор, несмотря на декларации и планы диверсификации производства, не может с нее слезть.

С начала 2000-х гг. разрабатывались различные программы реструктуризации экономики

России. Однако отраслевая структура экономики с тех пор так практически и не изменилась. В настоящий момент в условиях не только не отмененных санкций, но нарастающих и углубляющихся, создающих реальную угрозу экономико-финансовой блокады России, как никогда востребован курс на «новую индустриализацию» России. Под «новой индустриализацией» мы понимаем восстановление утраченной комплексности развития российской экономики, диверсификацию ее промышленности, предполагающую кардинальную реструктуризацию ее отраслевой структуры. Кардинальность реструктуризации означает не только и не столько объем необходимых преобразований, сколько их временную протяженность. Это неременное условие сохранения и укрепления всех аспектов экономической безопасности, являющейся основой сохранения России как целостного государства, способного отстаивать свои национальные интересы.

Для успешного проведения реструктуризации экономики России необходимо эффективно использовать и правильно выстроенную политику цен на топливно-энергетические ресурсы. К разработке государственной политики цен на энергоресурсы необходимо подойти с точки зрения четкой иерархии приоритетов и соответствующих им задач.

Во-первых, необходимо сдерживать рост цен и тарифов на топливно-энергетические ресурсы, что будет способствовать как достижению высокой конкурентоспособности промышленного производства России (за счет снижения энергоиздержек), так и повышению уровня жизни населения страны (за счет снижения оплаты услуг ЖКХ и энергосбытовых компаний). Долгие годы, когда цены и тарифы в отраслях ТЭК (особенно регулируемые государством) росли, опережая темпы инфляции, получаемые таким образом финансовые ресурсы компаниями ТЭК расходовались нерационально. К тому же в отраслях – потребителях товаров и услуг отраслей ТЭК, а также у населения за последние годы постоянно снижались доходы, поэтому продолжающаяся ежегодная индексация цен и тарифов внесла свою лепту в ухудшение инвестиционного климата в России и в обнищание населения. Учитывая, что в этих отраслях накопились большие резервы снижения издержек, нет необходимости ряд лет проводить плановую индексацию цен и тарифов (даже так, как это предусмотрено в планах правительства на 2018–2020 гг. – на уровне инфляции или чуть более низком).

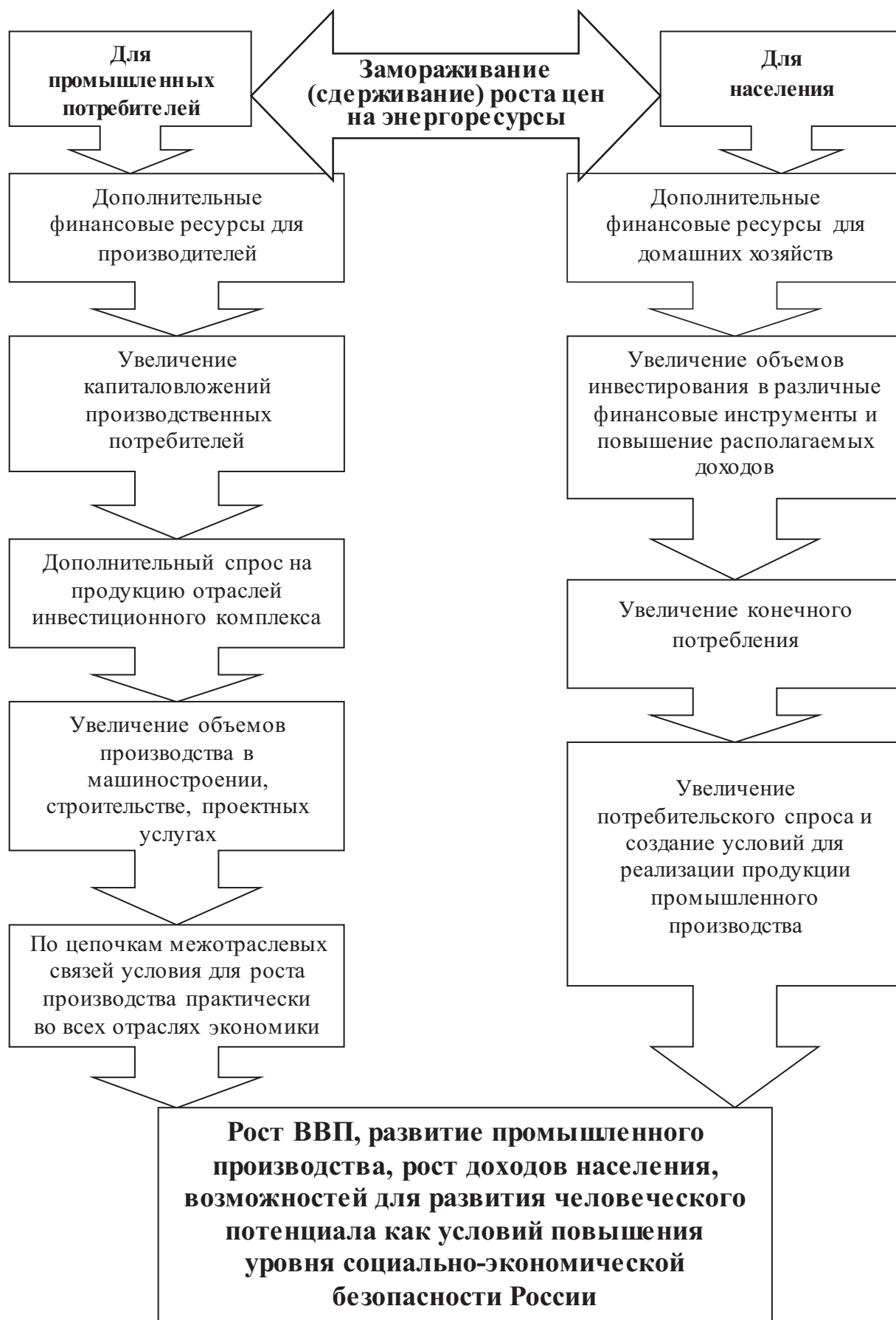

Рис. 2. Влияние замораживания (сдерживания) роста цен на основные энергоресурсы на повышение уровня социально-экономической безопасности

Во-вторых, необходимо поддерживать определенный уровень и структуру внутрироссийских цен на энергоносители, достаточных для развития бизнеса в отраслях ТЭК, так как, уже не играя роль «локомотива» развития экономики России, он все же является ее «несущей конструкцией» и реализацией естественных конкурентных преимуществ России. Необходимо разработать и контролировать исполнение программ по планомерному ежегодному снижению издержек этих компаний и за счет высвобожденных таким образом ресурсов, наряду с накопленными за прошлые «тучные» года финансовыми резервами, обеспечить разработку и осуществление инвестиционных программ не за счет повышения цен и тарифов.

В-третьих, Россия должна продолжать проводить на международном уровне такую политику, которая, не затрагивая уровень внутренних цен на энергоресурсы, будет способствовать повышению их уровня на мировой арене, что позволит наполнять бюджет за счет изъятия ценовой ренты (разницы между уровнем мировых цен и уровнем внутренних цен) и реализо-

вывать социальные программы по повышению уровня и улучшению качества жизни российского народа.

Модель влияния ценовой политики государства в отношении данной категории цен, заключающаяся в сдерживании роста их уровня вплоть до замораживания их на определенное время на уровне, достигнутом к 2017 г., изображена на рис. 2.

Реализованная в соответствии с предложенными приоритетами и задачами государственная политика сдерживания цен на энергоресурсы будет способствовать постепенному установлению новых ценовых соотношений в экономике России, благоприятных для повышения рентабельности производства в отраслях — потребителях энергоресурсов, увеличению уровня располагаемых доходов населения и созданию таким образом ресурсов для ускорения роста российской экономики, ее прогрессивной реструктуризации, повышения уровня жизни населения и, следовательно, укрепления социально-экономической безопасности нашей страны.

Литература:

1. Гельвановский, М. И. Государственная ценовая политика как фактор экономической безопасности в системе мер по стимулированию экономического роста / М. И. Гельвановский [и др.] // Вестник Института экономики РАН. 2015. № 6. С. 91–98.
2. Караваева, И. В. Стимулирование совокупного спроса как инструмент преодоления угроз социально-экономической безопасности России / И. В. Караваева, Е. А. Иванов // Страховое дело. 2017. № 5. С. 5–14.
3. Колпакова, И. А. Концептуальные подходы к выработке государственной политики цен в отраслях топливно-энергетического комплекса до 2020 г. / И. А. Колпакова // Вестник Института экономики РАН. 2013. № 5. С. 139–149.
4. Колпакова, И. А. Политика цен на энергоресурсы в России: социально-экономический аспект национальной безопасности / И. А. Колпакова // Вестник экономической безопасности МВД России. 2010. № 8. С. 22–30.
5. Колпакова, И. А. Политика цен на энергосырьевые ресурсы в современной России / И. А. Колпакова. СПб. : Алетей, 2011.
6. Кони́на, Н. Ю. Управление репутационными рисками ТНК / Н. Ю. Кони́на // Управление риском. 2017. № 2.
7. Селезнев, М. Электрошок / М. Селезнев. URL: <http://lenta.ru/articles/2014/09/05/highvoltage>.
8. Вишневская, Н. Г. Проблемы экономической безопасности современной фирмы / Н. Г. Вишневская, А. П. Сиязов // Финансовый бизнес. 2017. № 4.
9. Влияние роста цен на газ и электроэнергию на развитие экономики России. М. : ИНЭИ РАН, 2013. С. 3.
10. Колпакова, И. А. Стратегические аспекты регулирования цен в системе мер по обеспечению социально-экономической безопасности / И. А. Колпакова // Актуальные мировые тренды развития социально-гуманитарного знания : сб. научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции : в 3 частях. Ч. 3. Белгород : ООО «Агентство перспективных научных исследований», 2017. С. 103–108.
11. Задачи и пути перестройки российской экономики при сохранении и развитии сырьевого сектора (заседание Меркурий-клуба) // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2015. № 4. С. 57–90.

Политико-экономические риски трансформации электроэнергетической отрасли Европейского союза

The transformation of the EU power system: political and economic risks

Салыгин Валерий Иванович,
доктор технических наук,
член-корреспондент РАН,
профессор, директор МИЭП

Salygin Valery I.,
Doctor of Technical Sciences,
Member-Correspondent
of the Russian Academy
of Sciences, Professor, Director of MIEP
miep@mgimo.ru

Гулиев Игбал Адиль оглы,
кандидат экономических наук,
доцент, заместитель директора МИЭП

Guliyev Igbal A.,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Deputy Director of MIEP
guliyev@miep-mgimo.ru / guliyevia@mail.ru

Мустафинов Руслан Камильевич,
аспирант МИЭП

Mustafinov Ruslan K.,
Postgraduate Student, MIEP
mustafinovruslan@gmail.com

МГИМО МИД России
MGIMO University

Инновационная парадигма ЕС в долгосрочной перспективе предполагает резкое сокращение потребления первичных энергетических ресурсов. Переплетение вопросов развития атомной генерации, солнечной генерации в Северной Африке, концепций союзной и национальной энергетической безопасности, а также проблемы вывода из эксплуатации углеводородных станций останется в среднесрочном периоде гордиевым узлом энергетической политики ЕС. Однако следование индикативным целям развития, учитывая особенности энергетической политики и приоритетные НИОКР, приведет к трансформации энергосистемы ЕС, что сведет к минимуму использование ископаемого топлива.

Ведущим экспортером первичных энергоресурсов является Россия. Сообразно уменьшению значения углеводородов в энергетике снизится вес политических факторов. Противоборство государств будет смещено в сферу энергетических технологий. Увязание в топливно-сырьевой направленности экспортной политики и закрепление в виде плацдарма для развития соседних стран через всевозрастающий экспорт углеводородов и импорт высокотехнологичной инвестиционной и бытовой продукции приведут к деградации структуры ВВП, увеличению социального расслоения и снижению уровня конкурентоспособности национальной экономики.

Ключевые слова: инновационная парадигма; топливно-энергетический баланс; Европейский союз; возобновляемые источники энергии.

In a long-term perspective the innovative paradigm in the EU leads towards the vast decrease in primary energy consumption. The Gordian knot of the EU in middle-term consists of the future of nuclear generation, the development of solar power in North Africa, the harmonization of supranational and nation energy security strategies, as well as decommissioning of coal-fired and gas-fired power plants. But taking into consideration peculiarities of the energy policy and high priority R&D activities, the achievement of indicative targets could lead to the energy transition and minimizes the usage of fossil fuels.

The Russian Federation is a key exporter of hydrocarbons. In line with the declining importance of hydrocarbons, the role of political factors will be decreased. The competition between countries may be relocated to the sphere of energy technologies. The degradation of the GDP structure, social stratification and the deteriorating competitiveness are main features of the national economy that expects the majority of its future incomes from the export of commodities and continue to import high technological and consumer products.

Keywords: innovation paradigm; fuel and energy balance; the European Union; renewable energy sources.

Следование инновационной парадигме в развитых и развивающихся странах, своевременно преобразовавших социально-экономические институты, обеспечивает преимущества в перераспределении добавленной стоимости в долгосрочном периоде между участниками глобальной экономики. В 2020–2060 гг. в рамках шестого технологического уклада произойдет стержневое преобразование энергетических комплексов, контуры которого определены результатами ключевых НИОКР. Внедрение совокупности кластеров базисных инноваций абсорбирует экономико-политические диспропорции и оказывает положительное воздействие на хозяйственную конъюнктуру.

Электричество – наиболее универсальный вид энергии. Получение электричества из других видов энергии (механической, химической, тепловой, световой) с возможностью передачи на значительные расстояния для дальнейшего преобразования в различные виды энергии определяет первостепенное значение электроэнергетической отрасли в предстоящих технологических сдвигах. Внедрение кластера базисных инноваций в энергетике увеличит долю потребления электричества в структуре топливно-энергетического баланса. Сообразно уменьшению значения углеводородов в энергетике снизится вес политических факторов. Противоборство государств будет смещено в сферу энергетических технологий [1].

Крайне остро вопрос перехода России на инновационный путь стоит перед научным сообществом. Базовые принципы ухода от сырьевого развития заключаются в совершенствовании институциональной системы, разработке и внедрении стратегий инновационного и энергетического развития на период до 2050 г. с возможностью обновления каждые 3–5 лет, модернизации экономических институтов и технологической инфраструктуры, применении «мягких» мер в области устойчивого развития (энергосбережение и повышение энергетической эффективности, целесообразное использование возобновляемой энергии (ВИЭ), прежде всего в удаленных регионах и сельской местности, а также развитие когенерационных установок на традиционных носителях).

Во многом учет международных инновационных процессов опирается на опыт Европейского союза (ЕС), который увидел возможность выхода из кризиса 2008 г. в инновационном развитии и выразил уверенность в способности сфокусированной и экономически оправданной научно-исследовательской поли-

тики, в сочетании с преобразованием коммерческой инфраструктуры и значительными капиталовложениями в технологическую, внести вклад в социально-экономическую стабильность и укрепление позиций на мировой арене.

Анализ некоторых аспектов стратегического развития ЕС востребован в ряде направлений отечественной инновационной и социально-экономической политик. Пересечение геополитических интересов и наличие передовых компетенций актуализируют процесс поиска точек соприкосновения. В стратегии «Европа 2020» определены центральные наднациональные ориентиры энергетического развития: экономический рост, не сопряженный с увеличением потребления энергетических ресурсов, и снижение уровня импортозависимости. К 2020 г. перед странами ЕС стоят задачи по декарбонизации экономики: увеличение доли ВИЭ в топливно-энергетическом балансе до 20% (2015 г. – 16,7%), снижение уровня выбросов CO₂ на 20% по сравнению с уровнем 1990 г. (2015 г. – 22%), а также сокращение показателя валового потребления первичной энергии до 1 474 млн т н.э. (2015 г. – 1,529.6 млн т н.э.) [2].

Однако следует учитывать, что приоритеты энергетического развития ЕС характерны для крупнейшего импортера углеводородов с незначительной и повсеместно сокращающейся собственной добычей. В их основу заложены принципы энергетической независимости и устойчивого развития, а поддержка общественности позволяет реализовывать дорогостоящие проекты. Характерные черты российской экономики (высокая энергоемкость ВВП и значительная доля ТЭК в доходной части бюджета, средний показатель ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, высокоразвитая атомная промышленность, а также наличие крупнейших запасов углеводородов и минерально-сырьевой базы) требуют чрезвычайно аккуратного отношения к распространению зарубежных практик и недопущения кальки иностранных программ [Там же].

Уникальность переплетения инновационной парадигмы и стратегических задач приводит к перманентной трансформации технологической и коммерческой инфраструктуры ЕС. В результате изменения архитектуры энергосистемы через применение свода преобразованных директив и постановлений и внедрение инноваций происходит переход к более квалифицированному использованию энергии, развитию интеграционных процессов, возобновляемой и распределенной генерации. Только уве-

личение доли ВИЭ в топливно-энергетическом балансе до 20% позволит, предположительно, создать 600 000 рабочих мест, что в совокупности с выполнением цели по энергоэффективности даст 1 000 000 рабочих мест [Там же]. К 2030 г. в планах ЕС предусмотрено снижение выбросов до 40%, а к 2050 г. — до 95%. Достижение поставленной цели приведет к стержневому преобразованию энергетической системы.

Усиление влияния наднациональных органов и повышение горизонтальной кооперации между странами-участницами позволяет формировать область общих стратегических задач и в значительной степени определять долгосрочный порядок развития, в частности электроэнергетического комплекса. Современная модель регулирования в электроэнергетике была оформлена в 1996–2009 гг. принятием в три этапа (три энергетических пакета) ряда директив и постановлений, направленных на упразднение вертикально-интегрированной структуры национальных энергетических комплексов, открытие рынков стран-участниц и выстраивание системы, ориентированной на покупателя. При этом каждая новая директива и постановление заменяли предшествующие документы [3].

Отдельными линиями в директивах были прописаны постепенно ужесточающиеся требования к защите прав потребителей и публичной ответственности субъектов рынка в области безопасности, регулярности, надежности и качества поставок. Создается система регуляторных органов для осуществления координации, контроля и квазисудебной деятельности, а также обеспечения недискриминационного подхода и опережающего роста инфраструктуры. Помимо достижения стандартных системных технико-экономических эффектов и воплощения стратегических задач в области снижения выбросов CO₂, увеличения доли ВИЭ в топливно-энергетическом балансе и экономического роста, не сопряженного с увеличением потребления энергоресурсов, наднациональные органы ЕС стремятся к обеспечению территориального единства. В третьей директиве через введение определенных разрешительных процедур впервые учитываются интересы распределенной генерации и предполагается разработка на национальном уровне основных (руководящих) документов в данной сфере.

В 2016 г. был предложен новый энергетический пакет «Чистая энергия для всех европейцев». Фундаментом для преобразованного сво-

да правил послужил третий энергетический пакет. Ключевая направленность рассматриваемых документов состоит в повышении инвестиционной привлекательности «чистой» энергетики, т. е., как отмечено в официальном пресс-релизе Европейской комиссии: «the clean energy transition... — that's where the smart money is» (переход к «чистой» энергосистеме... — вот где интеллектуальный заработок). Предполагается, что успешная реализация пакета позволит с 2021 г. ежегодно мобилизовать до 177 млрд евро государственных и частных инвестиций, а также увеличит темп роста ВВП на 1% [4].

Энергетический пакет «Чистая энергия для всех европейцев» затрагивает вопросы повышения энергетической эффективности, надежности поставок электроэнергии и развития регуляторных норм Энергетического союза. Также в рамках нового пакета были предложены: стратегия развития автоматизированного транспорта, новые требования к экологической составляющей продукции, меры по усилению инновационной активности с возможностью дальнейшего экспорта высокотехнологичной продукции и шаги по ускорению реновации жилищно-коммунального фонда.

Как было сказано выше, к 2050 г. в индикативном плане ЕС предусмотрено сокращение выбросов CO₂ в электроэнергетическом секторе до 95%, по сравнению с уровнем 1990 г. Варианты достижения поставленной цели находятся в области политико-экономических и технологических компетенций. Стержневое преобразование энергетической системы потребует более 6,5 трлн евро. Далекое не каждая страна — участница ЕС способна возложить на государственный и частный сектор столь ощутимое бремя, и это объясняет значительные затраты на разработку наднациональных программ в области популяризации устойчивого развития как неотъемлемого фактора экологической и энергетической безопасности [5].

Однако учитывая экономические эффекты от снижения импортозависимости через преобразование коммерческой и технологической инфраструктуры энергетической отрасли, в долгосрочной перспективе колоссальные затраты становятся соизмеримы с расходами на импорт энергоносителей. Так, в 2015 г. ЕС покрывал 54% спроса на углеводороды за счет импорта. Ежедневные расходы на импорт составляют ~ 1 млрд евро. Тенденция к усугублению динамики при отсутствии согласованных кардинальных мер прослеживается на рис. 1.

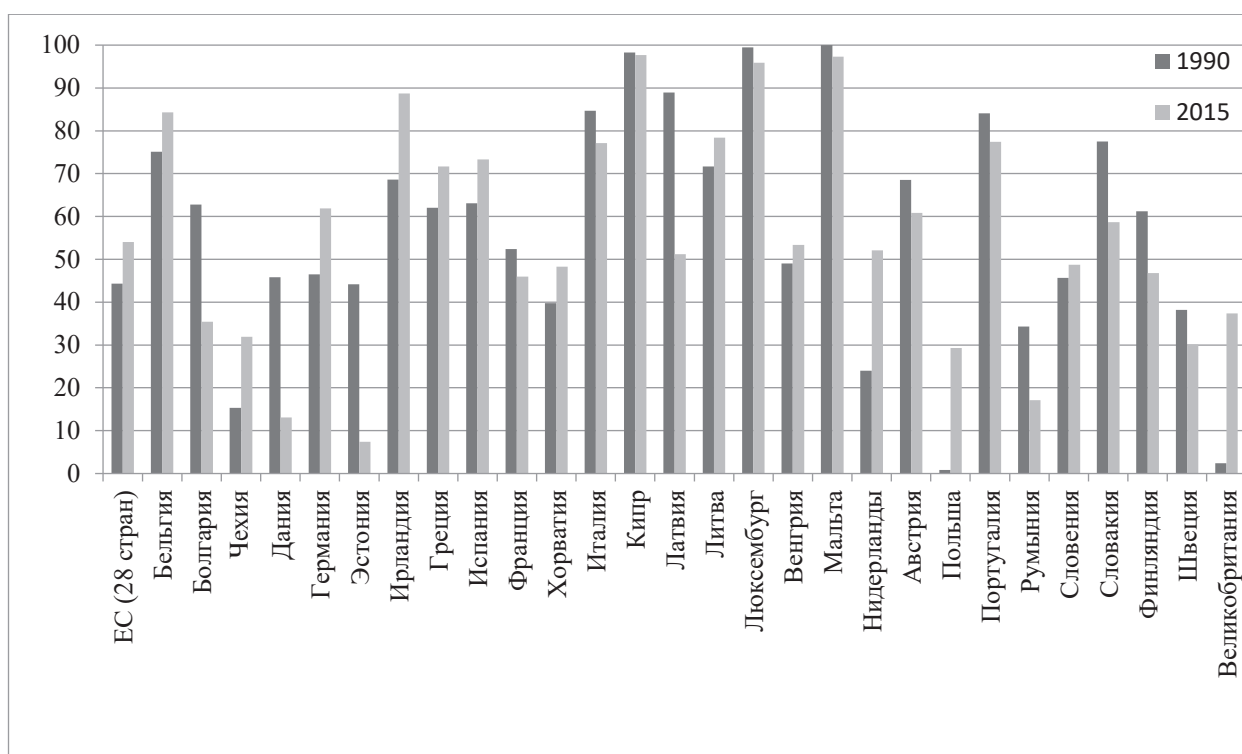

Рис. 1. Уровень импортозависимости стран ЕС в 1990 и 2015 гг., %

Источник: [2].

Чехия

Расхождения в национальных и союзных интересах вызывают неопределенность в принципах долгосрочного развития и добавляют политико-экономические риски в повестку межгосударственных диалогов. Реализация поставленных экологических задач приведет к повсеместному выводу из эксплуатации генерации, использующей традиционное топливо — уголь и природный газ. В среднесрочной перспективе применение технологий по улавливанию углерода позволит смягчить переход к новой модели энергетической структуры. В рамках низкоуглеродной энергосистемы особое значение приобретают гидроаккумулирующие станции и парогазовые установки. Маневренные мощности позволяют выравнять неоднородную энергоотдачу солнечных и ветровых станций и удовлетворять пиковый спрос. Полноценное достижение низкоуглеродной экономики осуществимо только с опорой на возобновляемую и (или) ядерную генерацию. Однако возможности строительства новых атомных блоков в ЕС крайне ограничены: Италия закрыла все атомные станции, ряд стран взяли курс на вывод ядерной генерации из ТЭБ, также неоднозначно отношение общественности к атому в большинстве стран ЕС, никогда не использовавших данный вид энергии [5].

Потребности ЕС (совместно с Норвегией и Швейцарией) в электроэнергии к 2050 г. возрастут до 4900 ТВт · ч/г. Вследствие реализации инновационной парадигмы и значительного продвижения в энергоэффективности и энергосбережении рост спроса произойдет только в связи с масштабным распространением электротранспорта и тепловых насосов. Повсеместное использование в жилищно-коммунальном хозяйстве энергоэффективных и энергосберегающих технологий позволит сократить потребление электричества в жилищно-коммунальном секторе на 950, в промышленности — на 450 (ТВт · ч/г). Электрификация транспорта повысит уровень потребления на 800 ТВт · ч/г, использование технологии тепловых насосов в отоплении, вентиляции, охлаждении и производственных процессах при многократном увеличении эффективности использования первичных ресурсов повысит уровень потребления электричества на 700 ТВт · ч/г. Изменение структуры потребления приведет к усилению разницы в зимний и летний периоды: спрос на электроэнергию в ЕС в 2050 г. в июне составит 340, в январе — 530 (ТВт · ч) [Там же].

Появление электромобилей изменит структуру энергетических рынков. Единовременная зарядка аккумуляторов способна привести к достижению пиковой нагрузки в энергосистеме-

ме, при этом возможность зарядки в ночное время окажет положительное влияние на внутрисуточные колебания графика потребления. Также электромобили в момент благоприятных цен через развитие определенных технологических механизмы способны отдавать электроэнергию в сеть. Технология тепловых насосов, по предварительным оценкам, способна обеспечить 4-кратную экономию первичных ресурсов в коммунальной сфере в процессах отопления, вентиляции и кондиционирования, применение технологии в производственных процессах позволит повысить эффективность в 2,5 раза.

В соответствии с принципами Энергетического союза и концепцией «Формирование интегрированной системы» определены следующие приоритеты: повышение энергоэффективности жилищно-коммунального фонда, процессов отопления, кондиционирования и охлаждения, промышленности и сферы услуг, а также создание системы, ориентированной на потребителя (со временем предполагается переложить на потребителя часть функций по производству тепловой и электрической энергии). Наиболее значительный потенциал в области энергоэффективности заложен в жилищно-коммунальном секторе, на который приходится около 40% конечного потребления энергии. В соответствии с п. 9 Директивы ЕС о повышении энергоэффективности жилищного фонда с 2020 г. страны объединения будут обязаны строить все здания с «практически нулевым потреблением энергии». НИОКР направлены на снижение стоимости зданий нового типа через совершенствование технологий. Также рассматривается возможность повышения эффективности и увеличения доли ВИЭ в процессах отопления, кондиционирования и вентиляции до допустимого уровня рентабельности через разработку новых систем, в основном в области использования низкотемпературных ресурсов Земли, энергии от переработки отходов, реновации существующей инфраструктуры и внедрения эффективных административных решений. Усовершенствование производственных процессов и внедрение берегающих технологий в промышленности, по оценкам Европейской комиссии, позволит вернуть до 250% затраченных средств [1].

Суммарная энергетическая нагрузка потребителей определяет режим работы электростанций в масштабе энергосистемы. Непрерывное изменение нагрузки принято отражать графиками¹.

Суточные графики нагрузки энергосистемы составляют из суммы графиков нагрузки потребителей и потерь распределения в сетях. Максимальная нагрузка обычно зимнего рабочего дня принимается за 100%. Условно график нагрузки разделяется на базовую, полупиковую и пиковую части. В базовой части используются АЭС, ТЭЦ в зимний период, ГЭС в период весеннего паводка, в полупиковый – установки, которые должны нести повышенную нагрузку в дневное и разгружаться во время сокращения потребления, т. е. блочные конденсационные агрегаты; в пиковый – ГАЭС и парогазовые агрегаты. Разгрузка блоков неизбежно приводит к снижению прибыли, что в условиях капиталистической экономики предполагает финансовые компенсации. Создание в архитектуре электроэнергетических рынков – рынка мощности, и дополнительные инвестиции в маневренные мощности, в основном через перевод ГЭС в ГАЭС и развитие аккумуляторных технологий, позволит адекватно ответить на дифференциацию в графиках нагрузки между зимним и летним периодами. Также резкое сезонное различие в уровне потребления приведет к минимальной загрузке станций на ископаемом топливе в летний период с необходимостью покрывать пиковую нагрузку в зимний. Поддержание резервных мощностей углеводородной генерации требует учета в структуре цен. Низкий коэффициент использования установленной мощности (КИУМ) традиционных станций ведет к получению недостаточной выручки и, как следствие, нехватке финансовых ресурсов для воспроизводства и модернизации генерации [6].

По предварительным оценкам, выполнение стратегической задачи по снижению выбросов приведет в 2050 г. к следующей структуре выработки электроэнергии: атомная энергетика – 47%, ВИЭ – 45%, прочее – 8%. Среди возобновляемой генерации на ветровые станции будет приходиться 22%, на гидростанции – 13%, биоэнергетика – 6%, на солнечные – 2%, прочее – 2%. В течение года базовая часть графика нагрузки будет покрываться за счет атомных станций. ВИЭ, в частности ветровые (исходя из большого потенциала) и биоэнергетика, будут использоваться чаще в зимний период, но их мощности будет недостаточно, что потребует использования углеводородных и гидроэнергетических станций [5].

Возможность масштабного развития солнечной энергии подразумевает размещение

¹ График нагрузки – диаграмма изменения мощности электроустановок во времени [6].

Рис. 2. Выработка электроэнергии по видам топлива в ЕС в 1990, 2015 и 2050 гг., легенду читать по часовой стрелке.

Источник: [2].

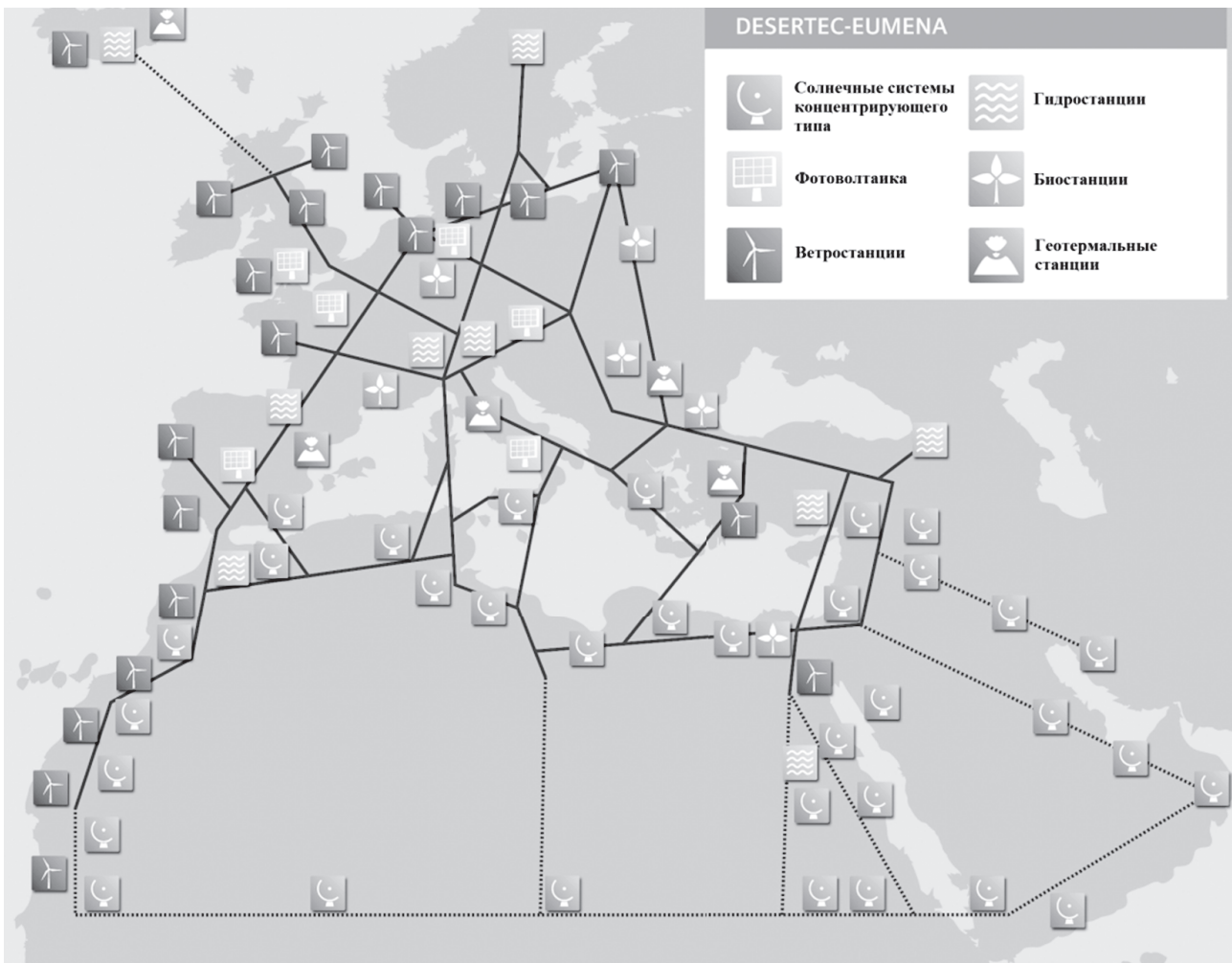

Рис. 3. Размещение возобновляемых установок в рамках концепции Desertec

Источник: Siemens. HVDC for Desertec. URL: www.siemens.com/press/photo/soept20091201-04e.

объектов солнечной генерации в локациях с наиболее благоприятными условиями и высоким КИУМ. Концепция Desertec предполагает размещение объектов в районах Северной Африки и Аравийского полуострова. В данных локациях выработка энергии солнечными станциями возможна более 4300 ч/год. Реализация концепции позволит к 2050 г. вырабатывать 700 ТВт · ч/год, что составит 14% в структуре генерации. Снижение технологических потерь при передаче электроэнергии возможно в случае соединения континентов высоковольтными линиями постоянного тока (HVDC). Нестабильность политических процессов в южных регионах негативно влияет на перспективы реализации столь неоднозначной, с точки зрения энергетической безопасности и инвестиционной привлекательности, концепции. Дополнительные риски возникают в связи с необходимостью дальнейшей переработки и утилизации отработанных агрегатов солнечных станций.

Существует несколько опций энергетического перехода стран ЕС к «зеленой экономике»: 1) наиболее оптимальный подход с точки зрения совокупных затрат; 2) энергетическое развитие страны с опорой только на собственный энергетический потенциал; 3) кооперация при сохранении национальных интересов. Подробный разбор представленных вариантов, исходя из масштаба экономики, значительного политического влияние в формате ЕС и наличия системного подхода к формированию энергетической повестки, целесообразно проводить на примере Германии.

При предельном уровне кооперации размещение возобновляемой генерации происходит в местах с наибольшим энергетическим потенциалом: южные территории ЕС, Ближний Восток и Северная Африка наиболее перспективны для установки солнечной энергетики, северные районы ЕС – для ветровой генерации, Скандинавия – для ГАЭС. Формирование энергетической системы по опции № 1 к 2050 г. позволит сократить расходы Германии на 30–35% по сравнению с опцией независимого развития. Реализация скоординированного подхода также даст существенный мультипликативный эффект в развитии ЕС, но национальное хозяйство Германии будет вынуждено импортировать до 50% электроэнергии для покрытия своих потребностей, т. е. в 2050 г. потребление составит 690, из них из Скандинавии будет импортироваться 150, Франции – 85, Польши – 35, стран Бенилюкса – 20 (ТВт · ч/год). Сомнительность выгоды от такого перераспреде-

ления лежит в плоскости как энергетической политики, так и национальной экономики. Перераспределение мощностей из наиболее индустриально прогрессивной центральной части ЕС в Ближний Восток или Северную Африку (проект Desertec) сталкивается с проблемой безопасности поставок [5].

В рамках самостоятельного энергетического развития установка возобновляемых мощностей будет приходиться на локации с меньшим энергетическим потенциалом, а недостаток межсистемных связей и отсутствие доступа к крупным накопителям энергии (ГАЭС) отрицательно скажется на возможностях балансирования неоднородной энергоотдачи солнечной и ветровой генераций, что, помимо значительно больших затрат по сравнению с опцией № 1 и № 3, потребует дополнительных вложений в резервные мощности – газовые и угольные станции.

Компромисс между общей энергетической политикой и национальными интересами (опция № 3) позволяет Германии основываться на собственной генерации в сочетании с участием в перспективных совместных проектах: с Великобританией и Францией по ветрогенерации, южными странами ЕС по солнечной энергетике, а также с Норвегией с целью дальнейшего развития и оптимального использования ее гидропотенциала, что необходимо для балансирования ВИЭ и в перспективе для возможности экспорта электроэнергии в Германию.

В долгосрочном периоде приверженность стран ЕС индикативным планам развития наряду со значительными затратами потребует направления национальных финансовых ресурсов в зарубежные проекты, которые не привносят добавленной стоимости в экономику. Несогласованность энергетической политики ЕС на уровне стран-участниц, недостаточная развитость инфраструктуры и рыночных механизмов компенсации значительного роста неоднородной энергоотдачи солнечных и ветровых станций способны привести к парадоксальной ситуации, когда, например, Германия, взявшая курс на вывод из эксплуатации всех атомных блоков, будет импортировать в период неблагоприятных погодных условий электроэнергию из Франции, основой энергетики которой служат 58 атомных блоков.

Компромиссный вариант развития, сочетающей в себе элементы национальной безопасности и интеграционные тенденции, наиболее вероятен, учитывая разносторонние политико-экономические приоритеты стран-участниц.

Реализация концепции Desertec возможна в долгосрочной перспективе в редуцированном виде при резком снижении цен на различные виды солнечных станций (фотовольтаика, башенные и параболические солнечные системы концентрирующего типа). Рост доли атомных станций в топливно-энергетическом балансе крайне неоднозначен в условиях негативной реакции общественности и значительном лобби «зеленых» партий. В этой связи особое значение приобретает развитие ветровой генерации и технологии улавливания углеводородов в качестве переходного элемента к будущей полноценной трансформации топливно-энергетического баланса ЕС.

Ценовой фактор, несмотря на возможное введение механизмов компенсации низкой загрузки углеводородных станций, отразится на выводе из эксплуатации традиционной генерации. Так, предельные издержки выработки возобновляемой генерации, в частности солнечных и ветровых станций, близки к нулю. Схожая структура издержек и у атомной генерации: высокие капитальные затраты на строительство, низкие операционные издержки и незначительная доля топливной составляющей. Переплетение вопросов развития атомной генерации, солнечной генерации в Северной Африке, национальной энергетической безопасности и вывода из эксплуатации углеводо-

родных станций останется в среднесрочном периоде Гордиевым узлом энергетической политики ЕС.

Инновационная парадигма ЕС в долгосрочной перспективе предполагает резкое сокращение потребления первичных энергетических ресурсов, ведущим экспортером которых является Россия. Сотрудничество в области высоких технологий становится крайне востребованным. Доступ к передовым компетенциям возможен через привлечение западных инвесторов и покупку активов зарубежных корпораций, что было отчетливо продемонстрировано на примере развития китайского энергетического сектора, когда во время низкой хозяйственной конъюнктуры китайские национальные компании скупили активы ведущих западных организаций, что в некоторых направлениях позволило выйти на передовые научные рубежи.

Увязание в топливно-сырьевой направленности экспортной политики и закрепление в виде плацдарма для развития соседних стран через всевозрастающий экспорт углеводородов, в том числе для нужд энергетических станций, и импорт высокотехнологичной инвестиционной и бытовой продукции приведет к деградации структуры ВВП, увеличению социального расслоения и снижению уровня конкурентоспособности национальной экономики.

Литература:

1. Салыгин, В. И. Энергетическая политика Европейского союза в сферах инноваций и снижения энергозависимости / В. И. Салыгин, И. А. Гулиев, Р. К. Мустафинов // Энергетическая политика. 2016. № 6. С. 37–43.
 2. Eurostat database. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/energy/data/database>.
 3. Селиверстов, С. С. Энергетическое право Европейского союза / С. С. Селиверстов, И. В. Гудков. М.: Аспект Пресс, 2014.
 4. Rio, P. A techno-economic analysis of EU renewable electricity policy pathways in 2030 / P. Rio // Energy Policy. 2017. Vol. 104. P. 484–493.
 5. McKinsey & Company. Transformation of Europe's power system until 2050. URL: <http://mckinsey.com>.
 6. Туkenov, A. A. Интеграция рынков электроэнергии Европы. Этапы, механизмы, достигнутый прогресс / А. А. Туkenov. М.: Икар, 2013.
 7. Салыгин, В. И. Инновационный вектор развития транспортного и энергетического секторов Европейского союза / В. И. Салыгин, И. А. Гулиев, Р. К. Мустафинов // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 4–2 (38). С. 114–118.
 8. Newbery, D. The benefits of integrating European electricity markets / D. Newbery, G. Strbach, I. Viehoff // Energy Policy. 2016. Vol. 94. P. 253–263.
-

Китайские прямые инвестиции в России в современных условиях*

Chinese direct investment in Russia in modern conditions

Котляров Николай Николаевич,
доктор экономических наук, профессор,
департамент мировой экономики
и мировых финансов
Финансовый университет
при Правительстве РФ

Kotlyarov Nikolay N.,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Professor at the Department
of World Economy and
International Finance,
Financial University
under the Government
of the Russian Federation
Kotlyarov_nn@mail.ru

Островский Андрей Владимирович,
доктор экономических наук, профессор,
заместитель директора Института
Дальнего Востока
Российской академии наук

Ostrovski Andrey V.,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Deputy Director of the Institute
of the Far East of the Russian Academy of Science
Ostrovski@ifes-ras.ru

В современных условиях при нарастании геополитических и экономических противоречий, когда в отношении России активно используются санкции со стороны государств Запада, принципиальное значение приобретает задача дальнейшего укрепления российско-китайского стратегического партнерства, включая инвестиционное сотрудничество. Объективной основой для этого служат такие факторы, как взаимная дополняемость национальных экономик России и Китая, близость их территорий, наличие ресурсного потенциала, схожесть задач модернизации. К настоящему времени, несмотря на успехи, достигнутые в деле развития двустороннего экономического сотрудничества, сохраняются дисбалансы, главными из которых являются незначительные масштабы инвестиционного сотрудничества. Данная проблема охватывает, прежде всего, область использования китайских инвестиций в российской экономике. В представленной статье анализируются основные причины такой ситуации, даются рекомендации по активизации инвестиционного сотрудничества с Китаем.

Ключевые слова: Россия; Китай; стратегическое партнерство; инвестиционное сотрудничество; мировая экономика; конкуренция; международная торговля; внешнеэкономическая политика; защита национального рынка; отраслевая структура иностранных инвестиций.

In modern conditions, with an increase of geopolitical and economic contradictions, when Western states actively implement sanctions towards Russia, the task of strengthening of the Russian-Chinese strategic partnership, including investment cooperation, becomes fundamental. Mutual complementarity of Russian and Chinese economy, closeness of their lands, availability of the resources facilitate this process. At the same time, in spite of the progress achieved in the development of bilateral economic partnership, there are some serious imbalances most of all, the minor scale of investment cooperation. This problem, first of all, comprises the use of Chinese investments in Russian economy, which suffers from the lack of scale and diversity. The present article analyzes the major causes for such situation, gives recommendations how to intensify the investment cooperation with China.

Keywords: Russia; China; strategic partnership; investment cooperation; world economy; competition; protection of national market; international trade; investments; foreign economic policy; sectoral structure of foreign investment.

* Работа выполнена в рамках государственного задания Финансового университета на 2017 г.

Развитие международного инвестиционного сотрудничества России происходит на фоне существенных изменений в мировой экономике и политике последних лет, когда в результате влияния ряда факторов, включая введение экономических санкций странами Запада, волатильность цен на энергоресурсы и неопределенные, по мнению зарубежных экспертов, перспективы экономического роста, произошло ослабление российских международных инвестиционных позиций. Если в 2013 г. приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономику РФ составил 69,2 млрд долл., увеличившись на 54% по сравнению с предыдущим 2012 г., то в 2014 г. этот показатель был равен всего 22 млрд долл., сократившись почти на 70% по сравнению с предыдущим годом, а в 2015 г. еще сократился до 6,8 млрд долл.¹ В 2016 г. ситуация изменилась в лучшую сторону: приток ПИИ в экономику России в прошлом году вырос более чем в три раза по сравнению с 2015 г. и, по данным ЦБ РФ, составил 32,5 млрд долл.

Такая ситуация объясняется оживлением в экономике после спада 2014–2015 гг. и улучшением показателей национального экспорта. Расширение российского экспорта произошло как за счет роста поставок на внешний рынок энергоносителей в условиях определенной стабилизации мировых цен на нефть, так и за счет расширения экспорта из России других товарных групп, включая поставки на внешний рынок продукции сельского хозяйства. Согласно оценкам ЮНКТАД, в 2016 г. превышение притока предпринимательского капитала в российскую экономику над вывозом капитала составило 19 млрд долл., что намного лучше аналогичного показателя 2015 г., когда вывоз капитала превысил его ввоз на 400 млн долл. [1, p. 65].

Помимо оживления российской экономики, увеличение притока иностранного капитала (в том числе инвестиций из развивающихся стран) объясняется также реализацией правительством России программы приватизации государственных активов. Зарубежные эксперты выделяют ряд крупных сделок по продаже российских активов, включая продажу 19,5% пакета акций компании «Роснефть», который был приобретен в 2016 г. консорциумом в составе швейцарской компании Glencore и суверенным фондом Катара. Крупные корпорации Индии также приобрели российские активы в нефтяном и газовом секторах. Так, индийская компа-

ния Vankor купила 24% пакета российской нефтяной компании «Ванкорнефть», принадлежащей «Роснефти», за 2 млрд долл., а индийская компания Videsh дополнительно приобрела 15% той же российской компании за 1,3 млрд долл. соответственно. Помимо этого, Россия вложила капиталы в новые проекты по добычи сырья из стран Юго-Восточной Азии [1, p. 66].

Тем не менее приток ПИИ в отечественную экономику все еще остается в два раза ниже уровня 2013 г., что стало следствием использования экономических санкций со стороны стран Запада, введенных в отношении России, и встречных российских ограничений на импорт товаров из стран, использующих антиросийские санкции.

Экономические санкции имели следствием некоторые изменения в географической структуре ПИИ по регионам страны, хотя кардинальных трансформаций за такой короткий срок не могло произойти. В частности, за период 2014–2015 гг. доля Дальневосточного федерального округа увеличилась с 4,67 до 7,01%, включая увеличение доли Сахалинской области с 2,89 до 4,98%. При этом санкции не отразились на основной особенности региональной структуры ПИИ, связанной с их высокой концентрацией в Москве, где сосредоточено свыше 50% иностранных инвестиций. Такая ситуация определяется, прежде всего, емкостью потребительского рынка, представляющего собой один из важнейших факторов инвестиционной привлекательности.

Проблемы инвестиционной привлекательности российских регионов остаются одним из ключевых аспектов, сдерживающих приток ПИИ. Среди них особо следует выделить такие, как низкая покупательная способность населения и предприятий, отсутствие масштабных региональных рынков сбыта производимой продукции, неразвитость транспортной инфраструктуры. Несмотря на наличие достаточно серьезного инвестиционного законодательства, особую проблему составляет его практическая реализация на местах.

Россия в настоящее время стоит перед необходимостью в относительно короткие сроки сформировать более диверсифицированную структуру своей экономики, представленную конкурентоспособными производствами и предприятиями. Важнейшие параметры модернизации заложены в государственных программных документах. Задачи развития внешнеэкономических связей страны, включая инвестиционное сотрудничество с зарубежными

¹ Данные Центрального банка РФ.

странами, определены в государственных программах документах, прежде всего в Указе Президента РФ «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» (от 13 мая 2017 г.), где подчеркивается, что на международные экономические отношения возрастающее влияние оказывают факторы военно-политического порядка, усиливается стремление ряда стран использовать экономические методы для достижения политических целей. В целях повышения устойчивости экономики России к воздействию внешних вызовов сотрудничества необходимо осуществлять диверсификацию географической структуры внешнеэкономических и инвестиционных связей, расширять номенклатуру и объем экспорта, создавать региональные и трансрегиональные интеграционные объединения. В качестве приоритетных внешнеэкономических партнеров выделены страны ЕАЭС, ШОС и БРИКС.

С учетом сложившихся геополитических условий, развитие экономического сотрудничества с Китаем, включая инвестиционные связи, представляется для России особенно важным направлением. Существует экономическая заинтересованность в развитии двусторонних инвестиционных связей, как со стороны России, так и со стороны Китая, которая подкрепляется устойчивым характером двусторонних политических отношений, развивающихся в контексте укрепления двустороннего стратегического партнерства. С учетом благоприятных политических отношений и взаимной заинтересованности в развитии экономических связей, общие условия для расширения инвестиционного сотрудничества России и Китая в настоящее время достаточно благоприятны.

Помимо Китая, перспективным направлением развития сотрудничества являются и другие азиатские страны, которые не входят в политические и военные союзы с США и имеют значительный экономический потенциал. Строго говоря, именно азиатские страны региона АТР в последние два десятилетия являются двигателями мирового экономического роста. Как отмечают авторы исследования «Поворот на Восток: развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России», азиатские страны АТР, представляя собой в начале «сборочную фабрику мира» и обеспечивая развитые экономики дешевыми потребительскими товарами, теперь постепенно превращаются в один из самых ди-

версифицированных и самодостаточных регионов мира, дополняя традиционную специализацию на производстве ширпотреба развитыми кластерами высокотехнологичных производств, финансовыми центрами и все более развитой инфраструктурой [2].

Участие России в различных двусторонних и многосторонних форматах сотрудничества в АТР представляет реальную возможность интегрироваться в действующие там механизмы торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия, использовать новые для себя источники экономического и инновационного развития. В качестве уже действующих важных предпосылок и условий для этого следует выделить сложившиеся к текущему времени нормальные и даже партнерские отношения РФ с рядом стран АТР. При этом наша страна является членом большинства важнейших многосторонних экономических форматов, включая АТЭС. В последние годы происходит расширение экономического взаимодействия в рамках партнерства Россия – АСЕАН (которому в 2016 г. исполнилось 20 лет). Как отметил президент России В. В. Путин на встрече с представителями Делового форума Россия – АСЕАН² в мае 2016 г. в Сочи, показатели торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия России со странами АСЕАН пока выглядят скромными (товарооборот 13,7 млрд долл. и общий объем капиталовложений 11 млрд долл.). Однако существует очень большой потенциал развития сотрудничества по целому ряду направлений, включая топливно-энергетическую сферу, области транспорта, включая совместное строительство железных дорог, внедрение современных систем спутниковой навигации, программы опережающего развития российского Дальнего Востока, где созданы территории с льготным режимом для ведения бизнеса.

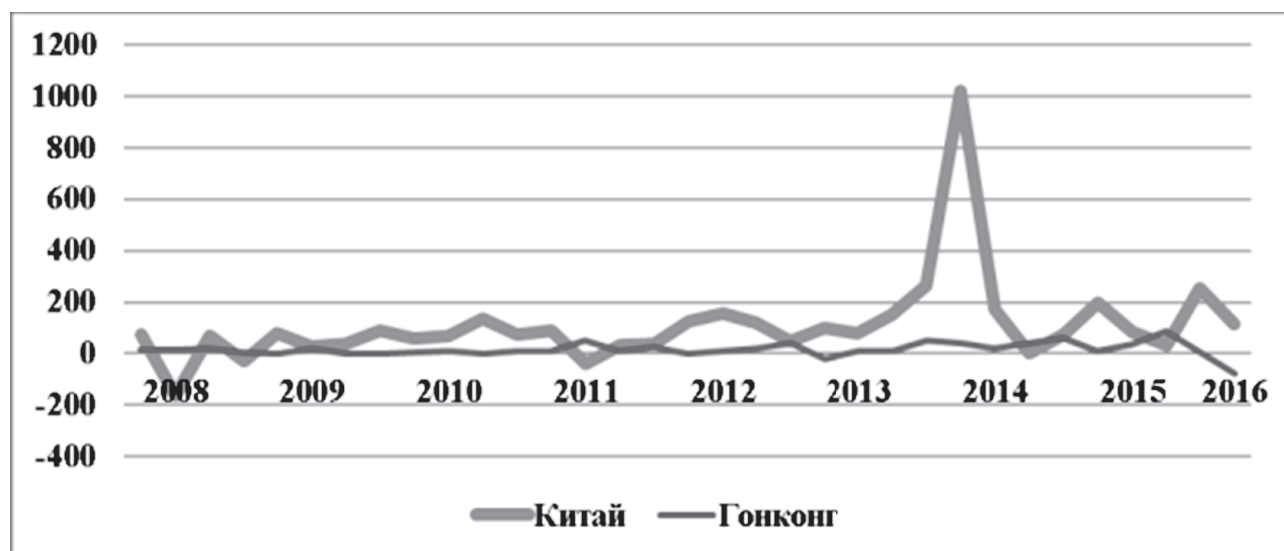
В то же время важнейшим экономическим партнером для России является Китай. Начиная с 2010 г. эта страна – первый по значимости российский торговый партнер. Доля Китая во внешнеторговом обороте России постоянно растет и в 2016 г. составила 12,3% общего объема внешней торговли РФ. (в 2008 г. – всего 7,6%) [3]. Двусторонний товарооборот за период 2000 по 2016 г. вырос более чем в 10 раз. Руководителями России и Китая поставлена задача довести двусторонний товарооборот до 200 млрд долл. к 2020 г. При этом важнейшим направлением двустороннего сотрудничества

² URL: <http://www.Russia-asean20.ru/>.

Товарооборот между РФ и КНР в 2010–2016 гг. (по данным ФТС России)

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
ОБОРОТ, млрд долл.	59,3	83,5	87,5	88,8	88,4	63,6	69,5
темпы роста в %	150,3	140,8	105,2	101,6	99,5	71,9	109,3
ЭКСПОРТ, млрд долл.	20,3	35,2	35,7	35,6	37,5	28,6	32,2
темпы роста в %	121,8	173,4	102,0	99,6	105,7	76,3	97,9
ИМПОРТ, млрд долл.	39,0	48,3	51,8	53,1	50,9	35,0	37,3
темпы роста в %	171,2	123,9	107,6	102,9	95,7	68,7	108,9
САЛЬДО, млрд долл.	-18,7	-13,1	-16,1	-17,5	-13,4	-6,3	-5,1

Источник: [3].

Прямые инвестиции в Россию из Китая и Гонконга (2008–2016 гг.), млн долл.

Источник: [5].

становится сфера энергетики, где последовательно проводится линия на формирование прочного двустороннего энергетического альянса. Со своей стороны Россия пока не входит в десятку ведущих торговых партнеров КНР и по итогам 2016 г. заняла по этому показателю 14-е место (1,7% китайского внешне-торгового оборота). Данные по динамике товарооборота между Россией и Китаем представлены в таблице.

Как видно из представленной таблицы, в 2015 г. произошло сокращение двусторонней торговли с 88,4 до 63,6 млрд долл., или на 28%. Причиной такого сокращения стало последовавшее за снижением мировых цен на нефть значительное ослабление рубля. Данное сокращение в период 2015–2016 гг. было частично

компенсировано за счет повышения конкурентоспособности других статей российского экспорта, включая продукцию машиностроения и сельского хозяйства, стоимость которых снизилась из-за девальвации рубля. Так, Россия существенно увеличила экспорт зерновых на китайский рынок. В предыдущие годы Китай импортировал в небольших объемах высококачественный рис и пшеницу, а в период 2015–2017 гг. стал наращивать закупки кукурузы, риса, пшеницы, ячменя и сои. Одновременно Китай стал увеличивать импорт российских кондитерских изделий и других продовольственных товаров [4]. Доля машин и оборудования в российском экспорте в Китай увеличилась с 1 до 3%. Динамика двусторонней торговли в целом свидетельствует о постепенной ди-

версификации структуры торговых связей с Китаем.

В последние годы наблюдается определенная активизация инвестиционного взаимодействия между РФ и КНР, что видно из рисунка.

Важно отметить, что на фоне общего спада притока иностранных инвестиций в российскую экономику за последние годы между российскими и китайскими компаниями в 2014–2016 гг. было заключено большое количество соглашений о реализации двусторонних проектов, хотя в целом объемы двустороннего инвестиционного сотрудничества России и Китая пока остаются довольно скромными, поскольку ежегодные размеры китайских инвестиций в экономику РФ находятся на уровне менее 1 млрд долл. в год.

Представители китайских деловых кругов считают, что инвестиции в российскую экономику в обозримой перспективе могут быть увеличены при условии создания более благоприятного инвестиционного климата, усиления правовой защиты иностранных инвестиций, развития конкуренции в малом и среднем бизнесе. По некоторым оценкам, потенциальный объем прямых инвестиций из Китая в российскую экономику мог бы достигать 10–12 млрд долл. ежегодно при условии формирования более благоприятного инвестиционного климата для китайских инвестиций.

В настоящее время можно выделить ряд основных проблем двустороннего инвестиционного сотрудничества.

Помимо достаточно узкой отраслевой специализации российской экономики, что имеет следствием незначительную долю РФ во внешней торговле Китая, китайские предприниматели выделяют проблему емкости российского внутреннего рынка. Данная проблема связана с численностью российского населения (по сравнению с населением Китая) и его в целом недостаточно высокой покупательной способностью, что, с точки зрения потенциальных китайских инвесторов, не оправдывает реализацию масштабных инвестиционных проектов на российской территории, нацеленных на освоение внутреннего российского рынка. Также китайские предприниматели в качестве проблем выделяют недостаток информации относительно экономических условий и правового регулирования деятельности иностранного бизнеса в России, что затрудняет формирование комплексного понимания специфики российского рынка [6]. В определенной степени взаимное инвестиционное сотрудничество ослож-

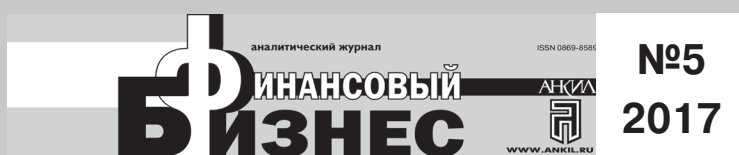
няет и геополитическая напряженность отношений России со странами Запада, которая вызывает опасения китайских инвесторов попасть в санкционные списки. Макроэкономическая нестабильность в российской экономике и отсутствие правовых механизмов защиты иностранных инвестиций также являются причинами, препятствующими увеличению притока китайского предпринимательского капитала в российскую экономику.

Вместе с тем, несмотря на наличие факторов, сдерживающих развитие двустороннего инвестиционного сотрудничества, существуют предпосылки для его расширения. Расширению вывоза в ближайшие годы китайского капитала в Россию должны способствовать международные инициативы, которые в последние годы реализуются властями КНР. Речь идет прежде всего о масштабном инфраструктурном проекте «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), направленном на создание транспортных коридоров между странами Азии и Европы. В основе ЭПШП лежит инвестиционная составляющая, где основную роль играют инвестиции в инфраструктурные проекты. Предполагается, что Россия будет участвовать в проекте ЭПШП в целях развития транспортной инфраструктуры, в том числе модернизации железнодорожного маршрута Москва – Пекин и развития транспортной сети на Дальнем Востоке.

Значительный потенциал увеличения в перспективе инвестиций из КНР в Россию заложен в совместных проектах по добыче и транспортировке энергетических ресурсов. Предполагается, что китайские закупки российской нефти будут увеличиваться и к 2020 г. составят свыше 50 млн т, что почти в два раза больше показателя 2013 г. [7]. Одновременно развитию инвестиционного сотрудничества между РФ и КНР будут способствовать совместные газовые проекты. В настоящее время осуществляется строительство газопровода по восточному маршруту, по которому в Китай будет ежегодно поставляться 38 млрд куб. газа. Общая сумма договора, который рассчитан на 30 лет, составляет 400 млрд долл., при этом объем инвестиций в объекты добычи и транспортировки газа на российской территории составит свыше 55 млрд долл. Помимо этого в стадии реализации находится строительство газопровода «Алтай», по которому планируется начиная с 2019 г. осуществлять поставки газа в КНР в размере 61 млрд кубометров в год.

Литература:

1. World Investment Report 2017, УТСТАД, Geneva 2017.
2. Поворот на Восток: развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России / под ред. И. А. Макарова. М. : Международные отношения, 2016.
3. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество // Портал внешнеэкономической информации (Министерство экономического развития РФ). URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_ru_trade/.
4. Портал внешнеэкономической информации Министерства экономического развития РФ. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations.
5. Статистика внешнего сектора ЦБ РФ. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/>.
6. Инвестиционное сотрудничество России и Китая : колл. монография / под ред. Н. Н. Котлярова и А. В. Островского. М. : Русайнс, 2016.
7. Портал Newsland. URL: <http://www.newsland.com/news/detail>.
8. Мозиас, П. М. Иностраный капитал и структурные сдвиги в экономике Китая / П. М. Мозиас // Финансовый бизнес. 2017. № 5.
9. Doing Business 2017, Equal Opportunity for All, World bank Group, 2017.
10. Официальный сайт Международного валютного фонда: URL: <http://www.imf.org/external/Russian>.
11. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации: <http://www.cbr.ru>.

Читайте в журналах издательства “Анкил”:**АНАЛИЗ-ПРОГНОЗ**

Минкаил Сулейманов
Инвестиционный потенциал как важнейший фактор национального богатства Российской Федерации

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Олег Шахов
О разнообразии форм стратегического партнерства государства и бизнеса
Павел Кохно, Алина Кохно
Патентный подход финансовой оптимизации инновационного развития промышленного производства

ИНВЕСТИЦИОННО-ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

Дмитрий Дементьев
Нормативное финансирование медицинских учреждений

ФИНАНСОВЫЙ АНАЛИЗ

Юрий Кораблев
Классификация и характеристики перетоков капитала

ВАЛЮТНО-КРЕДИТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Сергей Семенов, Константин Семенов
Не путать компенсацию с восстановлением сбережений...

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА

Татьяна Минина, Владимир Скалкин
Субнациональные стабилизационные фонды как средство повышения эффективности публичных финансов

ФИНАНСОВЫЕ РЫНКИ

Геннадий Мокров
Природа таможенной пошлины: подходы к проблеме

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Петр Мозиас
Иностраный капитал и структурные сдвиги в экономике Китая

Перечень публикаций журнала за 2017 год

№ 1

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

- 3 Александр Сухаренко
Законодательное обеспечение противодействию коррупции в сфере госзакупок

ФИНАНСОВЫЕ РЫНКИ

- 8 Елена Степанова
Оценка риска сделок мезонинного финансирования при управлении капиталом

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

- 16 Вадим Соколинский
Имидж студента экономического вуза: как его сформировать?

ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ

- 23 Алексей Буренин
Всегда ли надо бояться дефляции?

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- 28 Джафар Магомедов
Методологические основы анализа рынка доходной части недвижимости

- 31 Юрий Левин, Александр Павлов
Дальневосточные инвестиционные проекты: влияние стоимости электроэнергии на финансовые показатели

- 35 Светлана Панова, Борис Сребник
Финансово-экономическая стабильность и другие факторы экономического роста

УПРАВЛЕНИЕ ФИНАНСОВЫМИ РИСКАМИ

- 42 Валерий Корнейчук
Управление бухгалтерским финансовым риском кредитной организации

РЫНОК ЦЕННЫХ БУМАГ

- 48 Сергей Ватрушкин
Оценка эффекта дня недели на рынках ценных бумаг (межстрановой анализ)

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- 55 Владимир Маслов
Заметки о китайском социализме

- 61 Тохиржон Тохиров
Принципиальное положение автотранспортной системы региона в условиях рыночной экономики (Таджикистан)

- 67 Михаил Жерновой
Противодействие обороту контрафактной продукции в Евразийском экономическом союзе

МНЕНИЕ

- 70 Валентин Катасонов
Ученые идиоты нашего времени. Кое-что о профессиональных экономистах

ПО ВОЛНАМ ИНТЕРНЕТА

- 73 Геннадий Зюганов
Летаргический бюджет

№ 2

АНАЛИЗ-ПРОГНОЗ

- 3 Борис Ческидов
Применимость опыта 1998–1999 гг. при решении проблем текущего экономического кризиса

ВАЛЮТНО-КРЕДИТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- 12 Анатолий Холопов
Макроэкономические последствия изменений валютного курса

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- 20 Наталья Адамчук
Страховой рынок как один из драйверов геоэкономических процессов

ИНВЕСТИЦИОННО-ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- 25 Валерий Салыгин, Игбал Гулиев, Руслан Мустафинов
Энергетика и управление инновациями: финансовые аспекты программы ЕС «Горизонт 2020»

- 33 Асхаб Цакаев
Повышение инвестиционной активности на основе трансформации базовых принципов инвестиционной деятельности российских компаний к условиям экономической глобализации

БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

- 39 Аркадий Наговицын
Банковский сектор России увидел дно

- 49 Алексей Тарасов
Анализ банковского портфеля синдицированных кредитов

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

- 56 Владимир Слепов, Владимир Бурлачков, Иван Волков
Макроэкономический разбор противодействия теневым финансовым потокам в России

ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ

- 62 Сергей Владимиров
О научном обосновании сбалансированной государственной макроэкономической инвестиционной политики

ИЗ ПРОШЛОГО

- 73 Владимир Кашин, Минкаил Сулейманов
История денег в России: от Витте до наших дней. Триумфы диктаторов и провалы демократий (начало)

МНЕНИЕ

- 78 Валентин Катасонов
Экономические прогнозы как отрасль астрологии

№ 3

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА

- 3 *Роман Колесов, Ксения Проскурнова*
Бюджетно-инвестиционная модель экономического роста регионов России
- 8 *Юрий Швецов*
От федерализма – к бюджетному феодализму

БУХУЧЕТ И АУДИТ

- 17 *Валерий Корнейчук*
Об организации управления бухгалтерским финансовым риском на предприятии

БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

- 21 *Андрей Семенюк*
Насколько реализация программ обратной ипотеки выгодна для кредиторов?
- 24 *Татьяна Варламова*
Микрофинансовые организации: нормативно-правовое регулирование и направления развития

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- 30 *Светлана Панова, Борис Сребник*
Пути совершенствования финансового механизма хозяйствования

ИЗ ПРОШЛОГО

- 40 *Владимир Кашин, Минкаил Сулейманов*
История денег в России: от Витте до наших дней. Триумфы диктаторов и провалы демократий (окончание)

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- 46 *Алена Сладкова*
Утилизационный сбор при ввозе товаров в Россию
- 53 *Алена Долгова*
Лондон как международный финансовый центр: статус и перспективы с учетом процесса Brexit

ПО ВОЛНАМ ИНТЕРНЕТА

- 60 *Димитрий Чураков*
Разрушительные течения Февраля большевики смогли перевести в созидательное русло
- 62 *Михаил Абрамов*
Россия – не место для частного капитала
- 64 *Ольга Соловьева*
Потребительский кризис в РФ продолжается

№ 4

АНАЛИЗ-ПРОГНОЗ

- 3 *Виктор Газман*
Догоняющий рост после падения: лизинговый рынок России в 2016 г.

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- 11 *Марина Богданова, Елена Колесникова, Розалина Цой, Евгений Щетинин*
Государственная поддержка сельского хозяйства в регионах: сравнительный анализ эффективности реализации
- 23 *Вера Левина*
Роль механизмов согласования региональных и муниципальных интересов в процессе регулирования социально-экономического развития территорий

БЮДЖЕТНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

- 32 *Наталья Ефремова*
Аспекты открытости государственного органа власти, или Исторический код: от государственного деятеля к эффективному менеджеру?

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

- 35 *Нина Вишневская, Алексей Связов*
Проблемы экономической безопасности современной фирмы
- 39 *Александр Сухаренко*
Криминальные риски свободного порта Владивосток

ВАЛЮТНО-КРЕДИТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- 43 *Виктор Ионов*
Наличные деньги: сегодня и в перспективе

ОЦЕНОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- 55 *Леопольд Ревуцкий*
Теоретическая база методических подходов к оценке справедливой стоимости проблемных активов

№ 5**АНАЛИЗ-ПРОГНОЗ**

- 3 *Минкаил Сулейманов*
Инвестиционный потенциал как важнейший фактор национального богатства Российской Федерации

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- 10 *Олег Шахов*
О разнообразии форм стратегического партнерства государства и бизнеса
- 14 *Павел Кохно, Алина Кохно*
Патентный подход финансовой оптимизации инновационного развития промышленного производства

ИНВЕСТИЦИОННО-ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

- 24 *Дмитрий Дементьев*
Нормативное финансирование медицинских учреждений

ФИНАНСОВЫЙ АНАЛИЗ

- 30 *Юрий Кораблев*
Классификация и характеристики перетоков капитала

ВАЛЮТНО-КРЕДИТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- 36 *Сергей Семенов, Константин Семенов*
Не путать компенсацию с восстановлением сбережений...

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА

- 41 *Татьяна Минина, Владимир Скалкин*
Субнациональные стабилизационные фонды как средство повышения эффективности публичных финансов

ФИНАНСОВЫЕ РЫНКИ

- 55 *Геннадий Мокров*
Природа таможенной пошлины: подходы к проблеме

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- 58 *Петр Мозиас*
Иностранный капитал и структурные сдвиги в экономике Китая

№ 6**АНАЛИЗ-ПРОГНОЗ**

- 3 Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»

ИНВЕСТИЦИОННО-ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

- 11 *Елена Тютюкина, Татьяна Седаш, Анатолий Данилов*
Три «И» для обеспечения финансирования инфраструктурных проектов: инвесторы, инструменты, институты

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА

- 21 *Ирина Караваева, Вячеслав Павлов, Сергей Казанцев, Евгений Бухвальд, Михаил Гельвановский, Людмила Ржаницына, Евгений Иванов, Андрей Коломиец, Ирина Колпакова, Нина Курнова*
Федеральный бюджет Российской Федерации на 2018–2020 годы: возможен ли выход из рецессии?

НАЛОГИ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

- 34 *Борис Ческидов*
Специфика стимулирующего воздействия реформирования налоговой системы в российских условиях

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- 40 *Олег Шахов*
Общие и особенные интересы участников стратегического партнерства государства и бизнеса

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

- 44 *Ирина Колпакова*
Государственная ценовая политика как механизм предотвращения угроз социально-экономической безопасности России

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- 50 *Валерий Салыгин, Игбал Гулиев, Руслан Мустафинов*
Политико-экономические риски трансформации электроэнергетической отрасли Европейского союза
- 58 *Николай Котляров, Андрей Островский*
Китайские прямые инвестиции в России в современных условиях

- 64 *Перечень публикаций журнала за 2017 г.*